

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P  
**Дискурс**★*Пи*  
Научный журнал

**P**HILOSOPHY –  
ФИЛОСОФИЯ  
**P**OLITICAL SCIENCE –  
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА  
**P**AST & PRESENT –  
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ  
**P**UBLIC RELATIONS –  
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ  
**P**HILIOLOGY –  
ФИЛОЛОГИЯ

**№ 2 (19) 2015**

DISCOURSE-P  
**ДИСКУРС**★*Пи*

**IP&L** INSTITUTE of  
**PHILOSOPHY & LAW**  
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права  
Уральского отделения  
Российской академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ  
DISCOURSE-P  
**Дискурс**★*Пи*  
Екатеринбург – 2015



**«ДИСКУРС-ПИ»  
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ  
№ 2 (19)  
Октябрь 2015**

**Выходит четыре раза в год**

**Учредитель:**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук

**Издатель:**

Издательский Дом «Дискурс-Пи»  
620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233  
Тел.: +7 902 870-86-06  
e-mail: [info@discourse-p.ru](mailto:info@discourse-p.ru)  
<http://www.discourse-p.ru>

**Свидетельство о регистрации:**

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.  
выдано Федеральной службой по надзору  
в сфере связи, информационных технологий  
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 15.09.2015 г.

Формат 60x84<sup>1/8</sup>

Усл. печ. л. 22,32

Тираж 300 экз.

Заказ № E0018797

Отпечатано в типографии «Артикул»  
620026, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 71 Б  
Тел: +7 (343) 251-61-77  
<http://www.artikul.ru>

**Журнал индексируется в базе данных системы  
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

**Рукописи рецензируются**

Требования к рукописям научных статей,  
представляемых для публикации  
в научном журнале «Дискурс-Пи»,  
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте  
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,  
ул. Софьи Ковалевской, 16,  
Институт философии и права УрО РАН  
Телефон: +7 (912) 632-96-99  
E-mail: [rusakova\\_mail@mail.ru](mailto:rusakova_mail@mail.ru),  
[dipi@nm.ru](mailto:dipi@nm.ru)

**Все выпуски журнала  
размещаются на сайте  
[www.madipi.ru](http://www.madipi.ru)**

**При перепечатке ссылки на журнал  
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам  
придерживаться стилистики  
научного дискурса**

#### **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

#### **ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР**

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

#### **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

Е. Г. Дьякова – доктор политических наук (Екатеринбург, Россия)

Ю. Г. Ершов – доктор философских наук (Екатеринбург, Россия)

С. Г. Зырянов – доктор политических наук (Челябинск, Россия)

К. В. Киселев – кандидат философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Е. А. Кожемякин – доктор философских наук, профессор (Белгород, Россия)

Н. А. Комлева – доктор политических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

О. В. Коркунова – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

В. О. Лобовиков – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

В. С. Мартынов – кандидат политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

С. В. Мошкин – доктор политических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

К. С. Романова – кандидат философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

В. М. Русаков – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Е. М. Олову – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

А. Д. Трахтенберг – кандидат политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

М. А. Фадеичева – доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

И. Б. Фан – доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Л. Г. Фишман – доктор политических наук (Екатеринбург, Россия)

#### **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

В. Г. Богомяков – доктор философских наук, профессор (Тюмень, Россия)

М. В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

А. Д. Королев – главный ученый секретарь РФО, кандидат философских наук (Москва, Россия)

К. Н. Любутин – доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)

О. Ю. Малинова – доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

Л. Н. Синельникова – доктор филологических наук, профессор (Ялта, Россия)

Е. А. Степанова – доктор философских наук, доцент (Екатеринбург, Россия)

Л. Н. Тимофеева – доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

В. Е. Хвощев – кандидат философских наук, доцент (Челябинск, Россия)

А. Н. Чумаков – первый вице-президент РФО, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

#### **СЕКРЕТАРИАТ**

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН

Д. М. Ковба – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

**VII Российский Философский Конгресс**

6–10 октября 2015 г.  
Республика Башкортостан, г. Уфа

**Философия, культура и дискурс мобильности**

*Доклады участников круглого стола*

**В.М. Русаков, О.Ф. Русакова,**  
Философия мобильности в современном  
мире ..... 10

**И.В. Гладкова**  
Интеллектуальная мобильность в глобальном  
мире ..... 19

**И.Б. Фан**  
Дискурс мобильности и проблематизация  
национального гражданства ..... 24

**К.С. Романова**  
Социальные лифты как средство социальной  
мобильности ..... 30

**В.Н. Савин, Н.Б. Фатеева**  
Методологические проблемы изучения  
феномена мобильности в современном  
российском обществе ..... 35

**Я.Ю. Моисеенко**  
Мобильность как свойство массового  
конформистского сознания ..... 39

**К.К. Фурсов**  
Проявление дискурса вражды в жанре  
автобиографии в рамках процесса  
вертикальной политической мобильности ... 47

**Д.М. Ковба**  
Фактор мобильности с точки зрения теории  
«мягкой силы» ..... 53

**А.С. Исаков**  
Дискурс мобильности в исламе:  
политологический анамнез ..... 57

**В.А. Корнеева**  
Виды и ресурсы спортивной мобильности  
как инструменты soft power в реализации  
интересов национальной и региональной  
политики стран ..... 64

**А.А. Коняев**  
Мобильность, стабильность,  
изменчивость ..... 72

**Е.Г. Грибовод**  
Мобильность как атрибут медиатизации  
политики ..... 75

**Я.Е. Корелин**  
Дискурс мобильности и национализм ..... 78

**Персона**

**И.Б. Фан**  
Интервью с А.Н. Чумаковым,  
Первым вице-президентом Российского  
философского общества ..... 82

**Парадигмы и процессы**

**О.Ф. Русакова, А.А. Хмелинин**  
Глобальная стратегия неолиберальных  
трансформаций: критический анализ ..... 91

**О.И. Попова,  
Е.С. Григорьева,  
И.Ю. Морозова**  
Геобрендинг Екатеринбурга для внешних  
и внутренних целевых аудиторий: анализ  
социологических исследований ..... 102

**Д.А. Зеркаль**  
Государственная информационная политика  
в условиях трансформации информационного  
пространства ..... 122

**Геополитика**

**Н.А. Комлева**  
Переформатирование гендера как проявление  
«мягкой силы» в геополитических  
процессах ..... 129

**Интеллектуальные технологии****В. Лобовиков**

Знание бытия и знание ценности:  
эмпирическое и априорное знание  
в эпистемической модальной логике  
(логические квадраты и гексагоны оппозиции  
модальностей факта и ценности)..... 143

**Энциклопедия «Дискурсология»***Статьи***А.В. Олянич**

Автомобильный дискурс ..... 153

Вакхический дискурс..... 155

Гастрономический дискурс..... 157

Искусствоведческий дискурс..... 160

Кинодискурс ..... 162

Милитарный (военный) дискурс ..... 165

Научно-фантастический дискурс ..... 167

Охотничий дискурс ..... 170

Рекламный дискурс..... 173

Театральность как категория политического  
дискурса ..... 176

**А.В. Олянич , Е.А. Сухова**

Агро- или сельскохозяйственный  
дискурс ..... 178

**Т.А. Островская, З.Р. Хачмафова**

Дискурс элиты ..... 180

**Е.Н. Галичкина**

Компьютерный дискурс..... 183

**О.А. Леонтович**

Метод дискурс-анализа ..... 185

**Памяти**

*Марианны Альфредовны Фадеичевой*.....188

«DISCOURSE-P»  
SCIENTIFIC JOURNAL  
№ 2 (19)  
October 2015

Published four times a year

**Founded by**

The Institute of Philosophy and Law  
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

**Published by**

Publishing House «Discourse-P»  
ul. Posadskaya 21 office 223  
Ekaterinburg  
620102  
Russia

Phone: +7 (902) 870-86-06  
E-mail: [info@discourse-p.ru](mailto:info@discourse-p.ru)  
<http://www.discourse-p.ru>

**Mass Media Certificate of Registration:**

PI № FS77-54425 from June 10, 2013  
given by the Federal Service for Supervision  
of Communications, Information Technology,  
and Mass Media

Passed for printing on 15.09.2015  
Format 60x84 1/8  
Reference sheet area 22,32  
Issues – 300  
Order № E0018797

Printed by Typography «Artikul»  
ul. Belinskogo 71 B  
Ekaterinburg  
620026  
Russia  
Phone: +7 (343) 251-61-77  
<http://www.artikul.ru>

**The journal is abstracted/indexed  
in the Russian Science Citation Index  
(RSCI)**

**Manuscripts are reviewed**

The requirements for scientific articles  
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,  
are located at the end of the issue

**Mailing address of Editorial Board:**

Scientific Journal «Discourse-P»  
Institute of Philosophy and Law  
ul. S. Kovalevskoy 16  
Ekaterinburg  
620990  
Russia  
Phone: +7 (912) 632-96-99  
E-mail: [rusakova\\_mail@mail.ru](mailto:rusakova_mail@mail.ru); [dipi@nm.ru](mailto:dipi@nm.ru)

**All issues of the journal  
are available on the website  
[www.madipi.ru](http://www.madipi.ru)**

**At a reprint the references to the journal  
are obligatory**

**Editorial recommends authors  
to adhere to the style  
of scientific discourse**

© Discourse-P, 2015



DISCOURSE-P  
ДИСКУРС-П

#### **EDITOR-IN-CHIEF**

V. N. Rudenko – Corr.-Member of RAS, Dr. Sc. (Law),  
Professor (Ekaterinburg, Russia)

#### **ISSUE CHIEF EDITOR**

O. F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor

#### **EDITORIAL BOARD**

E. G. Djakova – Dr.Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)  
J. G. Ershov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)  
S. G. Zyryanov – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Chelyabinsk,  
Russia)  
K. V. Kiselev – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg,  
Russia)  
E. A. Kozhemjakin – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Belgorod, Russia)  
N. A. Komleva – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg,  
Russia)  
O. V. Korkunova – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)  
V. O. Lobovikov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)  
V. S. Martjanov – Cand. Sc. (Political Science), Associate  
Professor (Ekaterinburg, Russia)  
S. V. Moshkin – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg,  
Russia)  
K. S. Romanova – Cand. Sc. (Philosophy), Associate  
Professor (Ekaterinburg, Russia)  
V. M. Rusakov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)  
E. M. Olovu – manager of Science Library, Ural Department of RAS,  
Institute of Philosophy and Law (Ekaterinburg, Russia)  
A. D. Trahtenberg – Cand. Sc. (Political Science), Associate  
Professor (Ekaterinburg, Russia)  
M. A. Fadeicheva – Dr. Sc. (Political Science), Associate  
Professor (Ekaterinburg, Russia)  
I. B. Fan – Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg,  
Russia)  
L. G. Fishman – Dr. Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)

#### **EDITORIAL COUNCIL**

V. G. Bogomyakov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg,  
Russia)  
M. V. Iljin – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)  
A. D. Korolev – Chief Secretary of RPS, Cand. Sc. (Philosophy) (Moscow,  
Russia)  
K. N. Ljubutin – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)  
M. A. Malyshev – Professor of Independent University of State of Mexico  
City (Toluca, Mexico)  
O. J. Malinova – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)  
L. N. Sinelnikova – Dr. Sc. (Philology), Professor (Lugansk, Ukraine)  
E. A. Stepanova – Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg,  
Russia)  
L. N. Timofeeva – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)  
V. E. Hvoshchev – Cand. Sc. (Philosophy), Professor (Chelyabinsk,  
Russia)  
A. N. Chumakov – First Vice-President of RPS, Dr. Sc. (Philosophy),  
Professor (Moscow, Russia)

#### **SECRETARY**

E. G. Gribovod – Executive Secretary  
D. M. Kovba – Secretary-coordinator

<b>VII Russian Philosophical Congress</b>	
October, 6-10 <sup>th</sup> , 2015, Republic Bashkortostan, Ufa	
<b>Philosophy, Culture and Discourse of Mobility</b>	
<i>Reports of participants of a round table</i>	
<b>V.M. Rusakov, O.F. Rusakova</b> Philosophy of Mobility in the Modern World... 10	<b>A.A. Konyaev</b> Mobility, Stability, Variability..... 72
<b>I.V. Glagkova</b> Intelligent Mobility in a Globalized World..... 19	<b>Y.G. Gribovod</b> Mobility as an Attribute of Policy Mediatization ..... 75
<b>I.B. Fan</b> Discourse Mobility and Problematization of the Model of National Citizenship..... 24	<b>I.K. Korelin</b> The Discourse of Mobility and Nationalism..... 78
<b>K.S. Romanova</b> Social Elevators as a Means of Social Mobility ..... 30	<b>Person</b>
<b>V.N. Savin, N.B. Fateeva</b> Methodological Problems of Studying Social Mobility in Contemporary Russian Society..... 35	<b>I.B. Fan</b> Interview with Alexander Nikolaevich Chumakov, First Vice President of the Russian Philosophical Society..... 82
<b>Y.Y. Moyseenko</b> Mobility as a Property of Mass Conformist Consciousness ..... 39	<b>Paradigms and Processes</b>
<b>K.K. Fursov</b> The Manifestation of the Discourse of Enmity in the Genre of Autobiography in the Process of Vertical Political Mobility..... 47	<b>O.F. Rusakova, A.A. Khmelinin</b> The Global Strategy of Neoliberal Transformations: The Critical Analysis ..... 91
<b>D.M. Kovba</b> The Factor of Mobility from the Soft Power Point of View ..... 53	<b>O.I. Popova, E.S. Grigorieva, I.Y. Morozova</b> Yekaterinburg Geobranding for External and Internal Target Audiences: Analysis of Sociological Research..... 102
<b>A.S. Isakov</b> Discourse of Mobility in Islam: Political Science Anamnesis..... 57	<b>D.A. Zerkal</b> State Information Policy in the Transformation of the Information Space..... 122
<b>V.A. Korneeva</b> Types and Resources of Sports Mobility as A Tool for «Soft Power» In the Realization of the Interests of National and Regional Policies of Countries..... 64	<b>Geopolitics</b>
	<b>N.A. Komleva</b> Gender Transformation as a Form of the Soft Power in Geopolitical Process ..... 129
	<b>Intellectual technologies</b>
	<b>V. Lobovikov</b> Knowledge of Being and Knowledge of Value: Empirical Knowledge and A-Priori One in Epistemic Modal Logic (Logical Squares and Hexagons of Opposition of Mixed Modalities Containing Epistemic, Alethic and Axiological Ones)..... 143

## *Encyclopedia «Discoursology»*

### *Articles*

#### **A. V. Olyanich**

Automobile Discourse ..... 153

Bacchic Discourse..... 155

Gastronomic Discourse ..... 157

Art Criticism Discourse ..... 160

Cinema Discourse ..... 162

Military Discourse ..... 165

Science-Fiction Discourse ..... 167

The Hunting Discourse ..... 170

Advertising Discourse..... 173

Theatricality as a Category  
of a Political Discourse ..... 176

#### **A. V. Olyanich , E. A. Suhova**

Agricultural Discourse ..... 178

#### **T. N. Ostrovskaya, Z. R. Hatchmafova**

Discourse of Elite..... 180

#### **E. N. Galichkina**

Computer Discourse..... 183

#### **O. A. Leontovich**

Discourse-Analysis Method..... 185

## *In Memory*

*of Marianna Alfredovna Fadeicheva..... 182*

**VII РОССИЙСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС**

6–10 октября 2015 г. Республика Башкортостан, г. Уфа

**Философия, культура и дискурс мобильности***Доклады участников круглого стола\**

УДК 316.4

**ФИЛОСОФИЯ МОБИЛЬНОСТИ  
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ****Русаков Василий Матвеевич,**

Уральский финансово-юридический институт,  
заведующий кафедрой философии,  
доктор философских наук, профессор,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: dipi@nm.ru

**Русакова Ольга Фредовна,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
заведующая отделом философии,  
доктор политических наук, профессор,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: rusakova\_mail@mail.ru

*Аннотация*

Статья посвящена рассмотрению общих черт философско-методологической картины социальной мобильности, сколь давнего, столь и нового явления социальной жизни современного общества, приобретающего качественно новые черты, что заставляет исследователей совершенствовать теоретический инструментарий.

*Ключевые слова:*

Мобильность, социальная мобильность, типология мобильности, новая парадигма мобильности, философия и методология исследования, вызовы и угрозы глобальной мобильности.

\* Доклады подготовлены в рамках проекта фундаментальных исследований ИФиП УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

Общеизвестно, что явление подвижности, всевозможных перемещений и движений в обществе (мобильность) не ново. Другое дело, что в современном обществе возросли отмечаемые многими масштабы ее и появились качественно новые аспекты. Но с середины 50-х – начала 60-х годов XX в. в научном сообществе возникают устойчивые ощущения неких тектонических сдвигов в самих устоях жизни человеческого общества, которые, в силу противоречивости процессов, приобретают самую разнообразную теоретическую артикуляцию, пик которых приходится на конец 90-х годов теперь уже прошлого века. В 50-е гг. пришло ощущение, что сложившийся послевоенный мир не просто пришел в движение, но в состояние коренного изменения: вначале в 1969 г. А. Турен вводит термин «постиндустриальное общество», затем в 1973 это делает Д. Белл [5; 23; 24; 26].

«Предвосхищением катастрофы» наполнены многие книги современных западных специалистов (таких, как Ф. Фукуяма, И. Валлерстайн, С. Хантингтон) [11; 26] и выступления действующих политиков (таких, как П. Бьюкенен и др.) [10]. В оборот вводится множество хлестких метафор, обозначивших этот катастрофический и алармистский дискурс: «Великий Разрыв» (Ф. Фукуяма), «Столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), «Смерть Запада» (П. Бьюкенен), «Расколотый Запад» (Ю. Хабермас) [25], «Общество риска» (У. Бек) [8] и др. Затем появляются попытки выстроить и развернуть во всем его многообразии дискурс тотальной мобильности, охватившей весь мир: «Текущая современность» (З. Бауман) [7], «Конец знакомого мира. Социология XXI века» (И. Валлерстайн) [11], «Новый дух капитализма» (Л. Болтански, Э. Кьяпелло) [9] и, наконец, множество работ, посвященных «новой социологии мобильности», исследованиям целого спектра новых «мобильностей» (P. Adey, T. Cresswell, M. Sheller, J. Urry) и даже «мобильной структуре чувств» (Thrift, 1996) [1; 2; 6; 21; 22]. К настоящему времени была реализована давно назревавшая потребность концентрации исследова-

тельских усилий путем издания с 2006 г. научного журнала «Mobilities» [4].

Международное разделение труда и сопутствующие ему процессы разнообразного обмена зарождаются в глубокой древности, но даже в начале XIX века в международный обмен поступало лишь около 1% мирового ВВП. С началом промышленного переворота, модернизаций транспорта и связи международное разделение труда бурно нарастало. К концу XX в. оно достигает 25% мирового ВВП.

Огромное воздействие оказало изобретение железных дорог, которое привело к формированию принципиально новой системы самых различных мобильностей и организации всей социальной жизни вокруг быстро организованного перемещения людей и товаров на большие расстояния [21, с. 8]. При этом в международное разделение труда втягивается подавляющее большинство государств. Меняется и характер этого разделения труда. Поскольку обмен услугами и межотраслевой продукцией к началу тысячелетия превысил половину общего оборота мировой торговли, этот феномен получил название нового международного разделения труда.

С 1990 г. выходит первый выпуск глобального «Доклада о человеческом развитии» (ДЧР) по Программе развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). В этом Докладе применен иной, более комплексный подход, получивший применение в дальнейшем.

В «Докладе о развитии человека» (ДРЧ) 2009 г. в ч.1. «Свобода и передвижение: как мобильность может стимулировать развитие человеческого потенциала» [14, с. 9] утверждается: «Каждый год свыше 5 млн. чел. пересекают международные границы, чтобы переехать жить в развитую страну. Численность людей, переселяющихся в развивающиеся страны или перемещающихся внутри собственной страны, намного больше, хотя точные оценки получить трудно. Еще более значительная масса населения, как в принимающем районе, так и в районе – источнике миграции, бывает затронута перемещениями других людей, благодаря

потокам денег, идей и знаний. Возможность для человека выбирать, какое место будет его домом, представляет собой одно из измерений свободы, которое мы называем мобильностью человека... Иными словами, способность к передвижению – это одно из измерений свободы, являющееся составной частью развития и обладающее *имманентной*, а также потенциальной *инструментальной* ценностью...» И далее составители доклада подчеркивают, что «Под человеческой мобильностью мы понимаем положительную, а не только отрицательную свободу. Иными словами, отсутствие формальных ограничений на миграцию через границы или внутри страны само по себе еще не позволяет людям свободно передвигаться, если они лишены экономических ресурсов, безопасности или не имеют доступа к структурам, необходимым для того, чтобы вести достойную жизнь на новом месте, либо если неформальные ограничения, такие как дискриминация, существенно препятствуют их планам успешного переезда» [14]. Дело в том, что, как указывалось еще в ДРЧ 1997, причина этого известна: «принципы свободных глобальных рынков применяются избирательно», что «глобальный рынок неквалифицированного труда не столь свободен, как рынки промышленного экспорта или капитала» [14, с. 33].

В ДРЧ 2009 также подчеркивается: «Ч.2. Люди в движении: кто, куда, когда и почему перемещается: Как бы то ни было, основные перемещения в мире происходят не между развивающимися и развитыми странами. Подавляющее большинство перемещающихся людей делают это в пределах своей собственной страны» [14].

Многообразию и масштабы перемещений, их настоятельность таковы, что исследователю порой кажется, что весь мир движется [6; 21].

Действительно, отмечает, например, Дж. Урри, масштабы этих перемещений громадны: с 2010 в аэропорты ежегодно будет прилетать миллиард чел. (в 1950 – 25 млн.) каждый день в самолет сядут 4 млн., в любой момент в воздухе США – 360 тыс. чел., бродить по земле в 31 млн. беженцев... В 1998 на дорогах было

552 млн. машин, в 2020 будет 730 млн. (Geffen, Dooley, Kim 2003)... В 1800 г. люди перемещались в среднем на 50 метров в день – теперь на 50 км. (Buchanan 2002)... Сегодня все вместе граждане мира преодолевают 23 млрд. км. ежегодно, к 2050 г. – 106 млрд. км. (Schaffer, Victor 2000)... Важно то, что люди путешествуют не чаще и не дольше находятся в дороге, а движутся быстрее и дальше (Pooley, Turnbull, Adams 2005)... Туризм дает 6,5 трлн. долл, обеспечивая работой 8,7% занятых, обеспечивая 10,3% ВВП (World Travel & Tourism Council 2006) [21, с. 67–68].

Сегодня интенсивно передвигаются не только люди, но также идеи, информация, отходы, опасности и многое другое. Вместе с ростом Интернет-пользователей (1 млрд. в 2001) происходит рост объемов информации и его темпов. В настоящее время (2015) в мире насчитывается 3,2 миллиарда пользователей Интернета (всё население Земли составляет 7,2 миллиарда человек) из них 2 миллиарда проживают в развивающихся странах. В период с 2000 по 2015 год удельный вес пользователей Интернета увеличился почти в семь раз – с 6,5 до 43 процентов мирового населения. По данным некоторых исследователей в Интернете семилетней давности располагалось около 300 миллиардов гигабайт информации. К 2009 году, то есть, спустя два года, количество информации практически удвоилось, составив 500 миллиардов гигабайт (ГБ). По другим данным: В 2011 году общий мировой объем созданных и реплицированных человечеством данных составил более 1,8 зеттабайт (1,8 трлн. ГБ): это в 57 раз больше, чем всех песчинок на пляжах Земли. По прогнозам IDC, количество данных на планете будет, как минимум, удваиваться каждые два года вплоть до 2020 года. Появление мобильных телефонов способствует невиданному ранее общению через границы.

Но исследования отмечают, что помимо перемещений легальных есть и еще более мощные – нелегальные: контрабанда, нелегальная эмиграция, катастрофические выбросы отходов и вредных веществ. Мощная и многокачественная мобильность имеет негативные следствия:

экологические (шум, грязь, травматизм и смертность на транспорте), социальная фрагментация, распространение нежелательной информации, сложность поимки преступников (в т. ч. киберпреступность). Бывший Генеральный секретарь ООН К. Анан с горечью констатировал: «Миллионы и миллионы граждан убеждаются на собственном опыте, что глобализация не подарок судьбы, а сила разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни» (22.08.1998). Осознание перемен выливалось в появление ряда концепций, в которых исследователи пытались осмыслить феномен. Современная эпоха (Модерн) хронологически обыкновенно начинаемая с конца XIX – начала XX вв., обозначилась процессами так называемой «глобализации» [5; 23; 24].

Упрочивалось убеждение научного сообщества, что это движение должно быть основным предметом социологической науки [21, с. 67; 22]. Дж. Урри предпринял попытку сформулировать определение мобильности и дал четыре основных значения термина мобильный или мобильность: 1) обозначение того, что двигается или способно двигаться (телефон, человек и т. п.) это свойство вещей и людей, преодоление обездвиженности, ограниченной подвижности; 2) в английском языке «мобильность» от (mob) = толпа, неорганизованный сброд, находящийся в неопределенном движении (множество видов масс, толп); 3) социальная мобильность; 4) долгосрочная мобильность = миграция и прочие географические перемещения [21, с. 74–75]. Суммируя существующие результаты исследования различных «мобильностей», Урри пытается дать некую типологию, учитывая самые различные аспекты: все виды и темпоральности физических движений – хождение, сидение, лазание, танцы; использование технических средств: велосипед, автобус, самолет, инвалидное кресло, костыли; перемещения ежедневные, ежегодные, периодические, пожизненные, реальные и виртуальные; связи между физическими и виртуальными и социальными перемещениями и т.п... Обращая внимание даже на то, что блокирование перемещений ведет к депривации

или отчуждению. Таким образом, Урри делает предположение о существовании 12 основных форм мобильности:

1. поиски политического убежища;
2. деловые путешествия;
3. познавательные поездки молодежи как элемент становления;
4. медицинские поездки оздоровления;
5. военная мобильность войск и техники;
6. переезды после выхода на пенсию, транснациональный стиль жизни пожилых;
7. буксирные путешествия детей, супругов, родственников и слуг;
8. миграция диаспор (кит., японск., армянск., еврейск. и др.);
9. движение работников сферы услуг, включая рабов (по оценкам их 28 млн. чел);
10. туристы;
11. посещения друзей и родственников;
12. перемещения рабсилы, в т. ч. ежедневные – из пригорода в город [21, с. 80].

Но даже эта типология дает крайне скудную «парадигму» мобильности: в ней не учитываются такие формы социальной мобильности, как «модернизация», «инновация», «реформа», «революция», «прогресс», «устойчивое развитие» и т.п. Кроме того, ряд авторов говорит о так называемой «экзистенциальной мобильности» [3].

Все это многообразие эмпирических наблюдений остро подчеркивает необходимость разработки методологии исследования мобильности. Например, различные движения в обществе принимают самое разнообразное выражение, и часто на первый план выходит явление миграции. В понятие «миграция населения» различные исследователи вкладывают самый разнообразный смысл. Английский ученый Е.Г. Равенштейн (Ernst Georg Ravenstein) является автором одного из первых глубоких теоретических исследований в области миграции (1885 год), он сформулировал одиннадцать миграционных законов, на которых впоследствии базировались многие теории в области миграции [16].

Процессы и движения в обществе, вследствие своей крайней сложности, потребовали адекватного теоретического инструментария. Теоретически последовательное и целостное исследование явления социальной мобильности весьма отчетливо выразил еще П. А. Сорокин, который сразу же указал на необходимость понимания ее как *социального* процесса. «Для количественной оценки процессов социальной мобильности обычно используют показатели *скорости* и *интенсивности* мобильности» [19; 20]. П. Сорокин определял скорость мобильности как вертикальную социальную дистанцию или число страт – экономических, профессиональных, политических, которые проходит индивид в его движении вверх или вниз за определенный промежуток времени. Под интенсивностью мобильности понимается число индивидов, меняющих свои позиции в вертикальном или горизонтальном направлении за определенный промежуток времени. Число таких индивидов в какой-либо социальной общности дает абсолютную интенсивность мобильности, а их доля в общей численности данной социальной общности показывает относительную мобильность [20].

«Соединив показатели скорости и интенсивности мобильности, – указывал он, – мы получим совокупный *индекс мобильности*, который может быть рассчитан для экономической, профессиональной или политической области деятельности. Он также позволяет определять и сравнивать процессы мобильности, происходящие в разных обществах. Таким образом, процессы социальной мобильности могут принимать различные формы и даже носить противоречивый характер. Но вместе с тем для сложного общества свободное перемещение индивидов в социальном пространстве – единственный путь развития, в противном случае его могут ожидать социальное напряжение и конфликты во всех сферах общественной жизни. В целом социальная мобильность является важным инструментом анализа динамики общества, изменения его социальных параметров» [19].

Делаются попытки сформулировать антропологический подход к мобильности

и миграции: «представить миграцию не как конечное, совершающееся в рамках определенного времени и пространства событие, а как одно из условий человеческого существования и, вместе с тем, как одно из важнейших состояний человека. Тут, конечно, возникает проблема с субъектом миграции. Если попытаться мыслить о таком субъекте не как о группе людей, не как о выделенном и обозначенном этносе и не как о конкретном носителе определенного языка, определенной религии, определенного типа производственной деятельности или, наконец, определенного психотипа, то появляется возможность говорить о миграции, в том числе, и как об историческом режиме человеческого существования» [12].

А. Пятигорский предлагал «представить миграцию не как конечное, совершающееся в рамках определенного времени и пространства событие, а как одно из условий человеческого существования и, вместе с тем, как одно из важнейших состояний человека. Появляется возможность говорить о миграции и как о историческом режиме человеческого существования. Я допускаю, что одним из возможных кандидатов является понятие «антропоток» [18].

Т. Крессуэлл пишет: «За последние несколько лет мы стали свидетелями заявления о «новой парадигме мобильности» (Hannam & oth. (2006); Шеллер и Урри (2006)), запуска журнала «Мобильности», а также появления ряда ключевых текстов, посвященных мобильности (Brenholdt и Simonsen 2004; Cresswell 2006; Крессуэлл и Мерримен 2008; Кауфман 2002; Шеллер и Урри 2006; Урри 2000, 2007; Uteng и Крессуэлл 2008)» [2]. В своей книге «Mobility в Современном Западном мире» (2006) он изложил роль мобильности в ряде тематических исследований, от микродвижений тела до политики глобального путешествия. Но, признает Т. Крессуэлл, по большей части, феномен мобильности оставался особой вещью... в которой не было никакого детального учета таких различных аспектов мобильности, которые имеют возможность сделать его мощной политикой» [1].

М. Шеллер и Д. Урри суммируют: «кажется, в социальных науках сформировалась новая

парадигма – «парадигма новой мобильности», которая включила ряд требований антропологии, социологии, теоретических и практических работ в области туризма, транспорта, географии. В размышлениях об этом мы пытаемся установить – можно ли говорить о «мобильном повороте» в социальных науках» [6].

Однако в этой интенсивной работе не могли не обнаружиться определенные трудности и недостатки. Урри отчасти справедливо указывает, что надо отказаться от ранее принятых и широко употреблявшихся прежде метафор в описании общества (таких, как организм, структура, обмен и т.п.) и создать новый набор: путешествие, поток, граница, сеть, номады, туристы. Вместо «общество» (с четко ограниченными региональными отличиями от других регионов) надо использовать выражения – «мир сетей и потоков» [21, с. 383–384], что лучше отражает ту самую «мобильность» и «текучесть».

Дж. Урри утверждает, что «социология по большей части рассматривала виды движения неверно», и что он хочет «представить псевдно-новую парадигму, которая заключается в постдисциплинарном, продуктивном способе практиковать социальную науку... в котором вопросы мобильности явно займут центральное место» [21, с. 91]. Нельзя не согласиться с целым рядом упреков, которые он обращает в адрес прежней «а-мобильной» социологии. Но вдумчивые критики быстро подметили за первопреходческим пафосом открытия множества мобильностей и «систем» их воспроизводства и поддержания серьезный порок: складывается ощущение, что никаких обществ не существует, что общество – лишь эпифеномен, пережиток идеологии национального государства» [13; 26, с. 31–39]. Это угроза скатывания в чистейший феноменализм, когда автора не интересует социальный деятель, способ действия. И здесь-то упреки в адрес прежней социологии – неубедительны.

Верно замечено: «мобильный поворот» – действительно свежий способ осмысления экономических, социальных и политических отношений, он динамизирует те виды анализа, которые исторически были статичными,

обращенными на внепространственные социальные структуры, но он пост-дисциплинарен, ведет к упразднению сложившейся схемы наук и дисциплин [26, с. 72].

Разумеется, правы представители «мобильного поворота»: надо ответить на вопросы о том, что делает человека, знак, коммуникацию – мобильными? Каковы характеристики мобильности в различных обществах и как можно исследовать ее в терминах теории и эксперимента? Хорошо ли быть мобильными? Насколько мобильность высветила некоторые закрытые прежде социальные явления? Однако Урри явно перегибает, критикуя прежние социальные науки за игнорирование мобильности, ее принижение, непонимание ее значения. Он голословно (поскольку с порога сильно суживает смысл всяких движений и изменений в обществе) утверждает, что вся прежняя социология была а-мобильна. Увлечение большим и разнообразным эмпирическим материалом всевозможных мобильностей таит в себе опасность сползания к «китайским» классификациям в духе ироничной конструкции Борхеса: «животные бывают млекопитающие, нарисованные кисточкой на бумаге, вымышленные и принадлежащие императору». Фетишизация всевозможных «инфраструктур» и «систем» (дороги, аэропорты, системы мобильной связи, Интернет и т.п.), которые-де только и делают возможными разные мобильности – все равно, что в политологии, например, под государственной границей понимать «линию на поверхности земли, воды» (а... воздуха, космоса?).

В упоминавшейся книге «Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие» (Доклад, подготовленный группой международных экспертов по заказу Программы развития ООН, посвящен миграции как фактору развития человека) делается вывод, что нужно как избавиться от ряда устаревших стереотипов восприятия данного феномена, так и обратить внимание на качественные изменения в нем. Обращено внимание, что основные перемещения в мире происходят не между развивающимися и развитыми странами. Подавляющее

большинство перемещающихся людей делают это в пределах своей собственной страны... Для сравнения, нынешнее число международных мигрантов (214 млн., или 3,1% населения планеты) выглядит небольшим... Лишь 37% мировой миграции осуществляется из развивающихся стран в развитые. Основная часть миграции происходит *внутри* стран, принадлежащих к одной и той же категории развития: около 60% мигрантов перемещаются либо между развивающимися, либо между развитыми странами (оставшиеся 3% перемещаются из развитых стран в развивающиеся) [14, с. 4].

Около половины всех международных мигрантов перемещаются в пределах своего региона и около 40% – в соседнюю страну. «Число лиц, перемещающихся в результате вооруженных конфликтов, значительно: в начале 2008 г. около 14 млн. беженцев подпадали под мандат Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев или Ближневосточного агентства Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), что составляет около 7% общей численности международных мигрантов. Большинство беженцев являются выходцами из наиболее бедных стран мира и перемещаются в такие страны: в странах Азии и Африке беженцы составляют соответственно 18 и 13% общей численности международных мигрантов» [14, с. 26].

В докладе также обращается внимание на то, что «несмотря на распространенное убеждение, что международная миграция связана с ростом глобализации и торговли в конце XX в., масштабные перемещения на дальние расстояния были распространены и в прошлом. На пике власти европейцев в Северной и Южной Америке более полумиллиона испанцев и португальцев и около 700 тыс. британских подданных отправились в американские колонии <...> В XV–XIX вв. под воздействием грубой силы 11–12 млн. африканцев были в качестве рабов переправлены через Атлантику. В период между 1842 и 1900 гг. около 2,3 млн. китайцев и 1,3 млн. индийцев работали по контракту в Юго-Восточной Азии, Африке и Северной Америке <...> В конце XIX в. доля

проживающих в стране иностранцев во многих странах была выше, чем сегодня... [14]. Уход от выяснения глубинных социальных причин различных движений и в том числе особенного характера, которые эти подвижки приобретают в ту или иную эпоху [23; 27], чреват рассуждениями в духе объяснений работорговли в XVIII в. – развитием парусного флота.

\*\*\*

Но ценность «мобильного поворота», парадигмы «новой мобильности» в том, что они заостряют наше внимание на весьма важных вопросах. Хорошо ли находиться в постоянном движении? Не ведет ли мобильность к нарастанию негативных последствий – экологических, релятивизации социальных, политических, нравственных институтов? Не ведет ли она к возрастанию рисков? Не подрывает ли она возможности планирования и контролирования? Является ли она неизбежной? Эти вопросы наиболее интенсивное обсуждение получили в рамках разработки проблем глобализации [8; 23; 24; 27].

Среди угроз и вызовов, которые несет с собой качественно преобразившийся феномен мобильности современного общества исследователи, практически единодушно, отмечают следующие:

– возрастание рисков, связанных с ростом динамики процессов (движение людских масс, материальных и финансовых ресурсов, информационных потоков, технологий, культурных перемен), возрастанием неустойчивости; об этом толкует У. Бек в своих работах: «В глобальности заражения и опутавших весь мир цепей распространения продуктов питания и товаров угроза жизни в индустриальной культуре переживает опасные общественные метаморфозы: повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову» [8].

– релятивизация устойчивых отношений и институтов (семья, брак, воспитание, образование) как обратная сторона необоснованной эйфории разрушения всего традиционного (по схеме: остановка = застой, отсталость и смерть); именно в связи с этим П. Бьюкенен приводит слова одного из своих

избирателей: «Пат, мы теряем страну, в которой выросли» [10].

– возрастание скорости социальной динамики оборачивается риском антропологической катастрофы (что такое человек, что означает быть человеком и человечным?), утрата ориентиров безостановочного движения, «некогда оглянуться назад», когда не просто ставятся под вопрос фундаментальные смысло-жизненные ориентации поколений, но в захлестывающей динамике общество не успевает произвести рефлексию (кризис и даже провозглашаемые крушения традиционных идеологий – гуманизма, христианства, коммунизма, либерализма и т. п.).

1. Cresswell T. On The Move. Mobility in the modern Western World. Rutledge, N.Y., 2006.

2. Cresswell T. Towards and Politics of Mobility // Environment and Planning D: Society and Space 2010, v. 28, p. 17–31 // [http://www.academia.edu/538488/Towards\\_a\\_Politics\\_of\\_Mobility](http://www.academia.edu/538488/Towards_a_Politics_of_Mobility).

3. Madison G. Existential Migration. // Existential Analysis, 2006, 17.2: p. 238–260.

4. Mobilities: Volume 1, Issue 1, 2006: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450100500489189#>.

5. Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982.

6. Sheller Mimi, Urry John. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A 2006, volume 38, p. 207–226.

7. Бауман З. Текущая современность. Спб., Питер, 2008.

8. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

9. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М., Новое литературное обозрение, 2011.

10. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., АСТ, 2004 / От издателя. С. 5.

11. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., Логос, 2003.

12. Государство и антропоток. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. Москва – ПФО 2002 // <http://stra.teg.ru/library/33/5>.

13. Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социол. исслед., 2005, № 1, с. 18–25.

14. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М., Изд-во «Весь мир», 2009.

15. Доклад о человеческом развитии. 2014: Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. Резюме: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>.

16. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.

17. Отчеты Всемирной туристской организации //

<http://tourlib.net/wto.htm>.

18. Пятигорский А. Миграция. Диффузия. Антропоток: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a177.htm>

19. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>.

20. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 372–392.

21. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

22. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., ИД Высшей школы экономики, 2012.

23. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление // Свободная мысль XXI. 2000. № 11. С. 28.

24. Федотова В.Г. Меняющийся мир и глобализация // Глобализация и гуманитарное знание, 2004, № 1. С. 47.

25. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.

26. Харламов Н.А. Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри. // Вст. ст.: Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. С. 10.

27. Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002.

1. Cresswell T. On The Move. Mobility in the modern Western World. Rutledge, N.Y., 2006.

2. Cresswell T. Towards and Politics of Mobility // Environment and Planning D: Society and Space 2010, v. 28, p. 17–31 // [http://www.academia.edu/538488/Towards\\_a\\_Politics\\_of\\_Mobility](http://www.academia.edu/538488/Towards_a_Politics_of_Mobility).

3. Madison G. Existential Migration. // Existential Analysis, 2006, 17.2: p. 238–260.

4. Mobilities: Volume 1, Issue 1, 2006: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450100500489189#>.

5. Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982.

6. Sheller Mimi, Urry John. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A 2006, volume 38, p. 207–226.

7. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. Spb., Piter, 2008.

8. Bek U. Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu. M., Progress-Tradiciya, 2000.

9. Boltanski L., K'yapello E'. Novyj dux kapitalizma. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.

10. B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada. M., AST, 2004 / Ot izdatelya. S. 5.

11. Vallerstajjn I. Konec znakomogo mira. Sociologiya XXI veka. M., Logos, 2003.

12. Gosudarstvo i antropotok. Doklad Centra strategicheskix issledovanij Privolzhskogo federal'nogo okruga. Moskva – PFO 2002 // <http://stra.teg.ru/library/33/5>.

13. Gofman A.B. Sushhestvuet li obshchestvo? Ot psixologicheskogo redukcionizma k e'pifenomenalizmu v interpretacii social'noj real'nosti // Sociol. issled., 2005, № 1, s. 18–25.

14. Doklad o razvitii cheloveka 2009. Preodolenie bar'erov: chelovecheskaya mobil'nost' i razvitie. M., Izd-vo «Ves' mir», 2009.

15. Doklad o chelovecheskom razvitii. 2014: Obespechenie ustojchivogo progressa chelovechestva: Umen'shenie uyazvimosti

i formirovanie zhiznestojkosti. Rezyume: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>.

16. Ioncev V.A. Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya. M.: Dialog-MGU, 1999.

17. Otchety Vsemirnoj turistskoj organizacii // <http://tourlib.net/wto.htm>.

18. Pyatigorskij A. Migraciya. Diffuziya. Antropotok: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a177.htm>

19. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P. Chelovek, civilizaciya, obshhestvo / Pod red. A. Yu. Sogomonova. M.: Politizdat, 1992. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>.

20. Sorokin P.A. Sociokul'turnaya dinamika i e'volucionizm // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. M, 1996. S. 372–392.

21. Urri Dzh. Mobil'nosti. M: Praxis, 2012.

22. Urri Dzh. Sociologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M., ID Vysshej shkoly e'konomiki, 2012.

23. Utkin A.I. Globalizaciya: process i osmyslenie // Svobodnaya mysl' XXI. 2000. № 11. S. 28.

24. Fedotova V.G. Menyayushhij mir i globalizaciya // Globalizaciya i gumanitarnoe znanie, 2004, № 1. С. 47.

25. Xabermas Yu. Raskolotyj Zapad. M.: Ves' mir, 2008? 192 c.

26. Xarlamov N.A. Novoe obshhestvo ili novaya nauka ob obshhestve? Sociologiya mobil'nostej Dzhona Urri. // Vst. st.: Urri Dzh. Mobil'nosti. M.: Praxis, 2012. S. 10.

27. Xomskij N. Pribyl' na lyudyax. M.: Praxis, 2002.

---

UDC 316.4

## PHILOSOPHY OF MOBILITY IN THE MODERN WORLD

**Rusakov Vasily Matveevich,**

Ural Institute of Finance and Law,  
Head of the Department of Philosophy,  
Doctor of Philosophy, Professor,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: [dipi@nm.ru](mailto:dipi@nm.ru)

**Rusakova Olga Fredovna,**

The Institute of Philosophy and Law  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: [rusakova\\_mail@mail.ru](mailto:rusakova_mail@mail.ru)

### *Annotation*

Article is devoted consideration of the general lines of a methodological picture of social mobility, however old, so and the new phenomenon of a social life of the modern society getting qualitatively new lines that forces researchers to improve theoretical toolkit.

### *Key words:*

Mobility, social mobility, the mobility typology, new paradigm of mobility, philosophy and research methodology, calls and threats of global mobility.

УДК 1(091)159.9(091)

## ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ



**Гладкова Ирина Витальевна,**

Уральский государственный горный университет,  
доцент кафедры философии и культурологии,  
канд. филос. наук,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: gladkova21@yandex.ru

### *Аннотация*

В статье раскрывается понятие интеллектуальной мобильности в контексте современной культуры; формулируются основные характеристики интеллектуальной мобильности; рассматриваются проблемы, порождаемые развитием технологий и средств коммуникаций.

### *Ключевые слова:*

мобильность, интеллектуальная мобильность, социальная мобильность, интеллектуальная инертность.

Один из законов динамики культуры гласит, что существует тенденция ускорения темпа развития культуры в ходе мирового исторического процесса, что обусловлено наследованием опыта поколений, накоплением культурных достижений, присвоением ценностей предшествующих эпох. Ускорение темпа развития культуры связано с совершенствованием способов и механизмов сохранения, обработки и трансляции социального опыта, культурных универсалий, информации. В своем развитии культура проходит ряд этапов, радикально отличающихся друг от друга способами коммуникации. Вопросы о том, как изменения форм и средств коммуникации влияют на характер социальных отношений, мировоззрение, общественное устройство и проблемы, порождаемые этим процессом, были предметом научного анализа многих оригинальных мыслителей XX века, в том числе Маршалла Маклюэна (Галактика Гутенберга. Становление человека читающего,

1962), Умберто Эко (От Интернета к Гутенбергу, 1998), Мануэля Кастельса (Галактика Интернет, 2004), Михаила Эпштейна (Информационный взрыв и травма постмодерна, 1998) и др.

Канадский философ и культуролог М. Маклюэн считал, что двигателем исторического прогресса и решающим фактором в формировании социальных систем выступает смена технологий, которая неизбежно приводит к возникновению новых средств и способов коммуникации, влекущих за собой и смену типов восприятия мира. Человеческое восприятие, утверждал ученый, определяется скоростью передачи транслируемой информации. А тип общества во многом зависит от доминирующего в нем типа коммуникации. Весь путь развития цивилизации Маклюэн разделял на три этапа: *дописьменная культура*, представляющая собой формы коллективной жизни, восприятия и понимания мира; *письменно – печатная культура*, в которой технология книгопечатания, осно-

ванная на работе сборочного конвейера, привела к созданию массового производства, что, в свою очередь, привело к деколлективизации, индивидуализации и отчуждению индивида, а книга, печатный текст позволили человеку индивидуально, вне общинного коллективного сознания познавать мир; *электронная культура*, основанная на развитии информационных технологий, совершенствовании компьютерной техники, сетевых средств массовых коммуникаций, но это аудио-визуальное пространство замещает и поглощает письменно-печатные языки. Маклюэн видел в электронных СМИ огромные возможности расширения кругозора потребителя, выражал надежду на то, что человечество, благодаря новым технологиям, сможет вернуть чувство единства, всеобщности и сотрудничества. Но, анализируя реальную ситуацию, он констатировал результаты обратные ожидаемым. «Необходимо осознать силу и напор технологий, позволяющие им обособить чувства и, таким образом, погрузить общество в состояние гипноза... Когда общество заключено в рамки конкретного, четко фиксированного соотношения чувств, оно абсолютно не способно предвидеть и осознавать то, что за эти рамки выходит» [5, с. 464–465].

Увеличение темпа развития культуры и динамика общественных отношений привели к необходимости введения в научный оборот понятия, характеризующего подвижность и изменчивость процессов, происходящих в политической, экономической, социальной, образовательной и других сферах жизни общества, что, в свою очередь, обусловлено активизирующимися процессами глобализации и интеграции. В современных научных исследованиях рассматриваются различные формы проявления мобильности: социальная, профессиональная, когнитивная и др. Наиболее научно разработанной сегодня является проблематика в сфере социальной мобильности. Термин, как известно, был введен Питиримом Сорокиным, который использовал его для характеристики процесса перемещения человека или группы в пространстве социального поля. Изучение других форм мобильности находится

в стадии разработки или на уровне постановки проблемы.

Понятие *мобильность*, в широком смысле, обозначает способность индивида или группы к адаптации и реадaptации в быстроменяющемся мире, готовность оперативно реагировать на изменения, происходящие под влиянием внешних факторов или внутренних противоречий. Неравенство возможностей в условиях рыночной экономики, обострение проблемы выбора, социальная нестабильность приводят к тому, что мобильность личности становится средством не только самореализации личности, но, порой, и способом ее выживания.

Одним из видов мобильности, который представляет большой научный интерес, является *интеллектуальная мобильность* как способность ориентироваться в информационном пространстве, гибкость мышления, позволяющая находить нестандартные решения, творческая инициатива. Интеллектуальная мобильность – это динамическая интегративная характеристика личности, в которой можно выделить несколько уровней: *когнитивный*, проявляющийся в способности к познавательной деятельности, умении быстро обучаться, осваивать новое, усваивать и переработать информацию; *креативный*, реализующийся в творческих способностях личности, потребности саморазвития, внутренней свободе; *рефлексивный*, отражающий способность к аналитическому критическому мышлению; *мотивационно-волевой*, проявляющийся в целеустремленности, выраженном уровне притязаний, способности четко формулировать задачи, потребность в достижении своих целей; *коммуникативный*, характеризующий способность контактировать, общаться, инкультурироваться в новых условиях; *технологический*, обеспечивающий достаточную степень свободы в получении и обработке информации в электронном формате. Интеллектуальная мобильность может рассматриваться как качество личности, как деятельность человека и как собственно процесс самореализации индивида.

Является ли интеллектуальная мобильность устойчивым качеством личности и под

воздействием каких факторов она может изменяться? Интеллектуальная мобильность зависит от индивидуальных характеристик индивида, его потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивации, волевых качеств. К категории индивидуальных характеристик следует отнести психологический фактор, как наиболее существенный. Этот фактор определяется личностными психологическими свойствами и образованиями, такими как врожденные склонности, задатки, способности в виде одаренности, таланта, целеустремленность, последовательность, эмоциональная устойчивость, высокая сопротивляемость жизненным трудностям. Особое место в ряду психологических характеристик занимает низкий уровень ригидности или гибкости. Личностная гибкость проявляется в пластичности, способности изменять программу поведения, умении отказаться от несоответствующих целям жизненных ситуаций, терпимости к изменяющимся условиям жизни и умении переживать. Все эти особенности, по мнению А. В. Петровского, присущи «высоковариативной личности» [6]. Интеллектуальная гибкость проявляется в гибкости мышления, обеспечивающей способность видения и понимания явлений мира во всей их противоречивой сложности, т. е. связана с диалектичностью мышления. В процессе специального обучения, как показывает педагогическая теория и практика, можно активизировать «диалектическую гибкость» [1]. Современное образование должно обеспечивать формирование гибкой личности путем создания образовательной среды и методологической базы. Образование вообще является одним из важнейших факторов формирования интеллектуальной мобильности, и не случайно сегодня, обозначая векторы образовательных программ и форм обучения, мы обсуждаем непрерывное, дополнительное, дистанционное образование и пр. В рамках академического образования мобильность становится формой существования интеллектуального потенциала, она отражает реализацию внутренней потребности в движении и позволяет самостоятельно

формировать свою образовательную траекторию [2]. Интеллектуальная мобильность находится в зависимости от развития технических средств коммуникаций, и этот фактор глобального мира наиболее противоречивый, в его оценке мы находим радикально противоположные позиции. Известно, что развитие технологий, решая одни проблемы общества, неизбежно порождает другие, не менее важные. Изначально Интернет создавался как средство свободной глобальной коммуникации. Но гарантирует ли технология свободу, является ли Интернет инструментом для осуществления личной свободы? Размышления над этими вопросами мы находим у испанского социолога, ведущего исследователя информационного общества Мануэля Кастельса. Ученый считает, что Интернет – это не просто очередная техническая новинка, это ключевая технология информационной эпохи. «Он воплощает культуру свободы и личного творчества, будучи как источником новой экономики, так и общественного движения, базирующейся скорее на изменении человеческого сознания, чем на увеличении власти государства» [3, с. 8]. Но М. Кастельсу не присущ примитивный технологический детерминизм. Технологии хороши или плохи, считает мыслитель, в зависимости от нашего их использования, они суть продолжение нас самих. «В новом информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, т. к. процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации. Однако, специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности» [4, с. 39]. Ученый полагает, что молодое поколение воспринимает Интернет как основное средство и инструмент личной коммуникации, профессиональной деятельности и образования, и расширение доступа к информации способствует

карьерному росту и личностному развитию. Можно ли разделить оптимизм Кастельса по поводу активного внедрения Интернета в качестве образовательного средства? Не всегда модель, работающая в одной культурной среде, будучи неадаптированно перенесенной в другое культурное пространство, будет давать тот же результат. И проблемы в сфере среднего и высшего образования в России являются этому подтверждением. Всегда ли видимая доступность информации, свобода пользования ею формирует интеллектуальную мобильность? На практике мы видим, что у молодежи часто притупляется поисковая активность, создается пассивный тип информационного потребителя. Здесь возникает еще одна проблема – это избыточность информации. Интересный подход в рассмотрении этой проблемы мы находим в трудах М. Эпштейна, который основным законом истории считает «отставание человека от человечества». Причину этого отставания автор видит в возрастании диспропорции между развитием человеческой индивидуальности и социально-техническим развитием человечества. Человек не в состоянии усвоить весь объем знаний, накопленных предыдущими эпохами. «Отсюда проблема отчуждения, поставленная в XIX веке, и проблема утраты реальности, поставленная веком XX» [7, с. 217].

Осознание индивидом своей неспособности адекватно соотносится с информационной средой приводит к «травме», результатом которой становится притупление «чувствительности» ко всему происходящему, безучастность, поверхностное восприятие мира, снижается и смысловая чувствительность. Избыток однообразно повторяемого травмирует больше, чем избыточность многообразия, что порождает *интеллектуальную инертность*. Стремление компенсировать такую интеллектуальную несостоятельность индивида приводит к сжатию форм культуры, т. е. к использованию вторичной, переработанной информации виде дайджестов, антологий, энциклопедий. В этой ситуации интеллектуальная мобильность заключается в оптимизации и интенсификации в освоении информации, а не в скорости дан-

ного процесса, потому что, в лучшем случае, это приведет к поверхностности, а в худшем – к потере смысла.

Итак, можно сказать, что интеллектуальная мобильность в глобализирующемся мире – это не только многоуровневая характеристика свойства и качеств личности, проявляющихся во всех сферах жизни, это и требование, предъявляемое к человеку современным обществом.

- 
1. Веракса Н.Е. Диалектическое мышление и творчество // Вопросы психологии. N 4. 1990. С. 5–14.
  2. Зновенко Л.В. Категория академической мобильности студентов в современных педагогических исследованиях России // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Вып. 11, N 32. 2007. С. 288–292.
  3. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 8.
  4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ. 2000. С. 39.
  5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. – М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. С. 464–465.
  6. Петровский А.В. Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 1987. 240 с.
  7. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда, N 11. 1999. С. 217.

- 
1. Veraksa N.E. Dialekticheskoe myshlenie i tvorchestvo // Voprosy psixologii. N 4. 1990. S. 5–14.
  2. Znovenko L. V. Kategoriya akademicheskoy mobil'nosti studentov v sovremennykh pedagogicheskix issledovaniyax Rossii // Izvestiya Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gercena. Vyp. 11, N 32. 2007. S. 288–292.
  3. Kastel's M. Galaktika Internet. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. S. 8.
  4. Kastel's M. Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura. – M.: GU VShE'. 2000. S. 39.
  5. Maklyue'n M. Galaktika Gutenberga. – M.: Akademicheskij proekt: Fond «Mir», 2005. S. 464–465.
  6. Petrovskij A. V. Psixologiya razvivayushhejsya lichnosti. M.: Pedagogika, 1987. 240 s.
  7. E'pshtejn M. Informacionnyj vzryv i travma postmoderna // Zvezda, N 11. 1999. S. 217.

---

UDC 1(091)159.9(091)

## **INTELLIGENT MOBILITY IN A GLOBALIZED WORLD**

**Gladkova Irina Vitaljevna,**

Ural State Mining University,  
Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies,  
Ph.D.,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: gladkova21@yandex.ru

*Annotation*

The article deals with the concept of intelligent mobility in the context of contemporary culture; with the main characteristics of intellectual mobility; the problems posed by the development of technology and communications.

*Key words:*

mobility, smart mobility, social mobility, intellectual inertia.

УДК 316.4

## ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГРАЖДАНСТВА



**Фан Ирина Борисовна,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
ведущий научный сотрудник,  
доктор политических наук, доцент,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: irina-fan@yandex.ru

### *Аннотация*

В статье исследуется трансформация модели национального гражданства под воздействием процессов глобализации, усиления роли различных видов мобильности и индивидуализации, характерных для общества позднего Модерна. Рассматриваются концепции сторонников дискурса мобильности и участников дискуссии о гражданстве.

### *Ключевые слова:*

дискурс мобильности, модель национального гражданства, нация, глобализация, политическое участие.

Дискурс мобильности получил значительное распространение в социологических и политологических исследованиях, посвященных изучению общества позднего Модерна. Ускорение социальной динамики является одним из важнейших признаков современности [6, с. 246]. Под мобильностью понимают «реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями» [9, с. 20]. Это требует дополнения концептуального и методологического аппарата для осмысления меняющегося общества. Мобильность оттесняет всякую устойчивость в социальных и политических институтах, связях и отношениях и становится самой сутью современности. Дискурс мобильности с его арсеналом метафор и понятий – «социальные сети», «потoki», «системы мобильностей», «сетевой капитал» – начинает доминировать над дискурсом стабильности и структуры. «Понятие «мобильность» сегодня обрело статус парадигмы или базовой теоретико-методологической установки, на основе которой

выстраивается новая концептуальная модель способа существования общества постиндустриального типа» [7, с. 19].

Действительно, дискурс мобильности позволяет выявить существенные черты общества позднего Модерна. Однако парадигмальный статус данного дискурса и степень его универсальности не очевидны. «...Модерн остается длящимся, незавершенным проектом современности, взятой в ее политическом измерении... Модерн, несмотря на убедительную постмодернистскую критику, остается базовой политической парадигмой для легитимации и описания глобальной политической современности» [4, с. 147]. Парадокс дискурса мобильности Дж. Урри состоит в том, что говоря о подвижности и многочисленных изменениях, он рисует картину социальной структуры. Различные формы и паттерны мобильностей приводятся в движение сетевой структурой социальных связей. Дж. Урри говорит о включенности социальных действий и практик в совокупности мобильностей и си-

стем мобильностей. Фактически в концепции Дж. Урри системы мобильностей выступают в качестве основы социального порядка. Однако в этой картине современного общества почти не уделяется внимания социальному действию. Эту теоретическую ловушку подметил Н. Харламов [9, с. 33]. Между тем остается неясным источник мобильностей, их субъект. Недооценка взаимосвязи устойчивого и изменчивого в социальных процессах приводит к абсолютизации изменчивого – мобильности, которая оборачивается своей противоположностью и превращается в надындивидуальную и бессубъектную структуру.

Нас интересует то, как дискурс мобильности объясняет изменения, происходящие в национальном государстве и национальном гражданстве. Нам приходилось писать о трансформациях гражданства и их отражении в современных политологических концепциях [10]. В данной статье мы рассмотрим, как дискурс мобильности продолжает и развивает дискуссию о гражданстве и каковы научные эффекты сложения двух обсуждений.

Дискуссия о гражданстве, начавшаяся среди исследователей политики в 1980–90-е годы и продолжающаяся до настоящего времени, стала ответом не только на логику развития политической теории. Она была и реакцией на текущие политические события и тенденции: рост миграционных потоков, вызванный глобализацией, усиление роли мигрантов в принимающих обществах, усиливающуюся апатию избирателей, безразличие рядовых граждан к политическому участию, абсентеизм, зависимость населения от государственных социальных пособий, возрождение национализма в Восточной Европе, многорасовость и многокультурность населения в Западной Европе, этническое и религиозное многообразие обществ, размывание традиционной политической культуры гражданского участия, разочарование в глобализации, болезненное ощущение утраты национального суверенитета. Все это требовало переосмысления концепции гражданства. Среди причин распространения кризисных тенденций называли кризис welfare state и модели «социального гражданства», дисфункции представительной демократии. «Подъем тема-

тики «политического гражданства» как серии исторических практик освобождения и есть форма поиска новых способов критики капитализма в условиях его «триумфа», наступившего в конце 80-х – начале 90-х годов...» [2, с. 142]. В либерально-демократическом дискурсе тематика гражданства замещала критику капитализма, а в леворадикальных концепциях была формой критики глобального капитализма.

Причины кризиса модели национального гражданства поначалу видели в необходимости совершенствования «базисных структур» общества, в институциональных и процедурных механизмах достижения справедливости – разделении властей, федерализме, парламенте, конституционных правах, политических процедурах принятия политических решений и т. п. Но постепенно интерес сместился к вопросам гражданских добродетелей и гражданского сознания, определенный уровень которых необходим для успешного функционирования политических институтов и механизмов. У. Кимлика пишет: «...я буду рассматривать теории гражданства как важное дополнение, а не как замену теориям справедливости: теории гражданства выявляют добродетели и практики, необходимые для того, чтобы развивать и поддерживать институты и меры государственной политики, отстаиваемые теориями справедливости» [3, с. 365]. Все добродетели демократических граждан концентрируются вокруг понятия «гражданский республиканец», стержень их составляет принцип политического участия гражданина.

Эта дискуссия оттолкнулась от классического понимания национального гражданства Т.Х. Маршалла: «Гражданство – это статус, который дается полноценным членам данного сообщества» [5, с. 170]. Этот статус предполагает равенство граждан в правах и обязанностях. Т.Х. Маршалл исследовал эволюцию гражданства в Англии и установил, что становление гражданства (с его эгалитарной установкой) совпадает со становлением капитализма как системы неравенства. По мнению Ю. Хабермаса, именно «национальное самопонимание сформировало тот культурный контекст, в котором из подданных могли получиться политически активные граждане» [11, с. 206]. Форма национального государства стала результатом нахож-

дения нового способа легитимации власти и социальной интеграции общества. Этим способом стала политическая мобилизация граждан как членов нации, использующая принцип демократического участия, который формирует и статус гражданства, и новый уровень солидарности, основанной на праве, и открывает в нации для государства секуляризованный источник легитимации [11, с. 207].

Т.Х. Маршалл в правах гражданства выделял гражданские права, возникшие в Англии в XVIII в., политические права (XIX в.) и социальные права (XX в.). Наиболее полная реализация прав гражданина для него была возможна в либерально-демократическом государстве всеобщего благосостояния. Однако такой вид гражданства сейчас называют «пассивным», «минимальным» или «частным» гражданством, поскольку акцент ставится на пассивные права на обладание чем-либо (и соответствующие обязанности государства) и отсутствие обязанностей гражданина участвовать в общественной и политической жизни. В современных обществах сохраняется такой вид гражданства, но выясняется, что без активного проявления гражданской ответственности и добродетелей, опоры на экономическую инициативу и автономию, на политическое участие, солидарность и ориентацию на общее благо, ослабевают и основные демократические институты. Это сторона носит название «активное гражданство». У. Кимлика приводит цитату У. Гэлстона, где тот обобщает все виды гражданских добродетелей, требуемых для процветающей демократии: «ответственное гражданство требует четырех видов гражданских добродетелей: общих добродетелей – мужества, законопослушности, лояльности; социальных добродетелей – независимости, открытости ума; экономических добродетелей – трудовой этики, способности откладывать на будущее удовольствия, адаптируемости к экономическим и технологическим изменениям; и политических добродетелей – способности распознавать и уважать права других, готовности требовать только того, что может быть оплачено, способности оценивать качество работы властей, готовности участвовать в публичном дискурсе» [3, с. 368]. Эти добродетели являются отличительными для современных плюралистических либеральных

демократий и подчеркивают в них политическую роль граждан.

Глобализация средств сообщения и коммуникаций, финансирования, экономического производства порождает проблемы, например, экологическую или военную угрозы, которые не могут быть решены в рамках национального государства или путем соглашений между суверенными государствами. Происходит ослабление национально-государственного суверенитета, следовательно, все более возрастает необходимость формирования возможностей политического действия на наднациональном уровне [11, с. 199]. У. Кимлика констатирует, что растет число транснациональных организаций и их влияния на жизнь, но они демонстрируют большой «дефицит демократии» и обладают «малой публичной легитимностью в глазах граждан». Однако политической теории транснациональных институтов не создано. Отсутствует и космополитическая теория демократии и гражданства, но необходимость в них становится все более острой [3, с. 401–402].

Дискурс мобильности, включаясь в дискуссию о гражданстве, описывает трансформации модели национального гражданства. Джон Урри пишет: «...различные мобильности фрагментируют национальные общества, способствуя возникновению локальных, региональных, субнациональных, сетевых, диаспорных и глобальных экономик, идентичностей и гражданств» [9, с. 344]. Самыми важными и тревожными следствиями распространения различных видов мобильности является фрагментация и ослабление гражданского общества, нации как основы солидарности и интеграции, являющейся основой легитимации власти и коллективного действия, а также разрушение базы действия принципа политического участия граждан. Из двойного содержания гражданства устраняется его активная часть – способность гражданина к политическому действию во имя общего блага, и остается лишь пассивная сторона, типа потребительского гражданства, которое по сути не отличается от подданства.

Концепция текучей современности З. Баумана также вносит существенный вклад в осмысление происходящего. Автор описывает размывание тесной связи нации и государства,

характерной для прошлого, но отсутствующее в настоящем. Индивид утрачивает чувство уверенности и безопасности, надежда на государственные институты исчезает. «Свобода государственной политики беспрестанно разрушается новыми глобальными силами, имеющими в арсенале ужасное оружие экстерриториальности, скорости передвижения и способности к уклонению/бегству; возмездие за нарушение новых глобальных правил бывает быстрым и беспощадным... отказ вести игру по этим новым глобальным правилам – наиболее жестоко наказуемое преступление, совершения которого власти государства, привязанные к земле их собственным территориально определенным суверенитетом, должны опасаться и избегать любой ценой» [1, с. 199]. Мобильность как существенная характеристика власти глобальных сил меняет качество власти, а «рутинная демонстрация превосходства глобальных сил» (З. Бауман) вновь и вновь утверждает новый «мировой порядок».

Важным аспектом «текучей современности» является постоянная модернизация и процессы развития мобильности и индивидуализации. Современность порождает необходимость иного человека – *homo mobilis* – и в качестве результата социальных сетей и систем мобильности, и в качестве источника, осуществляющего ежедневную комбинацию сетей собственных взаимодействий. Мобильность выступает и как механизм, и как следствие модернизации. Индивидуализация же является одним из проявлений бесконечного процесса модернизации. Содержанием индивидуализации является все большее обособление человека от всякого рода зависимостей. Обратной стороной этого процесса становится разрыв социальной ткани, ощущаемый личностью как невозможность преодолеть одиночество. З. Бауман отмечает две особенности современности: крах иллюзии построить хорошее и справедливое общество и перемещение акцента с дискурса справедливости на дискурс защиты прав человека, то есть на право человека отличаться от других и выбирать собственные модели счастья [1, с. 36–37]. Однако следствием такой индивидуализации и апофеоза права «индивидуального выбора всего» становится то, что бремя автономии

и независимости, ответственности за системные противоречия и риски, вновь и вновь порожаемые глобальным обществом, ложится исключительно на индивида. Это цена «освобождения» индивида от социального принуждения, надзора и зависимости. В условиях размывания всех форм членства расплывчатыми и неопределенными становятся все формы идентичности человека, в том числе и гражданская. Индивид при наличии юридической автономии обречен на постоянные поиски собственной идентичности во всех остальных смыслах, на бесконечное самоопределение, на нескончаемую мобильность. З. Бауман отмечает еще один парадокс: «...индивидуализация – это судьба, а не предмет выбора. В царстве индивидуальной свободы выбора возможность избежать индивидуализации и отказаться от участия в индивидуализации не предусмотрена» [1, с. 41]. Неоднозначным следствием индивидуализации является «коррозия и постоянный распад гражданства» [1, с. 44]. Так, индивидуум становится «врагом» гражданина, поскольку он все более ориентируется на частное, а не общее благо, на частную, а не публичную жизнь. Из публичного дискурса вытесняется все, что не соответствует частным и индивидуальным потребностям и интересам. Сущность общества и «тирании» интимности, конца публичной культуры, разрушения баланса между публичной и частной сферами жизни в эпоху позднего Модерна раскрывает Р. Сеннет [8].

Еще одно следствие размывания национальной модели гражданства в условиях глобализации и под воздействием систем мобильностей – возникновение новых форм неравенства. Недаром раздел о социальных и политических следствиях действия совокупности мобильностей Дж. Урри называет «Врата рая и ада». Классическую модель национального гражданства, описанную Т.Х. Маршаллом, Дж. Урри характеризует как «гражданство покоя». В глобализирующемся обществе Дж. Урри насчитывает двенадцать режимов международных перемещений, типов коммуникации и мобильностей. Их совокупное действие аккумулируется и приводит к размыванию самой ткани социального, к ослаблению гражданского общества. Урри называет два крупных следствия этих процессов. Первое связано

с развитием новых видов гражданства и идентичности, которые подтачивают национальное гражданство и национальную идентичность. Это гражданство меньшинств, гражданство потребителей, гражданство мобильности (посетителей различных мест культур). Появляются новые идентичности гендерной и сексуальной ориентации, этнической и поколенческой принадлежности. Все это в концепции Урри носит название «гражданства потока» [9, с. 350]. Второе следствие – смена модели идентичности. Модель национальной идентичности уступает место универсальным моделям сообщества членов, связанных с де-территориализированным понятием универсальных прав личности. Это движение к постнациональному гражданству, примером может являться экологическое гражданство, связанное с гражданством Земли. Суть данного процесса состоит в отрыве прав личности от территории, во-первых, и от нации, во-вторых. В этом процессе можно найти и позитивные, и негативные следствия. К первым можно отнести универсализацию прав личности, ее независимость от конкретного государства. Однако ее автономия оборачивается беззащитностью перед глобальным порядком, невозможностью солидарных действий, интеграции с другими членами глобальной общности. Связи становятся технически, технологически и виртуально опосредованными, что обостряет для индивида множество экзистенциальных, этических и политических проблем.

Б.Г. Капустин считает, что любой режим гражданства является двуликим, а права гражданства оказываются орудиями «двойного назначения», поскольку права, с одной стороны, представляют собой «завоевания освободительной борьбы» и «средства и ресурсы защиты достигнутой меры свободы», но, с другой стороны, являются продуктами стратегии господствующих классов и служат «инструментами контроля над членами общества и надзора за ними» [2, с. 75–76]. В этих положениях также просматриваются две стороны гражданства: 1) пассивный статус, дающий «право на права» и 2) гражданство как активная практика освобождения, связанная с критическим отношением к власти и наличному политическому порядку, и как взаимодействие членов гражданского обще-

ства. Б.Г. Капустин прослеживает возможности и условия превращения «буржуа» в «гражданина», чтобы понять взаимосвязи между разными аспектами взаимоотношений между государством и гражданским обществом и выявить суть пассивных и активных прав гражданства. Он пишет: «Гражданина» отличает от «буржуа» именно готовность «добровольно действовать сообща для реализации общего интереса» [2, с. 131]. Рассмотрение исторических условий воспроизводства капиталистической демократии показывает, что превращение «буржуа» в «гражданин» есть политическая необходимость, но этого превращения может и не произойти, если отсутствуют институциональные и ментальные условия [2, с. 134]. «Политическому гражданству» должно соответствовать гражданское общество определенного качества – как набор социальных действий и практик, в которых действующие индивиды конституируются как субъекты. По мнению Б.Г. Капустина, «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности есть не постоянный структурный компонент современного общества (наряду с государством и рынком), а возникающая и исчезающая характеристика способа его деятельного самопреобразования» [2, с. 139]. В этой связи то, что различные виды мобильности оказывают разрушающее действие на гражданское общество в национальных масштабах, и пока не просматривается становление транснационального гражданского общества, – вызывает тревогу по отношению к перспективам развития гражданства и в пассивном, и, особенно, в его активном значении – как потенциала политического участия граждан. Однако, возможно, формирование новой космополитической модели гражданства еще не закончено.

1. Бауман З. Текучая современность [Текст] / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

2. Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 224 с.

3. Кимлика У. Современная политическая философия: введение [Текст] / пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.

4. Мартынов В.С. В поисках парадигмы позднего Модерна. – Научный ежегодник Института философии и права

УрО РАН. Вып. 10. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 135–148.

5. Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс [Текст]. – Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество [Текст] / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; ввод. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – С. 145–223.

6. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях. – Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. Вып. 22. – 2014. № 13 (184). – С. 245–251.

7. Русакова О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности // Дискурс-Пи. № 13 (2013). Дискурс мобильности. – Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2013. С. 19–25.

8. Сеннет Р. Падение публичного человека [Текст] / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2002. – 424 с.

9. Урри Дж. Мобильности. [Текст] / Пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. ст. Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.

10. Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века. – Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 8. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 257–278.

11. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории [Текст] / Пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.

shkoly e'konomiki, 2011. – 224 s.

3. Kimlika U. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie [Tekst] / per. s angl. S. Moiseeva; Gos. un-t – Vysshaya shkola e'konomiki. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej shkoly e'konomiki, 2010. – 592 s.

4. Mart'yanov V.S. V poiskax paradigmy pozdnego Moderna. – Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. Vyp. 10. – Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. S. 135–148.

5. Marshall T.X. Grazhdanstvo i social'nyj klass [Tekst] / Kapustin B.G. Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshhestvo [Tekst] / Gos. un-t – Vysshaya shkola e'konomiki; vvod. st. V.S. Malaxova; pril. T.X. Marshalla / per. s angl. Yu. Dergunova; pod nauch. red. A. Smirnova. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej shkoly e'konomiki, 2011. – S. 145–223.

6. Rusakova O.F. Diskurs mobil'nosti v sovremennykh kommunikacijax. – Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki. Vyp. 22. – 2014. № 13 (184). – S. 245–251.

7. Rusakova O.F. Metaforika i konceptosfera diskursa mobil'nosti // Diskurs-Pi. № 13 (2013). Diskurs mobil'nosti. – Ekaterinburg: Izd. dom «Diskurs-Pi», 2013. S. 19–25.

8. Sennet R. Padenie publichnogo cheloveka [Tekst] / Per. s angl. O. Isaevoj, E. Rudnickoj, Vl. Sofronova, K. Chuxrukidze. – M.: Logos, 2002. – 424 s.

9. Urri Dzh. Mobil'nosti. [Tekst] / Per. s angl. A. V. Lazareva, vstup. st. N.A. Xarlamova. – M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2012. – 576 s.

10. Fan I.B. Grazhdanstvo i migraciya v politicheskix koncepcijax XX veka. – Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. Vyp. 8. Ekaterinburg: UrO RAN, 2008. S. 257–278.

11. Xabermas Yu. Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoi teorii [Tekst] / Per. s nem. Yu. S. Medvedeva pod red. D. V. Sklyadneva. – SPb.: Nauka, 2001. – 417 s.

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Tekst] / Per. s angl. pod red. Yu. V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.

2. Kapustin B.G. Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshhestvo [Tekst] / Gos. un-t – Vysshaya shkola e'konomiki; vvod. st. V.S. Malaxova; pril. T.X. Marshalla / per. s angl. Yu. Dergunova; pod nauch. red. A. Smirnova. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vyshej

УДК 316.4

## DISCOURSE MOBILITY AND PROBLEMATIZATION OF THE MODEL OF NATIONAL CITIZENSHIP

Fan Irina Borisovna,

Institute of Philosophy and Law,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Doctor of Political Science, Senior Researcher,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: irina-fan@yandex.ru

### Annotation

The article investigates the transformation of the national model of citizenship under the influence of globalization, strengthening of the role of different types of mobility and personalization characteristic of late modern society. The concept of mobility and the supporters of the discourse participants in the discussion on citizenship.

### Key words:

discourse mobility model of national citizenship, nation, globalization, political participation.

УДК 316.4

## СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ



**Романова Кира Степановна,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
старший научный сотрудник отдела философии,  
кандидат философских наук, доцент,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: romkira@yandex.ru

### *Аннотация*

В статье автор рассматривает роль и значение социальных лифтов для развития общественной динамики. Социальные лифты в истории общества присутствовали с самого начала. Исторические типы государств и форм собственности определяли доминирующее значение этих социальных лифтов, часто параллельно запуская иллюзорные лифты. Разрушение системы социальных лифтов приводит к деградации общества, потому что без них невозможно ни выстроить современное общество, ни запустить механизмы экономического роста.

### *Ключевые слова:*

социальный лифт, мобильность, динамика, личность, государство.

Фундаментальная теория социальной динамики, охватывающая многие столетия, разные страны и культуры, принадлежит выдающемуся основоположнику русской и американской социологических школ Питириму Сорокину, и до сих пор в полной мере не освоена. Анализируя принцип имманентного изменения социокультурных систем, П. Сорокин делает выводы, что: 1) основание (или причина) изменения любой социокультурной системы лежит в ней самой, а не следует ее искать где-то еще; 2) дополнительной причиной изменения системы является окружающая среда, которая, в свою очередь, состоит в основном из имманентно изменяющихся систем; 3) любая социокультурная система, изменяющаяся имманентно, непрерывно порождает ряд имманентных последствий, которые, в свою очередь, изменяют не только среду, окружающую систему, но и саму систему [3, с. 747–748]. При

этом человека автор рассматривает как микрокосмос, то есть тоже системно.

В настоящее время вновь возник повышенный интерес к социальной мобильности как разновидности социальной динамики. Это связано и с глобальной миграцией населения, которая перекрашивает цвет кожи европейского населения, изменяет его религиозность (исламизация), и относительным обнищанием народов, и развалом коммунистического лагеря во главе с Советским союзом. Вместе с распадом коммунистической идеологии выросло значение критической парадигмы, фиксирующей обвал нисходящей социальной мобильности и резкое усиление неравенства в постсоветских обществах. Самопонимание обществом своего реального состояния есть лишь основание для поиска путей выхода из него.

Социальная мобильность – это изменение индивидом или группой социальной позиции,

места занимаемого в социальной структуре. Источником социальной мобильности служит социальная неоднородность общества, его социально-экономическое расслоение. Причинами социальной мобильности являются революции и другие подобные изменения, войны и военные конфликты, обогащение, разорение (банкротство). Векторная направленность мобильности может быть горизонтальная и вертикальная. Горизонтальная мобильность – это, прежде всего, территориальная или географическая мобильность. Вертикальная мобильность в свою очередь может быть восходящей, то есть такой, которая «укрупняет» личность, улучшает ее социальный статус во многих отношениях, и нисходящей, которая связана с потерей социальных позиций.

Питирим Сорокин выделял три основных социальных лифта: армия, семья и церковь. На практике существует значительно больше вариантов социальных лифтов. В каждом историческом времени и в каждом обществе своя система социальных лифтов, которая позволяла оптимизировать условия, при которых у человека, независимо от социального статуса его родителей имелась относительная возможность попытаться подняться вверх по социальной лестнице. В советское время общество строило коммунизм, это была глобальная нематериальная идея, которая объединяла народ, и при относительно небогатом народе позволяла добиться успеха обществу в целом на основе энтузиазма и социальной активности личности. В этот исторический период определяющую роль в социальной мобильности играли в качестве социальных лифтов армия, политическая партия (включая комсомол), образование (особенно высшее и возможные за ним аспирантура и докторантура). Особая роль принадлежала тюрьме как социальному лифту. В период обострения репрессий тюрьма являлась нисходящим социальным лифтом. А в 90-е годы прошлого века тюрьма для многих явилась восходящим лифтом, особенно для так называемых «воров в законе» с их «общаками», то есть общими кассами денег, явившимися основой для первичного накопления капитала в новых

рыночных отношениях, где не последнюю роль играли криминальные связи.

90-ые годы – время очередной исторической российской смуты, плоды которой мы пожинаем до сих пор. Озлобленность против богатых, недоверие к властям, обслуживающих их, отсутствие в обществе уверенности в том, что профессионализм, социально ответственное поведение будут вознаграждены, сегодня в обществе приводят к социальной апатии как массовидному явлению. Социальная апатия определяется региональными различиями социально-экономического развития, удаленностью их от центра России и провинциальностью. Низкий уровень жизни, люмпенизация, рост радикальных настроений. Все эти перечисленные проблемы имеют одну общую причину – неработающие социальные лифты. Отсюда доминирование горизонтальной мобильности, в первую очередь происки другого географического места жительства.

Социальные лифты развиты в западноевропейских странах, которые декларируют равенство прав человека и стараются обеспечить своим гражданам равные стартовые возможности. Международные социологические данные говорят о том, что запуск «социальных лифтов» во многих государствах третьего мира помогает преодолеть «сырьевую экономику». Для России в настоящее время преодоление доминирования сырьевой составляющей в экономике одна из важных задач. Как отмечает бывший министр экономики А. Кудрин: «Если мы понимаем, что наш ВВП на душу населения вдвое ниже, чем в развитых странах, – значит, надо играть по правилам рыночной экономики. Требуется модернизация, связанная с улучшением положения человека, его возможностями раскрыться не по блату, не по искаженным социальным лифтам, а в силу собственных способностей» [1].

В современной России ведущее место среди социальных лифтов объективно занимает институт собственности. Совершенно не важен источник и способ накопления собственности. Важен ее объем. Отсюда возникает тотальная коррупция и желание обогатиться любым путем. Возможность уйти от уголовной ответственно-

сти за криминальные способы присвоения в особо крупных размерах общественного богатства делают привлекательными территориальные формы мобильности, особенно в те страны, которые легко дают политическое убежище и не выдают чужих преступников.

Власти для её идеологической поддержки всегда требовались профессионально подготовленные, инициативные, самостоятельные, патриотично настроенные люди – их могла подготовить только высшая школа. Высшее образование выступает следующим по значимости социальным лифтом в ряде западных стран. Но состояние российской системы образования таково, что качественное конкурентоспособное высшее образование пока только для богатых и обеспеченных людей. Введение ЕГЭ декларировало уравнивание стартовых возможностей абитуриентов, а в реальности у них разный базис знаний, который скрыт за тестами единого экзамена. Поэтому российское образование – лифт весьма ненадежный. Образование, конечно, обогащает личность в духовном и профессиональном плане, но не гарантирует продвижения по социальной лестнице.

Высшая школа в процессе подготовки специалистов помогает преодолеть маргинальность студентов в обществе, которая связана с отсутствием у них прочной и окончательной закреплённости в социальной структуре, неустойчивостью общественного состояния, подвижностью социально-бытовой зависимости в их среде. Это не означает, что влияние социального происхождения на личность студента прекращается, оно продолжает оставаться важным фактором мотивации его социальной деятельности, но действует не прямолинейно, а опосредовано, через формирование профессионально-нравственной культуры, которая способствует интеграции бывшего студента в иную общественную группу.

Семья и брак в качестве социальных лифтов проходят через всю историю общества. В современной России, по данным специалистов Института социологии РАН, дети бедняков, которые составляют практически половину населения страны, просто не способны воспользоваться возможностями, которые предоставляет современный экономический строй. Они

не могут получить качественного образования, найти хорошую высокооплачиваемую работу, делать карьеру. Дети элиты с «младых ногтей» погружены в иную культуру, занимаются иностранными языками, получают престижное образование, в большей части за рубежом, где в момент их пребывания формируются необходимые в дальнейшей социальной мобильности дружеские и деловые связи и отношения.

Институт брака не только в правовом, но и в гражданском виде сегодня востребован в качестве социального лифта, который зачастую выступает в качестве иллюзии. Сотни пособий, как выйти замуж за миллионера, издаются огромными тиражами. Тысячи девушек из провинции (деревень, поселков и малых городов) мигрировали в столицу и крупные города, где водятся богатые, с готовностью продать себя в любом качестве за более благодатные социальные условия жизни. Действительно изменить свой социальный статус удается только единицам с помощью этого социального лифта.

Армия в очень многих странах является доминирующим социальным лифтом. Примером могут служить Аргентина, Бразилия, Израиль и др. В Израиле исторически сложилось так, что служба в армии выступает залогом (социальным лифтом) для успешной политической деятельности. В Советском Союзе армия также являлась одним из доминирующих социальных лифтов. Служба в армии позволяла не только восходить по вертикали внутри ее структуры, но одновременно позволяла мигрировать из деревни в город.

Следующим важным фактором для достижения определенного социального статуса являлось вступление в партию, которое было растянуто во времени (кандидатский срок) и отягощено особыми поручениями. Взаимодействуя между собой, социальные лифты либо ускоряли восхождение по социальной лестнице, либо падение. Например, исключение из партии или комсомола автоматически влекло за собой исключение из вуза.

В настоящее время армия не является особым социальным лифтом. Она представляет интерес только для тех людей, кто профессионально решил себя связать с военным делом.

Многие граждане активно ищут причины уклонения от службы в армии, считая нахождение в ней пропащим временем. Политические партии, количество которых неограниченно и общественные статусы которых различны, сегодня тоже имеют ограниченное значение для мобильности личности.

Российское телевидение, другие средства массовой информации организуют десятки разнообразных конкурсных программ, суть которых сводится к одному: прояви себя на конкурсе – и ты станешь известным, востребованным, «звездой». Даже если рассматривать эту модель социального лифта как идеальную (когда участником может стать каждый желающий), он способен продвинуть также лишь единицы. При всей своей кажущейся безобидности такие иллюзорные социальные лифты таят в себе немалую опасность для общества. Они создают иллюзию благополучной вертикальной мобильности, отвлекая общество от реального отсутствия возможностей для продвижения вверх по социальной лестнице.

Нельзя не согласиться с В. Яблонским, директором направления «Социальные проекты» Агентства стратегических инициатив: «Механизм социального лифта как составляющей социальной мобильности является одним из основных инструментов повышения качества управления социальной сферой в частности и, государством, в общем. Обновление элит через этот механизм при условии его объективности – наиболее действенный способ обеспечить соответствие управленческого механизма общества и государства современным вызовам. В советский период были сформированы устойчивые механизмы вертикальной и горизонтальной мобильности, предоставляющие практически равный доступ к росту по карьерной лестнице, во всяком случае, до определенного уровня, и обеспечивающие схожий уровень жизни специалистов вне зависимости от региона. Сегодня эта система практически демонтирована, а те небольшие фрагменты, которые остались, безусловно, устарели. Общество постсоветского периода сформировало новые квазимодели социальных лифтов, но ключевой их проблемой являются необъективность и от-

сутствие равного доступа к старту (отсутствие публично доступных форм участия)» [4].

Социальная активность человека биологически предопределена, потому что движение есть способ существования всего живого. При этом окружающая среда существования может как подавлять, так и способствовать активности. Неслучайно президент В. Путин отмечает: «Прежде всего, люди должны почувствовать позитивные изменения – и, в первую очередь, через расширение своих собственных возможностей. Но двигателем роста должна быть и будет именно инициатива граждан. В России в полном объеме должна быть сформирована система социальной мобильности, социальных лифтов, соответствующая современному обществу. Нам надо научиться компенсировать негативные социальные последствия рыночной экономики и органически порождаемого ею неравенства...» [2].

Стагнация, общественная апатия, низкий уровень жизни, рост радикальных настроений – все эти взаимосвязанные проблемы имеют общую основу – неработающие социальные лифты. Социальные лифты выступают средством общественной динамики общества, которая позволяет его членам перемещаться из одной социальной группы (сословия, классы, страты) в другую. Без эффективных социальных лифтов и четкой системы пользования ими невозможно запустить механизмы экономического роста и активной социальной динамики современного российского общества. Наличие развитой системы социальных лифтов – это не только залог преодоления социальной несправедливости для человека, но и залог развития государства, которое сможет преодолеть сырьевую доминанту экономики страны.

1. Кудрин Алексей ВШЭ дала рецепт обновления российской экономики «Ведомости», 03.04.2013, № 57 (3319).

2. В.В. Путин. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить, Известия, 16.01.2012 г.

3. Сорокин Питирим Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., СПбБРХГИ, 2000. 1056 с. С. 747–748.

4. Владимир Яблонский. В России сложились неэффективные модели социального лифта, Российская Газета, 14.11.2011 г.

1. Kudrin Aleksej VShE' dala recept obnovleniya rossijskoj e'konomiki «Vedomosti», 03.04.2013, № 57 (3319).
2. V.V. Putin. Rossiya sosredotachivaetsya – vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit', Izvestiya, 16.01.2012 g.
3. Sorokin Pitirim Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shix sistemax iskusstva, istiny, e'tiki, prava i obshhestvennyx otnoshenij / Per. s angl., SPB6RXGI, 2000. 1056 s. S. 747–748.
4. Vladimir Yablonskij. V Rossii slozhilis' neeffektivnye modeli social'nogo lifta, Rossijskaya Gazeta, 14.11.2011 g.

---

UDC 316.4

## **SOCIAL ELEVATORS AS A MEANS OF SOCIAL MOBILITY**

**Romanova Kira Stepanovna,**

The Institute of Philosophy and Law,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Philosophy,  
Candidate of Philosophical Sciences,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: romkira@yandex.ru

### *Annotation*

In the article the author considers the role and value of social elevators for the development of social dynamics. Social elevators were presented in the history of the society from the very beginning. Historical types of states and the forms of ownership are determined the dominant significance of social mobility, often launching in parallel illusionary elevators. The destruction of the system of social elevators lead to the degradation of society, because without them it is impossible either to build a modern society, to launch mechanisms of economic growth.

### *Key words:*

Social elevators, mobility, dynamics, personality, state.

УДК 316

# МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

**Савин Владимир Николаевич,**

Уральский государственный аграрный университет,  
доцент кафедры управления и права,  
кандидат философских наук,  
Екатеринбург, Россия

**Фатеева Наталья Борисовна,**

Уральский государственный аграрный университет,  
старший преподаватель кафедры управления и права,  
Екатеринбург, Россия,

## *Аннотация*

В статье анализируются практические аспекты различных современных методологических подходов изучения социальной мобильности, развиваемых в России и за рубежом. Особое внимание уделено взаимосвязи такого аспекта феномена мобильности, как адаптация-дезадаптация. Предложена концепция построения многоуровневой иерархии классификации процессов адаптации и дезадаптации в профессиональной мобильности.

## *Ключевые слова:*

мобильность, социальная мобильность, методология социальных наук, трудовая и профессиональная мобильность, адаптация, дезадаптация.

В современной России становится особо актуальной проблема социальной мобильности [8]. Термин «социальная мобильность» введён в социологию П. Сорокиным. Теоретически последовательное и целостное исследование явления социальной мобильности весьма отчетливо выразил еще П. А. Сорокин, который сразу же указал на необходимость понимания ее как социального процесса. «Для количественной оценки процессов социальной мобильности обычно используют показатели скорости и интенсивности мобильности» [6]. П. Сорокин определял скорость мобильности как вертикальную социальную дистанцию или число страт – экономических, профессиональных, поли-

тических, которые проходит индивид в его движении вверх или вниз за определенный промежуток времени. Под интенсивностью мобильности понимается число индивидов, меняющих свои позиции в вертикальном или горизонтальном направлении за определенный промежуток времени. Число таких индивидов в какой-либо социальной общности дает абсолютную интенсивность мобильности, а их доля в общей численности данной социальной общности показывает относительную мобильность [6; 7].

«Соединив показатели скорости и интенсивности мобильности, – писал Сорокин, – мы получим совокупный индекс мобильности, который может быть рассчитан

для экономической, профессиональной или политической области деятельности. Таким образом, процессы социальной мобильности могут принимать различные формы и даже носить противоречивый характер. Но вместе с тем для сложного общества свободное перемещение индивидов в социальном пространстве – единственный путь развития, в противном случае его могут ожидать социальное напряжение и конфликты во всех сферах общественной жизни. В целом социальная мобильность является важным инструментом анализа динамики общества, изменения его социальных параметров [6].

Для объяснения «природы» мобильности предпринимаются попытки сформулировать антропологический подход к мобильности и миграции, т. е. «представить миграцию не как конечное, совершающееся в рамках определенного времени и пространства событие, а как одно из условий человеческого существования и, вместе с тем, как одно из важнейших состояний человека» [5]. В зарубежной литературе в последнее десятилетие сложился целый исследовательский «пласт». Т. Крессуэлл пишет: «За последние несколько лет мы стали свидетелями заявления о «новой парадигме мобильности» [1; 2; 3]. М. Шеллер и Д. Урри также свидетельствуют: «кажется, в социальных науках сформировалась новая парадигма – «парадигма новой мобильности» [4; 9; 10], причем, они задаются вопросом – можно ли говорить о «мобильном повороте» в социальных науках» [4], по аналогии с антропологическим, лингвокультурологическим, семиотическим и пр.

По направлениям перемещений различаются вертикальная (восхождение-нисхождение) и горизонтальная социальная мобильность [6]. Эмпирическим показателем социальной мобильности служит индекс мобильности-стабильности, который рассчитывается на основании данных о соотношении наблюдаемых и ожидаемых пропорций между числом мобильных и стабильных лиц в исследуемой группе. Рассчитываются так-

же коэффициенты корреляции между числом мобильных и их полом, уровнем образования, «коэффициентом умственного развития», национальностью, расой, местом жительства, состоянием здоровья и т. д. С помощью этих индикаторов составляются вероятностные матрицы, в качестве математического аппарата, используемого при определении и прогнозировании социальной мобильности, служат «цепи Маркова». В последние годы наиболее широкую известность приобрели исследования «биографической мобильности», которые всё чаще выделяют в «социологию жизненного пути». Популярны, в частности, «висконсинская модель» У. Сьюэлла, сравнительный анализ престижа профессий Д. Треймана и др. Изучение социальной мобильности систематически проводится в США, Англии, Франции, ФРГ, Японии, Нидерландах, Канаде и других странах. Некоторые зарекомендовавшие себя методы изучения социальной мобильности с успехом применяются в Болгарии, Венгрии, Польше, а также в современной России [8].

Для изучения предпосылок и условий социальной мобильности в конкурентном обществе широко применяется факторный анализ [8]. Уровень социальной мобильности часто рассматривается как один из основных критериев отнесения того или иного общества к «традиционному», «модернизированному», «индустриальному», «постиндустриальному» и т. п. [6; 7]. Социальная мобильность, так же, как и социальное планирование, может рассматриваться на различных уровнях: на уровне отдельной личности, предприятия как основной ячейки общества, района, города, области, региона, страны в целом [6; 7; 8].

Одним из видов горизонтальной социальной мобильности на уровне предприятия является текучесть кадров, которая выступает показателем уровня адаптации кадров на предприятии. Трудовую адаптацию необходимо исследовать как систему. Системообразующим фактором процесса адаптации выступает процесс трудовой адап-

тации. Мы хотели бы предложить системную иерархическую классификационную модель 12 типов и видов адаптации, т. е. целесообразно поставить вопрос о классификации типов и видов адаптации. У адаптированного работника возникает психологическая (эмоциональная) зависимость от предприятия, на котором он трудится, от коллектива, в котором он трудится. Некоторая доля психологической (эмоциональной) зависимости необходима для сохранения трудовой культуры постоянного работника, в основе которой лежат трудовые психологические установки на стабильную работу на данном предприятии, и для подавления угрожающих стабильности тенденций к переходу на другие предприятия. При нарушении процесса адаптации человека наступает дезадаптация. Дезадаптация как процесс тоже представляет множество типов и видов дезадаптации, поэтому научное исследование с необходимостью требует построения аналогичной иерархической классификационной модели дезадаптации.

Наивность в диагностике дезадаптации неуместна. Менеджер по персоналу должен быть бдительным и не исключать возможности быть обманутым – сознательно или бессознательно – не только поступающим или принятым на работу (например, стремление себя приукрасить, выявляемое при тестировании тестом ММРП), но и в первую очередь самим собой. Склонность жить в иллюзии и верить в фикции о самом себе (в хорошем или дурном смысле) вряд ли преодолима у безработных. Длительно не работающий безработный – это невротик, который пал жертвой собственных иллюзий. Однако тот, кто был обманут, обманывает и сам. Для камуфляжа и лазеек годится всё.

Менеджер по персоналу должен знать, что, поскольку он верит в своё всезнание и во всемогущество какой-нибудь теории или какого-нибудь определённого метода, некоторыми дезадаптированными работниками он будет введен в заблуждение или обманут, и это произойдёт с ним тогда, когда

работник (адаптант) будет достаточно ловок, чтобы подобрать себе безопасное укрытие за перлами теории и использовать этот метод, чтобы сделать это укрытие достаточно невидимым.

Изучение проблем социальной мобильности необходимо проводить в тесной связи с изучением проблем адаптации.

---

1. Cresswell T. On The Move. Mobility in the modern Western World. Rutledge, N.Y., 2006.

2. Cresswell T. Towards and Politics of Mobility // Environment and Planning D: Society and Space 2010, v. 28.

3. Mobilities: Volume 1, Issue 1, 2006: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450100500489189#>.

4. Sheller Mimi, Urry John. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A 2006, vol. 38, p. 207–226.

5. Государство и антропопоток. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. Москва – ПФО, 2002 // <http://stra.teg.ru/library/33/5>.

6. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>.

7. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 372–392.

8. Социально-профессиональная мобильность в XXI веке. Материалы 2-й Всероссийской конференции. Екатеринбург, 2015.

9. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

10. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., ИД Высшей школы экономики, 2012.

---

1. Cresswell T. On The Move. Mobility in the modern Western World. Rutledge, N.Y., 2006.

2. Cresswell T. Towards and Politics of Mobility // Environment and Planning D: Society and Space 2010, v. 28.

3. Mobilities: Volume 1, Issue 1, 2006: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450100500489189#>.

4. Sheller Mimi, Urry John. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A 2006, vol. 38, p. 207–226.

5. Gosudarstvo i antropotok. Doklad Centra strategicheskix issledovanij Privolzhskogo federal'nogo okruga. Moskva – PFO, 2002 // <http://stra.teg.ru/library/33/5>.

6. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P. Chelovek, civilizaciya, obshhestvo / Pod red. A. Yu. Sogomonova. M.: Politizdat, 1992. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>.

7. Sorokin P.A. Sociokul'turnaya dinamika i e'volucionizm // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. M., 1996. S. 372–392.

8. Social'no-professional'naya mobil'nost' v XXI veke.

Materialy 2-j Vserossijskoj konferencii. Ekaterinburg, 2015.

9. Urri Dzh. Mobil'nosti. M.: Praksis, 2012.

10. Urri Dzh. Sociologiya za predelami obshhestv.

Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M., ID Vysshej shkoly e'konomiki, 2012.

---

UDC 316

## **METHODOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING SOCIAL MOBILITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY**

**Savin Vladimir Nikolaevich,**

Ural State Agrarian University,  
Department of Management,  
Ph.D., Associate Professor,  
Ekaterinburg, Russia

**Fateeva Natalja Borisovna,**

Ural State Agricultural University,  
Department of Management  
Ekaterinburg, Russia

### *Annotation*

The article analyzes the various practical aspects of modern methods and logical approaches the study of social mobility developed in Russia and abroad. Particular attention is paid to the relationship of this aspect of the phenomenon of mobility is an adaptation, maladjustment. The concept of building a multi-level hierarchy of classification processes of adaptation and maladjustment in occupational mobility.

### *Key words:*

Mobility, social mobility, the methodology of the social sciences, labor and professional mobility, adaptation, maladjustment.

УДК 316

## МОБИЛЬНОСТЬ КАК СВОЙСТВО МАССОВОГО КОНФОРМИСТСКОГО СОЗНАНИЯ



**Моисеенко Ян Юрьевич,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
аспирант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

### *Аннотация*

В статье рассматривается феномен «мягкой силы» («soft power») как ресурса глобального управления («global governance»), результатом которого является унификация ценностных предпочтений акторов мировой политики. Залог успешной имплементации «мягкой силы» связан с конформизмом, то есть, некритическим восприятием реальности, конструируемой под воздействием реального или опосредованного давления глобальных игроков.

### *Ключевые слова:*

мягкая сила, глобализм, управление, конформизм, неолиберализм.

В стремительно меняющемся глобальном мире наблюдается тенденция роста социальных, культурных, политических взаимосвязей, интеграционные процессы становятся всё более интенсивными, что приводит к размыванию границ национальных государств и унификации ценностных предпочтений нового т. н. «глобального человечества». Морфология современного мира во многом определяется и является следствием идеологического доминирования либеральной парадигмы, выигравшей конкуренцию у марксизма в конце XX в., знаменуя символический «Конец истории». Утверждению либерализма в планетарном масштабе (при сохранении некоторых очагов сопротивления) способствовал, безусловно, ряд экономических и политических причин, однако проблематика форматирования сознания и декларирования массовой ориентации современного человека на либеральные ценности по-прежнему остаётся открытой.

Существует множество трактовок, которые тем или иным путём могут привести исследователя к ответу на вопрос, почему на рубеже XX и XXI вв. стала возможной реализация либерально-демократических идей, а адаптации их в странах с разным историческим и культурным наследием действительно поражают своими масштабами. В данном исследовании будет представлена версия, где в этом контексте основное внимание будет уделено проблематике конформизма как имманентного элемента политического сознания масс, а так же феномену мобильности, как свойству глобального конформизма.

Конформизм как феномен изменения поведения или мнения индивида вследствие реального или воображаемого давления большинства претендует на статус политического сознания группы в случае, если высшей ценностью, разделяемой ею, признаётся способность адаптации к внешним реалиям, вне

зависимости от их внутренних характеристик. Первоначально «конформизм» рассматривался в сфере социальной психологии, поэтому основные причины конформного поведения имеют соответствующую этим областям специфику. В первую очередь, настойчивое и упрямое поведение других людей может убедить человека в ошибочности его первоначального мнения, в случае если оно отличается от них [8; с. 299]. Во-вторых, любой член группы (осознанно или нет) стремится избежать наказания, порицания, осуждения со стороны группы за несогласие и непослушание. В-третьих, неопределенность самой ситуации, или неясность информации способствует ориентации человека на мнения других людей, которые становятся для него определенным и ясным источником информации [8; с. 299]. В целом, даже исходя из этих причин, можно сделать вывод о том, что в любом групповом взаимодействии эффект конформизма играет существенную роль, поскольку он не только влияет на выбор каждого члена группы, но и является одним из основополагающих механизмов принятия группового решения.

Согласно Э. Фромму политический конформизм во многом является продуктом «анонимных» властных отношений, которые функционируют по классической гегельянской формуле «Господство / Подчинение», где воля «Господина» выступает импульсом к реакции «Раба». На этом принципе во многом базировались и политические системы классической рациональности, не предполагающие множества центров принятия властных решений. Однако с размыванием философских оснований сакральности власти в Новое время, стала наблюдаться тенденция к её постепенной плюрализации, в частности, посредством расширения источников власти за счёт разделения властей на несколько ветвей, конституционных ограничений и усиления роли частного и индивидуального над целым и коллективным.

В современном же высокотехнологичном мире возникают предпосылки выделить постиндустриальную форму конформистского сознания, обозначив её некоторые свойства:

*мобильность, информационность, урбанизм.* Данную возможность обеспечивает ряд факторов, среди которых следует отметить введение в политику новых экономических игроков и неинституциональных акторов, а также развитие сферы массовых коммуникаций. Их интенсивное воздействие на политический процесс привело к дальнейшему расщеплению его на микрополитические практики отдельных индивидов, осуществляемые на фоне законной деятельности классических институтов власти, которые постепенно подвергаются эрозии.

Все эти изменения были во многом запечатлены и подвергнуты анализу в контексте постнеклассического мышления. В частности, постмодернистами была предложена неординарная концепция «власти» (по М. Фуко), наглядно демонстрирующая подоплёку для подобных утверждений [11; 52]. Согласно М. Фуко «под властью необходимо понимать многообразие отношений силы, внутренне присущих областям, в которых они существуют, и являющихся конституирующим элементом данных областей; а также те игры, битвы и конфронтации, в ходе которых они трансформируются...» [18; р. 122]. В связи с этим определением, любой властный ресурс рассредоточен в среде, то есть, в каждой точке пространства общественных связей, равно как и ресурсы сопротивления власти, между которыми происходит напряжение, которое, в свою очередь, и формирует силовые поля.

С подходом Фуко тесно связан и характерный для постнеклассической философии принцип «ризомы» («rhizoma» (лат.) – *корневиче*), отрицающий любой намёк на иерархию, порядок, логоцентризм и утверждающий, что ни один из элементов, как в структуре политики, так и знания, ценностей, опыта не может претендовать на доминирующую позицию [10; с. 107]. «Ризома» декларирует на уровне своей природы, что доступ к ресурсу «анонимной» власти может быть неограничен для подавляющего большинства субъектов, и потенциально каждый индивидуум может стать «агентом» (по П. Бурдьё), то есть действовать в политическом «поле» самостоятельно,

а не оставаться заложником спущенного ему «сверху» статуса. Более того, при грамотном расположении в силовом поле, такой «агент» способен пользоваться своей позицией по отношению к тем, кто расположен в нём менее выгодно, тем самым воспроизводя и преобразовывая само «поле».

Следствием того в постнеклассическое научное осмысление вопросов адаптивности человека к внешней среде было введено понятие *мобильности*, отражающее его способности к своевременному быстрому перемещению из одной точки социального пространства в другую его точку. Что касается самого термина, вне контекста данного исследования, то политическая наука обязана его разработке современному американскому социологу Дж. Урри, который выделял несколько толкований, в том числе буквальное, связанное, естественно, с физическим перемещением людей и вещей в пространстве [12; с. 75]. Ещё одна грань этого понятия отражает традиционно социологический смысл – «социальная мобильность», т. е. вертикальное перемещение агентов в поле, также возможно рассмотреть мобильность в горизонтальной плоскости, через вопросы миграции и другие виды полустационарного географического перемещения. Оригинальный взгляд на «мобильность» предлагает в книге «В движении» профессор Северо-восточного университета США Т. Крессуэл: он понимает её как «социальную грань жизни агента, насыщенную смыслом и властью, являющуюся продуктом социального времени и пространства» [16; р. 3].

В настоящем исследовании «мобильность» будет рассмотрена как одно из свойств постиндустриального массового конформистского сознания, что позволит сделать «этимологическая» трактовка данного термина, о которой также не следует забывать. В английском языке за словом «mobility» стоит подтекст «толпы» («mob»). Важно понимать тот факт, что «моб» не только обладает коллективным сознанием, то есть условием, в котором конформизм проявляется более наглядно, но он ещё и беспорядочно движется, не взирая ни на какие границы, пребывает в состоянии энтро-

пии, потому он «мобилен» и его необходимо регулировать, отслеживать социальным образом [12; с. 74].

Подход к осмыслению мобильной формы конформизма через призму «mob» открывает нам, как минимум, два её измерения: движения (movement) и его образа (representation of movement) [16; р. 160]. Несмотря на то, что эти составляющие весьма затруднительно разграничить на практическом уровне, поскольку обе они переплетены друг с другом, с теоретической точки зрения, необходимо иметь представление, сочетание каких компонентов даёт основание считать индивидуума «мобильным». Что касается первого из них – движения, то здесь мобильность предстаёт сугубо процессом преодоления пространства, фактом перемещения из одной его точки в другую, по причине чего компонент является исходным материалом «мобильности». Подобный ракурс «мобильности» обеспечивает её квантитативность, представляет этот феномен в виде, в котором он наиболее просто отслеживается и подвергается различным измерениям, на основании которых и формируется статистика. Тем не менее, без учёта образной составляющей «мобильности», никакие количественные данные не несут смысловой нагрузки в контексте анализа мобильности как черты одной из современных форм конформистского сознания. Поэтому нам куда более важен второй аспект, т. е. *репрезентация мобильности*, результатом которой становится конструирование в массовом сознании претендующего на первенство в дискурсе «мобильного человека» («*homo mobilis*»).

Вариативность смыслов, наполняющих собой понятие «*homo mobilis*» широка, поскольку «мобильным» может справедливо считаться и условный «беженец» (refuge), вынужденный менять места проживания под давлением внешних угроз (политической нестабильности, природных катаклизмов), и не менее условный «freelancer», движущийся в хронотопе между несколькими альтернативными проектами, меняющий гражданства, среду, руководствуясь мотивом личной выгоды. Обоих представителей данных социальных

типов можно записать в категорию «mobilis», однако в объективный факт движения этих персонажей вкладывается различная смысловая нагрузка, влияющая на массовое восприятие специфики «мобильности».

В то время как первый «социальный агент» – условный «refuge», может перемещаться по периферии своего поля и его позиции не являются привлекательными для других агентов этого или другого поля, «freelancer» воздействует на узловые точки поля, участвуя не только в перераспределении властных ресурсов, но и преобразуя его. Тем самым его модель поведения, преломлённая в сознании масс, становится примером сочетания свободы, успешности, благополучия, а значит, она может выступать «архетипом», к которому начинает стремиться современный индивидуум в борьбе за сферы влияния в поле. В связи с чем, в термине «homo mobilis» до некоторой степени прослеживается некая претензия на преформирование личности, как и в описании Г. Маркузе «одномерного человека».

Выявить некую общность «мобильного» и «одномерного» социально-политического типов может помочь обращение к смысловому эквиваленту этих концептов – фигуре «das Man», введённой в философский дискурс М. Хайдеггером в основополагающей работе «Sein und Zeit» [19; p. 126]. Термин «das Man» образован комбинацией от немецкого «der Mensch» («мужчина») и неопределённого местоимения «man», и перевести его на русский язык не так просто, поскольку это неологизм. Правильнее будет раскрыть сущностные характеристики этого концепта и через их описание выйти на заложенную в нём апологию конформизма. Наиболее близкой к «man» в русском языке является формообразующая единица «-ся» (*думается, считается* и т. д.), но у Хайдеггера, критиковавшего европейскую философию за её нигилизм, «das Man» становится субъектом, в том числе политическим. Он конституируется в повседневности как некая обезличенная персонификация, как некий центр, в котором никто конкретно не находится, но он выступает для периферии смыслообра-

зующим ядром [5; с. 266]. Выступая с этой позиции, das Man навязывает свои установки, делает их обязательными для принятия всеми, давит на индивидуальное сознание человека непоколебимым авторитетом, облакаясь в личину то «практического мышления», то «позитивного опыта», то «conventional wisdom» («общепринятые взгляды») и т. п. При этом das Man никогда не говорит «от самого себя», только от «всех вместе», но ни от кого в отдельности.

Такие типы, как «одномерный человек» Г. Маркузе и как продвинутый «homo mobilis» XXI в. приобретают массовый характер, поскольку сознание их, во многом, является продуктом «форматирования» личности das Man-ом. Вследствие этого можно утверждать, что и «homo mobilis» также во многом одномерен, поскольку он обладает универсальным комплексом заданных ему характеристик и даже черт характера, а также разделяемых им ценностей и убеждений. К примеру, для того чтобы индивид имел основания причислять себя к референтной группе «homo mobilis» он должен отвечать целому ряду универсальных требований. Он обязан владеть целым набором документов, позволяющих передвигаться в пространстве, пересекать границы государств, иметь связи с людьми, проживающими в удалённых локациях, благодаря чему места и сети поддерживаются регулярными визитами и коммуникацией [12; с. 362]. Помимо этого, homo mobilis характерно быстро передвигаться, обладать доступом к высокоскоростным средствам транспорта, отсутствие привязанности к конкретным локациям работы или проживания, но высокая степень зависимости от коммуникационных устройств и пунктов контакта. [12; с. 363].

Одной из важных черт, свойственных его конформистскому сознанию, является склонность к *спонтанному* принятию своевременных решений, что, как правило, находит выражение в категории «мобильного потенциала». Для того чтобы грамотно осмыслить природу этого потенциала, исследователь С. Кауфман ввёл сопутствующий термин *мотильность*, что следует трактовать как «ту возможность, которой

индивид обладает в сфере движения и которую он использует в своей деятельности» [21; 61]. Несмотря на то, что факторы, влияющие на уровень мотильности индивидуума, имеют, безусловно, и внешнюю природу, (доступность средств коммуникации), но решающей всё же является её внутренняя специфика: predisposed к быстрой, своевременной адаптации.

На этом основании, исследователями справедливо выделяется ещё одна форма капитала, не учтённая П. Бурдьё в его концепции средств, с помощью которых социальные агенты могут удовлетворять свои потребности, именно *мобильный капитал* («mobility capital») или *капитал подвижности*, ресурсом которого и является мотильность [12; с. 123]. Этот вид капитала имеет сугубо ризоматическую природу, многие его компоненты неуловимы, они заменяют друг друга и пребывают в беспрестанном движении. Поэтому mobility capital следует рассматривать относительно автономно от прочих, выделяемых П. Бурдьё (экономический, культурный, символический, т. п.), что не исключает общего для всех капиталов свойства конверсии, то есть способности одного капитала вливаться в другой. В сознании же современного человека, именно обладание «капиталом подвижности» кажется решающим в процессе борьбы за распределение ресурсов власти, поскольку он обеспечивает молниеносную реакцию на вызовы, позволяет преодолевать пространственные и временные ограничения и, кроме того, компенсировать недостаток другого капитала. Таким образом, врождённая или приобретённая мотильность является чертой постиндустриального конформистского сознания, и её нельзя недооценивать, несмотря на её сложное выявление на уровне эмпирического анализа.

В случае с homo mobilis, подвижность становится для него самоцелью, даже приобретает черты фетиша, и в наиболее ярких формах выражения, она трансформируется в *фетишизм движения*. Подобно тому, как «одномерный человек» развитых индустриальных обществ Маркузе формировался по ходу капиталисти-

ческих форм отношений, результатом чего был присущий ему фетишизм потребления, так и «фетишизм движения», является производным от новых средств мобильности и циркулирующих в «пространстве потоков» и сам способствует бурному росту новых мобильных форм и парадигм. Среди этих парадигм имеет смысл выделить *урбанизм* и *информационность*.

Одержимость человека *урбанизмом* имеет конформистский характер – она результат влияния das Man-а на сознание индивида. Кроме того сам мегаполис представляет среду, которая легко располагает к конформному мышлению и поведению, предпосылкой чего является полная анонимность «социального агента», которую он фактически гарантирует. Мегаполис как пространственно-временной континуум предполагает непрерывное движение индивида, постоянное пребывание в местах, способствующих обезличенной коммуникации. Такими местами становятся «узловые центры» пространства потоков (по М. Кастельсу), стремиться в которые «вынуждены» все, кто претендует на статус «homo mobilis». Пользуясь терминологией З. Баумана, ими могут являться «пожирающие места», такие как торговые центры, биржи труда, бизнес центры, торговые палаты, потребительские пространства, что одновременно являются одномерными [1; с. 107]. Спецификой таких мест становится преформирование личностей, стирание между ними различий, посредством «сближения» ценностных ориентаций на время пребывания в «пожирающем» пространстве [1; с. 107]. Чувство ложной общности, которое возникает в сознании людей, находящихся в «пожирающих местах», имеет конформную природу, так как оно основано на внешнем «воображаемом» давлении группы потребителей, за которыми стоит das Man.

Homo mobilis свойственно вступать друг с другом в сегментированные, сугубо функциональные отношения, они неспособны узнавать большинство людей, которых видят ежедневно, часто бывают равнодушны к девиантному поведению, их мышление имеет клиповый характер, поскольку только так мотильность по-

звояет им быстро переключаться с одной цели на другую с наименьшими потерями. Все эти качества делают их жизнь в современном мегаполисе максимально продуктивной, поскольку потребляя движение как товар, воздействуя на узловые точки потоков, они создают привлекательный образ «успеха и благополучия».

*Информационная* составляющая конформистского сознания масс стала производной доминирования «информации» над прочими формами знания, Парадигма, выдвинувшая информационный обмен в качестве универсальной ценности и товара потребления, апеллирует, прежде всего, к мотильности сознания homo mobilis, к его ризоматическому поиску. Homo mobilis легко преодолевает не только пространственную, но и временную разобщённость различных культур посредством электронной коммуникации взаимобмена, тогда как оригинальный культурный опыт различных сообществ остаётся привязанным к конкретной локации, *спонтанность* здесь строго ограничена. Кроме того, ценности этой виртуальной, сетевой культуры воспроизводятся в «пространстве потоков» намного быстрее и интенсивнее, чем своеобразной культуры исторического региона, они организованы в «одновременности», то есть в потоках информации, что конструируются безотносительно к опыту прошлого, как пишет Кастельс: «во вневременном ландшафте компьютерных сетей и электронных средств коммуникаций» [6; с. 449]. Таким образом, «реальность» проигрывает конкуренцию «информационной виртуальности», ибо она иммобильна, то есть, не способна к стремительной реакции на изменение конъюнктурных интересов, тогда как вторая предлагает индивиду homo mobilis универсальный, быстрый способ адаптации к среде.

Итак, мобильность современных обществ уже в значительной степени упрощает процесс отвлечения человека от традиционных ценностей, обращая их к установкам виртуальности. Электронные средства коммуникации сами не являются базисом этой системы, они только расширяют возможности «доступа» к разной информации, предлагающей инди-

виду, на первый взгляд, «альтернативные» варианты самоидентификации. С другой стороны, такой кажущийся плюрализм выбора оборачивается иллюзией в условиях контроля «потоков» на уровне элит, прокладывающих «русла» по своему усмотрению, преследуя собственные цели и властные интересы. Таким образом, разная по содержанию информация смешивается в одном и том же «гипертексте» – «русле потоков», «постоянно реорганизуемом и доступном в любое время и откуда угодно, в зависимости от Отправителей и склонностей получателей» [6; с. 450].

«Гипертекст», сконструированный компьютерными технологиями, что были ангажированы в процесс распределения власти ресурсов СМИ, в свою очередь, формирует из своих «адресатов» информационных конформистов. Последним характерна как информационная «всеядностью», так пассивность и спонтанность восприятия, хаотичностью поглощения, а также терпимость к любому содержанию. [15; 117]. Информационный конформист «формально» образован, он даже может владеть внушительным объёмом информационных ресурсов, и, тем самым, иметь виртуальное преимущество над другими «агентами» в поле. Но на деле, иллюзия его «осведомлённости» – не более чем своеобразная «плата» элитам за его фактическое «неучастие» в реальном процессе распределения власти, так как его неограниченное потребление информации приводит к снижению духовных запросов, к расширению рамок его примитивного «потребительского» отношения к миру. Информационный конформист homo mobilis – инструмент, выгодный господствующей системе, поскольку управляем, внушаем и нетребователен, а, значит, с лёгкостью адаптируется к виртуальным символическим системам, вневременным и лишённым конкретного места. [15; с. 117]

Осмысление процессов мобильности сознания современного человека, порождающих его социальное и политическое отчуждение, является важным моментом в контексте вопросов политической социализации и адаптации к внешней среде, а значит, конформности.

Таким образом, не удивительно, что проблематика конформизма вновь оказывается во внимании политической философии, хотя, казалось бы, она уже успела стать частью прошлого, уйти в историю вместе с тоталитарными режимами, с которыми её традиционно связывали. Однако изменения, что претерпел мир в процессе ориентации на рельсы либеральной демократии, показывают, что появление новых форм «конформизма» – это закономерное явление. Так как степень идеологической интеграции современного человека в глобальное, единое пространство («one world»), где происходит процесс распределения власти, по масштабам может превзойти воздействие на массовое сознание классических идеологий XX в.

1. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – Москва: Логос, 2002. – 324 с.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS, т. 1, вып. 2? 1993. – с. 137–150.
5. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. – М.: Фонд «Мир», Академический проект, 2010. – 389 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. и под научн. ред. О.И. Шкаратана. – М.: Высшая Школа Экономики, 2001. – 608 с.
7. Кожев А. Понятие Власти. М.: Практис, 2006. – 192 с.
8. Майерс Дж. Социальная психология. СПб.: Прайм – Еврознак, 2002. – 544 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек / Американская социологическая мысль. Тексты / под редакцией В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 496 с.
10. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с.
11. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: Российский Христианский Государственный Университет, 2001. – 239 с.
12. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. – М.: Практис, 2012. – 576 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2011. – 288 с.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.
15. Холодовская А.В. Конформизм современного общества, его виды и особенности проявления. Изд-во: Вестник Брянского Технического университета, 2009. № 1. – с. 112–122.

16. Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. – Routledge: Taylor & Francis Group, 2011. – 342 p.
17. Cresswell T. Towards a Politics of Mobility. – African Cities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. – p. 159–171.
18. Foucault M. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. – London: Allen Lane, 1976–168 p.
19. Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. – 443 s.
20. Kaufmann V. Motility: Mobility as capital / International Journal of Urban and Regional Research, 28 (4), 2004. – p. 745–756.
21. Kaufmann V. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology – Aldershot, Ashgate, 2002. – 110 p.

1. Bauman З. Tekuchaya sovremennost' / per. s angl. pod red. Yu. V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.
2. Bauman З. Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obshhestva / per. s angl. – M.: Ves' Mir, 2004. – 188 s.
3. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo / per. s angl. pod red. L. Inozemceva; Centr issled. postindustr. o-va. – Moskva: Logos, 2002. – 324 s.
4. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' // Al'manax THESIS, t. 1, vyp. 2? 1993. – с. 137–150.
5. Dugin A.G. Martin Hajdegger: filosofiya drugogo Nachala. – M.: Fond «Mir», Akademicheskij proekt, 2010. – 389 s.
6. Kastel's M. Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura / per. s angl. i pod nauchn. red. O.I. Shkaratana. – M.: Vysshaya Shkola E'konomiki, 2001. – 608 s.
7. Kozhev A. Ponyatie Vlasti. M.: Praxis, 2006. – 192 s.
8. Majers Dzh. Social'naya psixologiya. SPb.: Prajm – Evroznak, 2002. – 544 s.
9. Markuze G. Odnomernyj chelovek / Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. Teksty / pod redakciej V.I. Dobren'kova. – M.: Izd-vo MGU, 1994. – 496 s.
10. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012. – 400 s.
11. Sokuler Z.A. Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna. – SPb.: Rossijskij Xristianskij Gosudarstvennyj Universitet, 2001. – 239 s.
12. Urri Dzh. Mobil'nosti / per. s angl. A.V. Lazareva. – M.: Praxis, 2012. – 576 s.
13. Fromm E'. Begstvo ot svobody. – M.: AST, 2011. – 288 s.
14. Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek. – M.: AST, 2007. – 588 s.
15. Xolodovskaya A.V. Konformizm sovremennogo obshhestva, ego vidy i osobennosti proyavleniya. Izd-vo: Vestnik Bryanskogo Texnicheskogo universiteta, 2009. № 1. – с. 112–122.
16. Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. – Routledge: Taylor & Francis Group, 2011. – 342 p.
17. Cresswell T. Towards a Politics of Mobility. – African Cities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. – p. 159–171.

18. Foucault M. The History of Sexuality, Volume 1: An Introduction. – London: Allen Lane, 1976–168 p.  
19. Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. – 443 s.  
20. Kaufmann V. Motility: Mobility as capital / International Journal of Urban and Regional Research, 28 (4), 2004. – p. 745–756.  
21. Kaufmann V. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology – Aldershot, Ashgate, 2002. – 110 p.
- 

UDC 316

## **MOBILITY AS A PROPERTY OF MASS CONFORMIST CONSCIOUSNESS**

**Moyseenko Yan Yurievich,**

Institute of Philosophy and Law,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Graduate student,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

### *Annotation*

The article proposes soft power phenomenon as a source of global governance, aimed at unification of value orientations of world politics' actors. The guarantee of such a successful implementation of soft power technology is conformity of actors, their uncritical perception of reality, constructed under real or mediated constraint of global players.

### *Key words:*

soft power, globalism, global governance, conformity, neoliberalism.

УДК 316.444.3 + 81'42 + 81'94

## ПРОЯВЛЕНИЕ ДИСКУРСА ВРАЖДЫ В ЖАНРЕ АВТОБИОГРАФИИ В РАМКАХ ПРОЦЕССА ВЕРТИКАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ



**Фурсов Кирилл Константинович,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
аспирант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: biathlon91@mail.ru

### *Аннотация*

Дискурс вражды и вертикальную политическую мобильность можно соединить с помощью жанра автобиографии и мемуаров. Вертикальная мобильность порождает борьбу индивидуальную и коллективную за перемещение между политическими стратами. Наиболее удобно проследить сочетание дискурса вражды и вертикальной политической мобильности в автобиографических произведениях Б. Немцова. Они показали, что идеологические принципы влияли на дискурс вражды. Дополнительным фактором персональной вражды к государственным управленцам и населению стала нисходящая вертикальная мобильность.

### *Ключевые слова:*

вертикальная политическая мобильность, дискурс вражды, жанр автобиографии.

Мобильность в современном мире представляет огромный интерес. Особенно важной для научного исследования является политическая мобильность. Основоположником теории мобильности можно считать П. Сорокина. Он сформулировал основные положения социальной мобильности. Под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую [10, с. 236]. П. Сорокин делил мобильность на два типа: горизонтальную и вертикальную. Политика – это одна из форм вертикальной мобильности. Под каналами вертикальной политической мобильности П. Сорокин рассматривал политические

институты. Это могут быть общественные организации, политические партии. Стоит обратить внимание, что понятие мобильности используется преимущественно социальной наукой. П. Сорокин поднимает различные вопросы о стратификации и мобильности – в пространстве и времени нет однозначного направления на увеличение или уменьшение подвижности вертикальной мобильности. Эта подвижность меняется от времени, от пространства и от общества к обществу. Для операционализации своей теории П. Сорокин ввёл понятия интенсивность и всеобщность мобильности. Под интенсивностью понимается вертикальное количество слоёв, проходимое индивидом за определённое количество времени. Под всеобщностью вертикальной мобиль-

ности будет считаться такое количество людей, которые изменили свою социальную страту за определённый период времени [10, с. 294]. С политической точки зрения по П. Сорокину демократичные общества более открыты для мобильности.

Вертикальная мобильность представляет собой восходящее и нисходящее движение социальных страт. Если выделять политическую форму мобильности, то её основой станет борьба за власть. Уровнем или показателем политической мобильности будет объём полномочий государственной власти. Вертикальная политическая мобильность может принимать индивидуальную и коллективную форму. Сам процесс вертикальной политической мобильности может описать теория циркуляции элит. П. Сорокин, как и идеологи теории элит Р. Михельс, В. Парето, Г. Моска считали, что большинство не может управлять. Власть сосредоточена в руках меньшинства, поэтому разговор о демократии в обществе – это популизм.

Борьба за власть порождает вражду. В словаре С.И. Ожегова вражда определяется как отношения и действия, проникнутые неприязнью и ненавистью [8]. Рассматривая определение вражды нужно подчеркнуть, что вражда включает действия и мотивы, которые вступают в противоположность и антагонизм другой стороны, являются продолжительными, не имеют положительного или созидательного результата. В истории философии невозможно найти определения вражды. Все авторы, которые писали о ней, понимали её имманентно. Начиная с Эмпедокла и Гераклита, заканчивая Г. Зиммелем и русской религиозной философией, не было сформулировано точного определения вражды. На всём протяжении долгого времени определялись формы вражды, её сущность, границы. От противостояния космических стихий до борьбы различных цивилизаций. В конце XIX – начале XX века вражда была вытеснена наукой. К тому моменту сформировалось понимание врага как внешнего проявления вражды. Морально-этическая окраска вражды не могла придать эту явление объективного характера. Вражду заменил конфликт.

Во второй половине XX века были созданы различные теории, описывающие противостоя-

ние: теория образа врага, дискурс «мы» – «они», язык вражды. К. Шмитт разработал в своей работе «теория партизан» теорию вражды. Для К. Шмитта вражда – это борьба с врагом. Относительный враг – тот, с которым ведётся борьба на каком-либо основании. Это основание может быть борьба за родной дом, семью, земельный участок. С относительным врагом можно договориться о дружбе. Абсолютный враг – это враг всего человечества, имеет бесчеловечный характер. Новые технические средства оружия требуют абсолютного врага. Уничтожение человечества станет результатом абсолютной вражды. В своей работе К. Шмитт поставил вопрос о вражде как процессе дегуманизации [11, с. 47–50]. Различные авторы показывали, как некоторые правительства использовали выдуманные образы врага для перенаправления внимания общества на внешние проблемы, а не на внутренние. К дополнению образа врага была разработана теория «мы» – «они». Эта теория касается доминирования группового дискурса. Причиной объединения группы и дискурса становится схожая идентификация членов группы. Итогом такого разграничения становится вражда между группами «своих» и «чужих». В современной российской науке усилили внимание к концепту «языка вражды». У А.В. Евстафьевой язык вражды понимается как негативистская, оценочная лексика к этническим, религиозным, половым особенностям личности или убеждениям человека [1, с. 125]. Примерно так же его понимает Е.П. Соколова. Это словесная дискриминация, речевая агрессия к различным социальным и этническим группам [9, с. 276]. О.С. Коробкова определяет язык вражды в качестве лингвистического выражения интолерантности или проявления социального неравенства [9, с. 276]. Можно заметить, что язык вражды сосредотачивается на лингвистических приёмах и средствах. Поэтому следует использовать дискурс вражды. В данном случае он может сосредоточиться на субъектах и их идентификациях. Дискурс вражды можно понимать как коммуникативное явление, в котором стороны сосредотачиваются на поиске виновных, обвиняемых, нахождению врагов с применением дополнительных аналитических параметров – контекста, интенции,

предварительных условий. Например, к дискурсу вражды можно отнести фотографию девочки, дочка украинского военного с подписанным текстом. Также дискурсом вражды может быть открытое письмо известного человека в виде поста в каком-либо сообществе, обвинявшим каких-нибудь личностей или группы людей. Таким можно считать письмо О. Басилашвили под названием «Люди как люди?». Известный актёр обвинил российское общество в стремлении к спокойствию, неосталинизму, поощрению внешней агрессии.

Вертикальная политическая мобильность представляет собой процесс. Поэтому сама мобильность формирует дискурс. Дискурс показывает не одну конкретную временную точку, а стадии развития процесса – и восхождение и нисхождение политического субъекта. В данной ситуации наиболее близким материалом, который может описать вертикальную политическую мобильность и дискурс вражды, является жанр автобиографии. Мемуарами и автобиографиями занимается историческое источниковедение. Мемуаристика занимается воспоминаниями современников крупных и важных исторических событий. М.Ф. Румянцев определяет источники личного происхождения как источники с функцией установления личной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации [4, с. 62]. К ним относятся и мемуары-автобиографии, и исповеди.

Источники личного происхождения в качестве персонального дискурса имеют свою специфику. С точки зрения В.И. Карасика персональный или лично-ориентированный дискурс имеет разновидности бытового и бытийного общения [3, с. 5]. Бытовое общение является общением двух знакомых людей на близком расстоянии, вербальное общение дополняет невербальное. Бытийное общение является монологичным и представляет внутренний мир человека. К бытийному общению относят произведения художественной литературы, философские и психологические интроспективные тексты. В.И. Карасик выделяет различные измерения дискурса: прагмалингвистический, психолингвистический, лингвостилистический, структурно-лингвистический, лингвокультур-

ный, когнитивно-семантический, социокультурный подход. Дискурс вражды в мобильности политического субъекта может быть зафиксирован в жанре автобиографии и мемуаров. Книги этого жанра превращают их в дискурс наличием не одной книги – два издания в разное время замыкают дискурс в единый временной континуум, а также социокультурный и политический контекст этих книг. Основной вопрос заключается в разрешении проблемы соотношения персонального и институционального дискурса. Если персональный дискурс привносит эмоциональную, чувственную, богатую смысловую основу личности, то институциональный дискурс привносит функциональную и основанную на принципах, нормативную основу работы личности в коллективе. Жанр автобиографии использует структурно-лингвистический и социокультурный подход к дискурсу [3, с. 5]. Структурно-лингвистический подход к дискурсу анализирует текстовую структуру – содержательную и формальную связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничения, большие и малые текстовые блоки. Социолингвистический подход предполагает общение участников как представителей тех или иных социальных групп и заключает их в социокультурный контекст [3, с. 5].

Дискурс автобиографии или мемуаров сочетает в себе как персональные особенности личности, так и институциональные признаки. К персональным особенностям можно отнести память. Память обладает как объективными, так и субъективными характеристиками. Память позволяет индивиду сохранять общественную память, включая политические факты. «Недостоверность» жанра автобиографии является её объективной особенностью. Кроме дат, событий, людей в жанре автобиографии присутствует оценка, точка зрения, выбор пути. Если относить автобиографию к жанру мемуаров, граница которых расплывчата по С.В. Кодану, то можно охарактеризовать мемуары. Ценность мемуаров в фактическом описании событий, оценки и точки зрения всегда субъективны. Объективность ретроспективности мемуаров зависит от близости написания к времени происшедших событий. Субъективность мемуаров заключается в том, что одни события

и герои возвеличиваются, другие преуменьшаются, остальное извращается. Историки сформировали критический метод оценки источника. От источника требуется выяснить автора, побудительный мотив, зачем выпускается работа, точка зрения автора на вопрос. К процессу политической вертикальной мобильности можно будет отнести изменение мировоззрения автора [4, с. 90–91]. Политические мемуары дают возможность открыть закулисные переговоры и процесс принятия решений.

В процессе вертикальной политической мобильности дискурс вражды может показать личные мотивы, субъектов вражды, её продолжительность, влияние институтов на персональный дискурс. В таком важном жанре автобиографии и мемуаров играют роль коммуникативные стратегии политических субъектов. Обвинение, претензия, провокация, упрёк – неполный список подобных стратегий дискурса вражды. Для политической науки более интересны мемуары и автобиографии субъектов с восходящей вертикальной мобильностью. Не менее интересными могут быть автобиографии политических субъектов среднего и низового уровня, которые не имели стремительного восхождения. Широко известно отношение политических субъектов к своим произведениям. Адольф Гитлер написал свою известную книгу «Майн Кампф» во время отбытия срока в тюрьме; позднее признавался, что знание о своём восхождении позволило бы не оставлять подобное произведение. Осудил публикацию своих мемуаров Н. С. Хрущёв, который записал их на магнитофон после своего отстранения. Не менее важно то, когда политический субъект написал свою автобиографию – на пути вверх, в период пребывания на вершине или после ухода или отстранения с поста. Б. Н. Ельцин написал «Записки президента» в 1994 году на основе своих записок из дневника в то время, когда уже стал Президентом РФ [2]. Хотя временной период был посвящён предыдущим событиям тогда, когда Б. Н. Ельцин шёл по пути восходящей вертикальной мобильности.

Для того чтобы показать вертикальную политическую мобильность и дискурс вражды, обратимся к кейсу автобиографии Б. Немцова. В 1997 году была опубликована

книга «Провинциал» [7]. В 2007 году им была написана книга «Исповедь бунтаря» [6]. По этим книгам можно проследить эволюцию дискурса вражды, мировоззрения, политического статуса Б. Немцова. Первая книга была написана в марте – октябре 1996 года. В этот момент Б. Немцов занимал пост губернатора Нижегородской области. Автобиография структурно построена по плану словаря. Слова и фразы, которые перечислены, расположены не по алфавитному порядку. Отдельный список в книге посвящён списку персон, которым Б. Немцов уделил внимание. Для вертикальной мобильности важно понимание собственного политического статуса и представление о следующих политических слоях наверху. Б. Немцов опирается на личные принципы и идеологические принципы. Идеологическое противостояние можно охарактеризовать с позиции нормативной вражды. Основной антагонизм состоит в противопоставлении либерализма и коммунизма. Путь, пройденный Б. Немцовым к тому времени составлял получение кандидатской степени в физической науке, избрание депутатом Верховного Совета СССР, избрание губернатором Нижегородской области России. Эта мобильность является не только персональной, но и групповой. Она связана с тектоническим сдвигом политической элиты при распаде СССР. Экономические взгляды Б. Немцова характеризовались стремлением обеспечить частную собственность, экономическую конкуренцию, разрушить экономическое «рабство» колхозников. Б. Немцов критически относился к коммунизму. Называл учение К. Маркса и В. Ленина утопией. Равноправие обеспечивает то, что сильный не может уничтожить слабого, а равенство является искусственным так, как все люди разные. Для Б. Немцова коммунизм – это абсолютное равенство. Также Б. Немцов даёт пояснение отношениям к Президенту России Б. Ельцину. Изменение их связано с тем, что влияние окружения Президента усилилось, поэтому Б. Ельцин охладил к губернатору Б. Немцову. Для Б. Немцова верхний уровень власти не представлял интерес своей скрытностью, огромной конкуренцией и желанием создать проблемы на ровном месте.

Совсем иначе написана книга «Исповедь бунтаря» [6]. Она построена по смысловым

коротким главам. Эта книга соединяет в себе как автобиографические моменты, так и определённую политическую программу Б. Немцова. Свобода является основной категорией политических взглядов политика. Книга была написана много позже, когда Б. Немцов занимал в своей карьере самую высокую должность – вице-премьера Правительства РФ в 1997–1998 годах. С того момента началась нисходящая волна вертикальной мобильности. Описывая основные категории политических противников, Б. Немцов хронологически называет олигархов и бюрократию. Кроме персональной неприязни к Б. Березовскому, В. Гусинскому и В. Путину, у Б. Немцова развивалась вражда к гражданам России, использовался элемент дегуманизации. «На самом деле проблема России – это россияне» [6, с. 71]. По мысли автора книги основными недостатками россиян являются многовековое рабство, лицемерие, чиновничество. Б. Немцов разделил граждан России на две неравные группы – наследников крепостных крестьян с рабским сознанием и свободных и независимых граждан. Очевидно, Б. Немцов понизил статус большой группы населения. «Рабская категория» населения не обладает стимулом для борьбы за свои частные права. Такое население не может бороться с коррупцией, прощает бюрократическое излишество [6, с. 75]. Можно заметить, что в рамках нисходящей вертикальной мобильности в рамках автобиографии Б. Немцова дискурс вражды вырос. Он вырос из-за определённого опыта, из которого было получено определённое представление о высшей политической страте России, а также из определённой опоры на идеологические принципы и представление о ключевых политических субъектах из личного знакомства. В трансформации дискурса вражды Б. Немцова нормативная и идеологическая составляющая являлись стабильными. В связи с опорой на эти составляющие – свобода, конкуренция, частная собственность, демократия – сформировалось враждебное отношение к действующей государственной власти, которому способствовало личное знакомство и нисходящая вертикальная мобильность. Оно вызвало недовольство конкретными персонами государственной власти – В. Путину, А. Миллеру. Также оно породило

определённый этап дискурса вражды – низведения населения до рабского состояния.

Таким образом, дискурс вражды сочетается с политической вертикальной мобильностью, её нисходящим и восходящим типами. Дискурс вражды можно понимать как коммуникативное явление, в котором стороны сосредотачиваются на поиске виновных, обвиняемых, нахождению врагов с применением дополнительных аналитических параметров – контекста, интенции, предварительных условий. Вертикальная политическая мобильность порождает персональную и коллективную вражду. Жанр автобиографии может использовать дискурс вражды. В жанре автобиографии прослеживается вертикальная политическая мобильность. Жанр автобиографии содержит структурно-функциональный и социокультурный подход к дискурсу. Дискурс вражды и вертикальную мобильность можно проследить на примере автобиографии Б. Немцова – книгах «Провинциал» и «Исповедь бунтаря». Содержательное изменение дискурса вражды связано с тем, что вражда к идеологии коммунизма переходит к персональной вражде с действующей властью и дегуманизацией населения до рабского состояния. Причинами такого изменения является несогласие по нормативно-идеологическим принципам. Также вражде способствовало личное знакомство с действующими государственными управленцами и нисходящая политическая мобильность.

1. Евстафьева А.В. Адресант и адресат «языка вражды» в текстах средств массовой информации // Вестник ТюмГУ. – 2008. – № 1. – С. 125–133.

2. Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонёк, 1994. – 262 с.

3. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

4. Кодан, С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 3. – С. 60–93.

5. Коробкова, О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Серия филология. – 2011. – № 111. – С. 200–205.

6. Немцов Б.Е. Исповедь бунтаря. М.: Партизан, 2007. – 216 с.

7. Немцов Б.Е. Провинциал. М.: Вагриус, 1997. – 120 с.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/4240.shtml> (дата

обращения: 20.07.2015).

9. Соколова Е.П. Агрессивные тенденции в российских СМИ как проявление особенностей политической культуры // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. – № 4 – С. 274–280.

10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 393 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/519798/> (дата обращения: 20.07.2015).

11. Шмитт К. Теория партизана Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца – М.: Практик, 2007. – 50 с. – Режим доступа: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (дата обращения: 20.07.2015).

1. Evstaf'eva A.V. Adresant i adresat «yazyka vrazhdy» v tekstax sredstv massovoy informacii // Vestnik TyumGU. – 2008. – № 1. – S. 125–133.

2. El'cin B.N. Zapiski prezidenta. M.: Ogonyok, 1994. – 262 s.

3. Karasik V.I. O tipax diskursa / V.I. Karasik // Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. – Volgograd, 2000. – S. 5–20.

4. Kodan, S.V. Istochniki lichnogo proisxozhdeniya: ponyatie, mesto i rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovyx

yavlenij // Genesis: istoricheskie issledovaniya.– 2014. – № 3. – S. 60–93.

5. Korobkova, O.S. Markery yazyka vrazhdy v nominaciyax e'tnicheskoj prinadlezhnosti: sociolingvisticheskij aspekt // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. Seriya filologiya. – 2011. – № 111. – S. 200–205.

6. Nemcov B.E. Ispoved' buntarya. M.: Partizan, 2007. – 216 s.

7. Nemcov B.E. Provincial. M.: Vagrius, 1997. – 120 s.

8. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Rezhim dostupa: <http://www.ozhegov.org/words/4240.shtml> (data obrashheniya: 20.07.2015).

9. Sokolova E.P. Agressivnye tendencii v rossijskix SMI kak proyavlenie osobennostej politicheskoy kul'tury // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2010. – № 4 – S. 274–280.

10. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obshhestvo. Obshh. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov: Per. s angl. – M.: Politizdat, 1992. – 393 s. – Rezhim dostupa: <http://www.twirpx.com/file/519798/> (data obrashheniya: 20.07.2015).

11. Shmitt K. Teoriya partizana Obshh. red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov: Per. s nem. Yu. Yu. Korinca – M.: Praktis, 2007. – 50 s. – Rezhim dostupa: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (data obrashheniya: 20.07.2015).

UDC 316.444.3 + 81'42 + 81'94

## THE MANIFESTATION OF THE DISCOURSE OF ENMITY IN THE GENRE OF AUTOBIOGRAPHY IN THE PROCESS OF VERTICAL POLITICAL MOBILITY

**Fursov Kirill Konstantinovich,**

Institute of Philosophy and Law,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Graduate student,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: [biathlon91@mail.ru](mailto:biathlon91@mail.ru)

### *Annotation*

The discourse of enmity and political mobility can be connected via the genre of autobiography and memoir. Upward Mobility creates individual and collective struggle for the movement between the political strata. The most convenient way to track a combination of discourse of hostility and political mobility in autobiographical works Boris Nemtsov. They showed that the ideological principles influenced for the discourse of enmity. An additional factor of personal animosity to government subjects and the population has become a downward vertical mobility.

### *Key words:*

vertical political mobility, discourse of enmity, genre of autobiography.

УДК 327.8

## ФАКТОР МОБИЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»



**Ковба Дарья Михайловна,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
аспирант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

### *Аннотация*

В статье исследуется связь категорий мобильности и «мягкой силы». Указывается, что различные виды мобильности могут выступать показателями и источниками «мягкой силы» государства.

### *Ключевые слова:*

мягкая сила, мобильность, ресурсы власти, общественная дипломатия.

Изменения, происходящие в мире в конце XX века, стимулировали ученых разрабатывать и искать теории, позволяющие объяснить реальность, а политиков – выбирать новые модели поведения в динамичных условиях. В это время началось бурное развитие различных направлений международных отношений: неореализма, неолиберализма, конструктивизма и пр. В рамках неолиберальной теории американский политолог Дж. Най начал разработку концепта «мягкой силы». Он определил ее как «способность достигать желаемого результата посредством притяжения, а не принуждения или платежей». «Мягкая сила» возникает благодаря привлекательности культуры страны, политических идеалов и политики» [4, с. X].

Дж. Най выделил несколько тенденций, которые повлияли на диффузию сил и заставили его обратиться к исследованию нового концепта:

– Новые формы связи и транспортировки, позволяющие значительно сократить

расходы компаний, ускорили развитие транснациональных корпораций, передвинули экономическую активность за границы государств.

– Возросшая коммуникация в развивающихся странах и урбанизация перенесли некоторую долю силы к частным акторам. Возросшая социальная мобилизация сделала военную интервенцию и внешнее управление более дорогостоящими, тогда как в XIX веке великие державы могли управлять целыми колониями при помощи небольших войск.

– Постоянное увеличение количества информации привело к тому, что значимым ресурсом власти стала способность быстро ее сортировать, выбирать, своевременно на нее реагировать [3, с. 161].

Британский социолог З. Бауман, автор метафоры «текущая современность» расширяет этот список: «люди больше не так покорны, как в прошлом, и не так боятся наказания, однако, они становятся более восприимчивыми к социальным сигналам. От принудительной твердой власти

отнюдь не отказались, но регулярные войска вряд ли встретятся лицом к лицу» [2].

Таким образом, *мобильность*, динамичность, сеть, глобализация и взаимозависимость стали характерными особенностями современности. Дж. Най признает, что глобализация сегодня американо-центрична. Большая часть информационной революции приходится на США, большая часть содержания глобальных информационных сетей в настоящее время созданы в Соединенных Штатах и повышают их «мягкую силу». Однако происходящая в мире глобализация – больше, чем американизация. Глобализация не подразумевает универсальность, она сопровождается увеличением пробелов между богатыми и бедными, она не отменила национальные границы. В социальном плане возрастающее число контактов между людьми с разными ценностями и религиозными убеждениями способно привести к конфликтам [5, с. 83]. Информационная революция не устранила неравенство между сильными и слабыми государствами, ведь для сбора и производства новой информации необходимы ресурсы. Слабое технологическое развитие, недостаточный экономический потенциал, незащитность в киберпространстве делают многие государства мира неконкурентоспособными по сравнению с ведущими державами в мире информационных потоков и сетей.

Мобильность и «мягкая сила» тесно связаны между собой, причем характер их связи может быть различен. Мобильность – это междисциплинарное понятие. Исследователи выделяют несколько видов мобильности: социальная, академическая, культурная, профессиональная и другие.

Мобильность, выраженная в форме *миграции*, может быть как показателем, так и источником «мягкой силы». Притягательная культура, положительный образ страны, экономическое благосостояние, соблюдение прав – эти и другие параметры образуют потенциал «мягкой силы» и, в то же время, являются так называемыми pull-факторами (факторами притяжения мигрантов). Так, несмотря на труд-

ности, связанные с высоким уровнем иммиграции и социальными проблемами, в течение длительного времени иммиграция усиливала «мягкую» и «жесткую» силу Соединенных Штатов.

Интересно, что в теоретических концепциях миграционных исследований присутствуют понятия «мягкий» и «жесткий факторы», выталкивающие людей из стран обитания. В 1996 г. исследователь С. Еберг [6] к «жестким» факторам причислил военные конфликты, гуманитарные кризисы и экологические катастрофы, а к «мягким» – бедность, социальное неравенство и безработицу.

Возможность социальной мобильности в принимающей стране – фактор привлекательности, увеличивающий ее «мягкую силу». При этом мигрант совсем не обязательно добьется успеха и поднимется на новый социальный уровень: здесь важен сам миф о возможности успеха. Ценности демократии, личной свободы, вертикальной мобильности и открытости, которые часто выражаются в американской популярной культуре, высшем образовании и внешней политике, способствуют американской власти во многих областях.

Взаимосвязанность мобильности и «мягкой силы» наиболее ярко и всеобъемлюще демонстрирует пример *общественной дипломатии*. Классическая, или «кабинетная дипломатия» – это прямое общение руководства стран, часто конфиденциальное. Однако иногда полезно общаться с населением других государств с целью косвенного влияния на их правительства. Такая непрямая модель дипломатии называется общественной. Для нее важны эффективные двусторонние отношения, не только изложение своей позиции, но и получение обратной связи, поэтому *обмены* (профессиональные, академические, культурные) всегда более эффективны, чем одностороннее вещание. Общественная дипломатия – это не только рутинная ежедневная коммуникация и разовые кампании, но и долгосрочные отношения с ключевыми индивидами в течение многих лет. Эффективность общественной дипломатии измеряется результатами опросов

общественного мнения, а не количеством денег, потраченных на общественную дипломатию. Децентрализация, уменьшение контроля над общественной дипломатией способствуют увеличению «мягкой силы» в глобальную информационную эру, однако правительство почти всегда стремится к такому контролю.

Связь академической мобильности с «мягкой силой» – не новое явление. В Средние века один университет объединял студентов и преподавателей из многих европейских стран, преподавание шло на латыни. Распространение веры посредством образования – инструмент мягкой силы церкви. В дальнейшем британцы часто обучали людей из своих колоний. Такие студенты образовывали опору колониальной администрации.

Мягкая сила образования реализуется двумя путями:

1) Обучение элит или будущих лидеров других стран (так, «американские исследовательские университеты сыграли большую роль в распространении нелиберального дискурса, на их базе были подготовлены многие зарубежные специалисты, в том числе из бывших стран социалистического лагеря, которые, возвращаясь в свою страну, стали ключевыми фигурами в процессе практического внедрения в жизнь нелиберальной доктрины» [1, с. 261]).

2) Обучение людей, не принадлежащих к элите, которые после завершения учебного процесса благоприятно оценивают страну, в которой обучались. Иностранцы часто перенимают методы, подходы, философию, академическую культуру, свойственные научной и образовательной системе страны пребывания. Очень важно, что после возвращения домой они сохраняют профессиональные и дружеские связи с жителями страны обучения.

Обмены учеными, студентами и преподавателями способствуют лучшему пониманию друг друга разными народами. Самостоятельно полученное представление о стране, образование «из первых рук» устраняют стереотипы и страхи, рожденные ошибочными сведениями и недостатком информации, способствуют

установлению межкультурных связей. В то же время увеличение числа контактов между различными культурами способно увеличить возможность культурных конфликтов и стать причиной психологического стресса. Для того чтобы образовательные программы становились источниками мягкой силы, необходимо тщательно планировать международные программы, учитывать международный опыт и своевременно производить необходимые коррекции программ обучения.

Таким образом, в современную эпоху приобретают особую значимость категории мобильности, динамичности, подвижности, что не может не отражаться на тематике научных исследований. Изменения, произошедшие в мире, повлияли также на характер властных отношений, повысили значимость «мягкой силы». Мобильность может выступать в роли как показателя наличия или отсутствия «мягкой силы» государства, так и инструмента, активно применяемого ведущими державами для увеличения своего влияния.

---

1. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неoliberalный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2012. – Вып. 12. – С. 259–271.

2. Bauman Z. Soft Power and Hard Facts // Social Europe. URL: <http://www.socialeurope.eu/2012/05/soft-power-and-hard-facts/> (дата обращения: 16.03.2015).

3. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

4. Nye J. Soft Power: The means to success in world politics. Public Affairs, 2005. 191 p.

5. Nye J. The paradox of American power. New York: Oxford University Press. 2002. 240 p.

6. Öberg, S. Spatial and economic factors in future South-North migration // The future population of the world: what can we assume today? London, 1996. – P. 336–357.

---

1. Rusakova O.F., Xmelinin A. A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i texnologii konstruirovaniya novoj sub"ektnosti // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. – 2012. – Vyp. 12. – S. 259–271.

2. Bauman Z. Soft Power and Hard Facts // Social Europe. URL: <http://www.socialeurope.eu/2012/05/soft-power-and-hard-facts/> (дата обращения: 16.03.2015).

3. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

4. Nye J. Soft Power: The means to success in world politics. Public Affairs, 2005. 191 p.

5. Nye J. The paradox of American power. New York:

---

UDC 327.8

## **THE FACTOR OF MOBILITY FROM THE SOFT POWER POINT OF VIEW**

**Kovba Daria Mikhailovna,**

Institute of Philosophy and Law,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Graduate student,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

### *Annotation*

The paper explores the relationship between categories of mobility and soft power. It is pointed out that different types of mobility can be indicators and sources of state's soft power.

### *Key words:*

soft power, mobility, resources of power, public diplomacy.

УДК 327.3

## ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ В ИСЛАМЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАМНЕЗ



**Исаков Александр Сергеевич,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
аспирант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: as.isacov@gmail.com

### *Аннотация*

Доклад посвящен формированию анамнеза дискурса мобильности в исламе. Автор делает попытку обобщить связанные с мобильностью дискурсивные комплексы и выявить пути их исторической детерминации. История вопроса рассматривается в триедином ключе, как совокупное влияние идеи изменений в трех кейсах: младотурецкой революции 1908–09 годов; июльской революции 1952 года в Египте и исламской революции в Иране 1979 года. Рассматривается антагонизм понимания и реализации концепта мобильности в условиях западной и восточной политий. В заключении обозначаются особые дефиниции, связанные с дискурсом мобильности современности. Также в рамках предложенного подхода рассматривается наиболее вызывающий проект современности – группировка «Исламское государство».

### *Ключевые слова:*

политический ислам, мазхаб, дискурс мобильности, дискурс изменений, исламские революции, Арабская весна, Исламское государство.

Последние годы отметились в общественных науках особым интересом к политическим изменениям и продуцируемым ими последствиям. На этой основе происходит формирование новых дискурсивных комплексов, способных воспроизводить эвристическую декомпозицию исследуемых смыслов. Одним из таких комплексов, в отношении которого академическим сообществом проявляется особое внимание, является дискурс мобильности.

Дискурс мобильности является отражением ускоряющегося темпа современной жизни, детерминируемого глобализацией. В целом, данное измерение дискурса затрагивает социально-политические процессы, связанные

с изменениями, адаптацией, динамикой, передвижением. «Пристальное внимание к дискурсу мобильности связано с пониманием большой значимости разнообразного рода подвижностей людских, вещественных и информационных потоков в процессе формирования новых конфигураций социального пространства и времени. Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику» [11, с. 245].

Большинство этих процессов, выраженных в ипостаси современных и постмодерновых

действий, являются атрибутами западной политики и западной же цивилизации. Их проекция на восточную политику, в качестве добровольной рецепции или навязанного транзита, вызывает разрушение автохтонных особенностей восточного социума. Поэтому аутентичная специфика восточного социума оказывает системное смыслообразующее влияние на любые процессы мобильности или адаптации, привнесенные современным образом жизни как продуктом западного мира.

Наиболее значимым исследовательским фрагментом восточной политики является исламская политика. На сегодняшний день именно исламские страны стали признанным хедлайнером политических смыслов, бросающих глобалистский вызов миру победившей глобализации. С другой стороны, именно мусульманскими странами продуцируется репертуар актуальных угроз современности, например – группировка «Исламское государство». В связи с этим, вполне закономерным является обращение к дискурсу мобильности в рамках политического ислама, изучения его анамнеза: траектории исторических предпосылок и современного состояния.

Исторически, ислам как религия имеет большой потенциал мобильности. Обращаясь к рассмотрению политической роли, он был призван расширить пространство аравийского полуострова, априори имевшего номадскую специфику. Далее, в моменты своего распространения в юго-восточную Азию, ислам становится религией мореплавателей, исследователей и путешественников. Новая для Индии авраамическая религия игнорирует кастовые запреты, позволяет развивать в крупных портах торговлю, устанавливая межгосударственную коммуникацию на большие пространства, способствует социальной мобильности в целом. Такая историческая картина способствовала закреплению за исламской религией цивилизаторского статуса.

Конец мессианских начинаний мусульманского мира был положен европейскими странами. Образовавшееся в результате схизмы единое консолидирующее пространство

католической веры породило экстремальный феномен разрешения своих социальных и экономических проблем – крестоносные войны. Конкретные политические последствия крестовых походов для стран исламского востока заключались в возникновении раздробленности и потери религиозного единства.

Подобный кризис способствовал переходу исламского мира в состояние добровольной автаркии, структурной дефиницией которой стало снижение мобильности и адаптивности в угоду консервации религиозного традиционализма. С другой стороны, была сформирована историческая задача – поиск ассоциированной с религией идеи, способной вернуть мусульманские страны в авангард мирового развития. Именно исторические катастрофы стали катализатором потребности в изменениях [13, с. 237–238].

Первые попытки выработать такие идеи были предприняты в XIII–XIV веках. Так как в исламском обществе «стойкие изменения в жизни общины обычно сопровождаются переосмыслением религиозной доктрины и религиозного поведения верующих» [6, с. 21], попытки мобилизации уммы были сопряжены с деятельностью различного рода сект и неклассических религиозных течений.

Наиболее крупного успеха удалось добиться реформам Ибн Ханбали и Ибн Таймийи. Предлагаемые ими преобразования ставили своей целью возвращение мусульманскому миру величия; одновременно имели реакционный характер, так как были инициированы увеличением влияния персов в исламском мире и тюркским завоеванием. Другой реформатор, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, высказал идею о необходимости абсолютизации исламской аутентичности и недопустимости рецепции западного опыта.

Однако формирование наибольшей институциональной потребности в изменениях, в мобильности смыслов и ценностей политического ислама относится к периоду колонизации. В результате экспансии европейских держав большинство мусульман в мире были разделены между сферами влияния; «это

обстоятельство повлияло на возникновение в национал-освободительной идеологии конца XIX века двух взаимоисключающих тенденций – панисламизма и национализма молодой буржуазии» [3, с. 11]. Данные тенденции позволили сформировать определенный модернистский концептуальный репертуар, призванный произвести «мобилизацию» исламского мира.

Соответственно, несмотря на внутреннюю ценностную ориентацию, любые попытки инициировать и интенсифицировать дискурс мобильности зиждились в западной политике. Поскольку большинство мусульманских стран было колонизировано, то единственным предохранителем от завоевания стала идея собственного цивилизаторства, т. е. самостоятельная рецепция западного образа жизни. «Главным эталоном для модернизации развивающихся стран стал опыт Запада» [5, с. 513]. Обосновывается это идеей, что «причиной изменившегося баланса между Востоком и Западом является не упадок Востока, а резкий подъем Запада: Великие географические открытия, научное движение, технологическая, индустриальная и политическая революция, преобразовавшие Запад и в огромной мере повлиявшие на создание его благосостояния и укрепление его власти» [7, с. 178].

Первая подобная концепция была реализована на институциональном уровне в начале XX века в Турции. Запущенный Мустафой Кемалем дискурс мобильности в молодой турецкой республике включал в себя обширный смысловой перечень, включавший в себя как минимум три измерения:

Во-первых, полное изменение дискурса пространства. Турецкому населению было предложено уйти в рамках сознания от бывших географических границ Высокой Порты как границ халифата и перейти к новым границам, имеющим нарратив традиционного проживания турецкого этноса.

Во-вторых, изменение дискурса идентичности. До младотурецкой революции 1908–09 годов, идентификация жителей Османской империи всецело осуществлялась в космополитических рамках и выстраивалась на осно-

ве принадлежности к большой нации и идее халифата. Соответственно, после революции превалирует национализм как способ создания новой идентичности, носителями которой становятся буржуазия и молодые офицеры.

В-третьих, сдвиг дискурса изменений. Несмотря на частичную рецепцию западных технологий, Высокая Порта не осуществляла копирование западного образа жизни и не рассматривала западную политику как эталон общественного развития. В новообразованной Турецкой республике была произведена смысловая деконструкция – абсолютизирована идея самостоятельного воспроизводства цивилизаторской миссии, для чего было необходимо полное копирование западного образа жизни.

Также был кардинальным образом пересмотрен статус и роль духовенства в обществе. Если ранее они являлись привилегированным социальным слоем, регулирующим дискурс мобильности, цензурирующим общественно-политическое развитие, то в современной Турции они были низведены в статус государственных служащих и стали элементом проведения государственной политики.

Именно в рамках данных направлений был положен курс государственного развития Турции первой половины XX века, приведший к конвергенции государства и имманентному включению в состав западной политики. Турецким правительством осуществлялась активная артикуляция идеей свободы как неотъемлемой составляющей жизни. Следствием этого также стала делимитация практической политики и общественной деятельности: «для турецкой общественно-политической мысли характерно стремление рассматривать гражданское общество и государство в отрыве друг от друга» [5, с. 224].

Вторая концепция идейной «мобилизации» в исламском мире стала следствием начала Холодной войны. В противовес Соединенным Штатам, имевших стойкие дискурсивные связи со странами исламского мира – реципиентами демократии, Советский Союз был вынужден предлагать собственные инвариации дискурса мобильности. Основной

целью подобной новеллы было формирование иного вектора политических изменений, также имевшего целью возвращение величия исламскому миру, но стойко ассоциированному со странами соцлагеря.

Практическая реализация данной концепции была осуществлена в Египте после июльской революции 1952 года. Ее кульминация связана с деятельностью президента Гамалы Абдель Насера, вынужденно ориентировавшего развитие страны на СССР после национализации Суэцкого канала в 1956 году.

Аксиологическая база предполагала строительство мусульманского общества на основе принципов социализма, а именно, – ограничении личностных прав, акцентируя роль социума как гаранта сохранения истинно-религиозной гегемонии и саморегулирования, обеспечивающего сохранение единства уммы. Соответственно этому изменяются дискурсивные практики общественно-политического развития.

Во-первых, происходит идеологическая инверсия. Большинство колониальных стран получают презумпцию регрессивного сотрудничества, предполагающую асимметрию международных контактов с ними, что влечет за собой экономические проблемы. При этом, политические контакты с социалистическими странами преподносятся как транспарантные и соответствующие целям социально-политического развития.

Во-вторых, происходит частичная рецепция советского дискурса. Египет и дружественные страны заимствуют социалистическую риторику, основной дискурс марксизма, безотносительно цели его реальной последовательной реализации, адаптируют свою символическую политику. При попытке транзита научного социализма происходит решительный отказ; принцип заменяется концептом «Арабский социализм», включающим в себя все элементы оригинала за исключением атеизма.

В-третьих, изменение дискурса идентичности. Как страна с недавним колониальным прошлым, Египет к середине XX века находился в состоянии частичной аномии иден-

тичности, предполагавшей разные векторы ее реализации, основанные на абсолютизации нескольких этнических образований, как мисри или бедуины, арабском ирредентизме и исламском космополитизме. Аксиологическим компромиссом стал условный курс на панарабизм за счет превращения Египта в региональный аналог СССР. При этом «панарабизм... суживал сферу действия исламской исключительности и «исторической миссии ислама» рамками арабского региона. Но, являясь разновидностью «укрупненного» национализма, враждебно был встречен панисламистами» [3, с. 11].

Более современная интерпретация египетского опыта, в контексте марксизма, озвучена политологом Самиром Амином. Им дается приземленная интерпретация социализма в проекции на мусульманский мир с позиции экономики, добавляя туда и вызов современности – глобализацию. Его социально-политические взгляды выстраиваются вокруг критики мировой капиталистической системы в целом, ее либеральных ценностей и пагубного образа жизни. Амин настаивает на том, что капитализм точно не сможет обеспечить эффективное развитие исламского мира, особенно в контексте глобализации. «Создание настоящей альтернативы современной системе глобализованного либерального капитализма нуждается в других требованиях, в частности, признания огромного множества потребностей и устремлений народных классов мира» [1].

Поскольку обе вариации дискурса мобильности как адаптационного механизма к современности не стали модернизационными универсумами, появляется третья вариация, основанная на аутентичном опыте ислама как религии. Ее появление прослеживается в идеях великого аятоллы Рухоллы Хомейни, являвшегося идейным лидером исламской революции в Иране 1979. Утилитарным поводом для революции послужил ряд неудач в управлении государством и неэффективная экономическая политика.

После революции в Иране были полностью упразднены принципы светского государства. Авангардом новой общественной системы

стало исламское духовенство. Соответственно этому подверглась изменению часть дискурсивных комплексов.

Во-первых, самое значимое изменение претерпел дискурс повседневности. Прошедшие после революции изменения декларативно основывались на антагонизме идеи мобилизации, провозглашая, что основной ценностью является сохранение самобытности и традиций. Революция осуществила юридическое оформление мусульманского образа жизни и законов шариата как неотъемлемых частей любых политических изменений.

Во-вторых, кардинальному переосмыслению подвергся дискурс идентичности. Дореволюционный режим шаха Мухаммеда Резы Пехлеви ориентировался на создание национального персидского государства по турецкому образцу. Пришедшее к власти духовенство полностью свернуло эти начинания, провозгласив априорный характер исламского космополитизма. Стоит заметить, что подобное действие актуализировало внутриисламский конфликт по линии дихотомии сунниты-шииты, так как общеисламская идентичность предполагалась только на основе варианта веры последних.

В-третьих, значимому переосмыслению также подвергся дискурс изменений. Если ранее основой для любых политических изменений служили процедуры октроирования воли правителя, сопряженные с некоторыми элементами демократических стремлений, например, времен Мохаммеда Мосаддыка, то сейчас акцент сместился в сторону духовенства. Именно высшие муджтахиды получили роль главного цензора и инициатора политических изменений за счет способности придавать любой общественно политической новации религиозную легитимность.

Подобный подход претендует на политическую нейтральность и универсальную пригодность для любой части исламского мира. Это достигается за счет того, что любые возникающие в результате политических изменений политические институты рассматриваются безотносительно шиитских традиций.

Современные идеи «исламской революции» обычно имеют ярко выраженный реакционный характер, теряя преемственность Ирана. Логика развития большинства политий, возникающих вследствие событий «Арабской весны», в сущности, является результатом исламской революции, и путь их развития детерминирован религиозным консерватизмом.

Именно эта реальность ставит новые вопросы относительно роли дискурса мобильности и потенциала «мобилизации» исламской политики с позиции политических изменений. Наиболее значимым проектом современности, в этом ключе, является группировка «Исламское государство». Признанная террористической в РФ, организация заявляет о собственной легитимности на реставрацию халифата и реинтеграцию нынешних мусульманских стран в рамки нового исламского мира.

Влияние данного дискурса на социально-политические процессы современности очевидно. С одной стороны, это явная военная угроза, однако находящаяся в рамках ближневосточного баланса сил. С другой стороны, это катализатор мобильности различных слоев населения во всем мире, находящихся в социальной автаркии, и симпатизирующих данному проекту. В виду этого, можно рассматривать данный кейс как попытку новой интерпретации мобильности в рамках исламского мира, однако, имеющей ярко выраженный гротескный характер.

Угроза транзита данных идей, на сегодняшний день, возможна в следующие страны: Ливия, Египет (Синайское отделение), Йемен, Сирия, Ирак, Афганистан; в зоне риска – Тунис, Саудовская Аравия, российский северный Кавказ, европейские мусульмане и неофиты. Данный масштаб позволяет говорить о возможности данного вызова структурно переосмыслить роль исламского востока в мировом политическом процессе. При этом делинквентный характер возможных последствий продиктован не внутренними устремлениями исламских политий, но имеют внешнюю детерминацию за счет поддержки революций, экономической эксплуатации и т. п.

Подводя итог, можно сделать вывод о следующей структуре политологического анамнеза дискурса мобильности в исламе. Концепт мобильности в рамках исламской политики сопряжен с политическими изменениями и особой процедурой их легитимации. Исторически мобильность имеет три институциональных кейса, реализованных на основе младотурецкой революции 1908–09 годов в Османской империи, июльской революции 1952 года в Египте и исламской революции в Иране 1978–79 годов. Данный исторический опыт не привел к формированию универсалий адаптации мусульманских стран к условиям мира победившей глобализации. Из-за этого возникает значимый ореол радикальных и экстремальных концепций, требующих полного реформирования контуров мироустройства. Наиболее вызывающим проектом, на сегодняшний день, является «Исламское государство».

1. Амин С. «Империя» и «Множество» [Электронный ресурс] // СKEПСИС. – URL: [http://scepsis.ru/library/id\\_593.html](http://scepsis.ru/library/id_593.html).
2. Долгов Б. В. Динамика «арабской весны»: переходной этап. – URL: <http://www.ivran.ru/publications/228> (дата обращения: 23.03.2015).
3. Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка – М.: Международные отношения, 2003.
4. Исаков А. С. Агональный дискурс в исламе: шииты против суннитов // Дискурс-Пи: № 1 (18), 2015.
5. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В. Я. Белокреницкий. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
6. Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. – М, 2005.
7. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.
8. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М, 2006. – С. 55.
9. Мамедова Н. Иранская модель модернизации // Мировое и Национальное Хозяйство. – 2008. – № 1 (4).
10. Мирский Г. И. «Арабская весна» – туманы и тревоги // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 2.
11. Русакова О. Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 13 (184).
12. Фитунни Л. Л., Абрамова И. О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 12.
13. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh

University Press, 2009.

14. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011. – P. 21.

15. Robinson L. An Assessment of the Counter-ISIL Campaign – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.

1. Amin S. «Imperiya» i «Mnozhestvo» [Elektronnyj resurs] // SKEPSIS. – URL: [http://scepsis.ru/library/id\\_593.html](http://scepsis.ru/library/id_593.html).

2. Dolgov B. V. Dinamika «arabskoj vesny»: perexodnoj e'tap. – URL: <http://www.ivran.ru/publications/228> (data obrashheniya: 23.03.2015).

3. Zhdanov N. V. Islamskaya koncepciya miroporjadka – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003.

4. Isakov A. S. Agonal'nyj diskurs v isleme: shiity protiv sunnitov // Diskurs-Pi: № 1 (18), 2015.

5. Islamskij faktor v istorii i sovremennosti / Pod red. V. Ya. Belokrenickij. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011.

6. Levin Z. I. Reforma v isleme. Byt' ili ne byt'? Opyt sistemnogo i sociokul'turnogo issledovaniya. – M, 2005.

7. L'yuis B. Chto ne tak? Put' Zapada i Blizhnego Vostoka: progress i tradicionalizm. – M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2003.

8. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij proekt. – M, 2006. – S. 55.

9. Mamedova N. Iranskaya model' modernizacii // Mirovoe i Nacional'noe Hozyajstvo. – 2008. – № 1 (4).

10. Mirskij G. I. «Arabskaya vesna» – tumany i trevogi // Rossiya v global'noj politike. – 2013. – № 2.

11. Rusakova O. F. Diskurs mobil'nosti v sovremennyx kommunikacijax // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 13 (184).

12. Fituni L. L., Abramova I. O. Agressivnye negosudarstvennye uchastniki geostrategicheskogo sopernichestva v «islamskoj Afrike» // Aziya i Afrika segodnya. – 2014. – № 12.

13. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.

14. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011. – P. 21.

15. Robinson L. An Assessment of the Counter-ISIL Campaign – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.

UDC 327.3

## **DISCOURSE OF MOBILITY IN ISLAM: POLITICAL SCIENCE ANAMNESIS**

**Isakov Aleksandr Sergeevich,**

Institute of Philosophy and Law,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Graduate student,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: as.isacov@gmail.com

### *Annotation*

The article analyses the anamnesis of discourse of mobility in Islam. The author attempts to generalize mobility-related discursive systems and identify ways of historical determination. History of this phenomenon consist of three parts: the Young Turk revolution of 1908–09 period; the July 1952 revolution in Egypt and the Islamic revolution in Iran in 1979. Author describe the antagonism of understanding and implementing of the concept of mobility in terms of Western and Eastern polities. Finally, designated some special characteristic of modernity discourse of mobility. In addition, author is considering the most challenging project of modernity – grouping «Islamic state».

### *Key words:*

political Islam, madhab, discourse of mobility, discourse of changes, Islamic revolutions, Arab spring, Islamic state.

УДК 327.83

## ВИДЫ И РЕСУРСЫ СПОРТИВНОЙ МОБИЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ SOFT POWER В РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН



**Корнеева Вера Александровна,**

Уральский государственный педагогический университет,  
Институт психологии,  
кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления,  
заведующая отделением конфликтологии и управления

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
аспирант кафедры теории и истории политической науки,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

### Аннотация

Статья посвящена связи феноменов социальной мобильности и спорта. Тезис о том, что спорт является каналом социальной мобильности представляется нам схоластическим и низкофрагментированным. Свойством мобильности обладает большое число спортивных ресурсов: спортивные бренды, спортивная информация, спортивная инфраструктура, сообщества спортивных болельщиков. Тандем спорта и мобильности – явление политической жизни, локализованной на уровне региона, государства и транснационального взаимодействия. Спортивная мобильность становится ключевым инструментом в палитре «мягкой силы» внутренней и внешней политики стран.

### Ключевые слова:

спорт, социальная мобильность, спортивная мобильность, ресурсы спортивной мобильности, каналы спортивной мобильности, виды спортивной мобильности, «мягкая сила».

Мобильность мы рассматриваем в качестве неотъемлемого элемента процесса глобализации и важнейшей характеристики общества постфордистского типа. Однако и современный спорт как, прежде всего, очевидное социально-политическое явление, также атрибутивно связано с категорией мобильности. Интеграция спорта в условиях рыночной экономики и информационного общества делает возможным реализацию *социальной мобильности посредством спортивных достижений*.

Спорт сегодня является неотъемлемой частью социальной, культурной и политической жизни общества. Понимание социально-

психологических эффектов и функций спорта во внутренней и внешней политике позволяет говорить о нем как о самостоятельном механизме «мягкой силы» (soft power) в национальной стратегии стран.

Методологическая «связка» мобильности и спорта в научной и научно-популярной литературе встречается в недифференцированном и достаточно очевидном положении, согласно которому спорт является одним из каналов социальной мобильности и институтом социализации. Социология спорта как самостоятельная научная дисциплина в круг своих задач ставит изучение форм изменчивости спорта, а также

влияние власти на спорт. Однако, фундаментальных исследований, посвященных вопросам политизации спорта, особенностям включения его в «ансамбль» инструментов внутренней и внешней политики, и тем более природе его мобильности, «трансформации», крайне мало. Возможно, инспектирование *философских оснований спорта* и включенных в них *культурологических аспектов развития* спорта способно в полной мере позволить нам выделить внутренние закономерности и ресурсы спортивной мобильности. Кроме того, те ресурсы мобильности, ее виды и репрезентативные формы, которые заложены в индустрии спорта, рассматриваются нами как самостоятельные инструменты властвования в практике soft power.

Итак, ключевой категорией нашего исследования выступает спортивная мобильность. Далее будем исходить из конструкта, в котором, во-первых, заложен ряд видов спортивной мобильности; во-вторых, каждый вид, в свою очередь, реализуется по собственным каналам. В качестве видов и каналов феномена социальной мобильности в спорте обнаруживаем следующие: личная и клубная мобильность, мобильность болельщического движения, массмедийная мобильность спортивной информации, динамика и география спортивной инфраструктуры, потребление спортивных брендов, культурно-национальная экспансия отдельных видов спортивных состязаний и практик.

*Личная мобильность* спортсмена и тренера (в том числе судьи, спортивного менеджера). Спорт – это одна из немногих сфер, где человек может занять определенное социальное положение и добиться некоторой финансовой обеспеченности. Спорт становится возможностью «социального лифта» для спортивной молодежи. В данном контексте вертикальная мобильность спортсмена – показатель его востребованности.

Точка зрения о том, что спорт является эффективным средством повышения социальной мобильности, особенно для представителей бедной части населения, а также этнических и расовых меньшинств, достаточно распространена в современном обществе [5; 11].

«Трансфер» легионеров, принятие спортсменами гражданства других стран – пример экспорта спортивного капитала. «Поставка» спортсменов – вариант и ресурс «мягкой силы», заключающейся в символической репрезентации образов национальных героев, национального могущества. Политико-культурная эксплуатация образа личности успешного спортсмена – новая тенденция в политике идентичности на региональном уровне в России [1; 7].

Так Киселев К. В. в своей монографии указывает на необходимость решения вопроса идентификации граждан с людьми и символами настоящего времени [3, с. 250–253]. В качестве идентификаторов для Свердловской области автор предлагает использовать и фигуры из спортивной жизни региона. В качестве личности-символа Киселев К. В. рассматривает С. Чепикова: «Как идентифицирующий символ он более интересен, ибо значим для всей области. Великий биатлонист не связан с какой-то одной сферой деятельности <...> он перерос спорт» [3, с. 251]. В заключении исследователь сожалеет о «географическом» уходе Кости Цзю и А. Попова. Перспективными с точки зрения «инкубатора» людей-символов автор считает баскетбольный клуб «УГМК» и волейбольный клуб «Уралочка».

От себя отметим, что именно наличная мобильность спортсменов не позволяет им быть достаточно устойчивыми и эффективными как *региональными, так и национальными опознавателями*. Здесь мы вправе констатировать негативное влияние высокой мобильности спортсменов на политический процесс конструирования локальной, региональной идентичности. И, наоборот, обнаруживаем обратный, явно выраженный внешний положительный эффект для принимающей стороны: регион – «реципиент» спортсменов оценивается как более привлекательный, а экономический климат – потенциально благополучным. Экс-регион кроме того получает себе конкурента на национальных состязаниях. Спортсмен, таким образом, представляет собой транснациональный продукт и, прежде всего, ресурс *экономической мобильности*. Во внутренних «потоках» спортсменов заложен

вопрос регионального авторитета и престижа, а само пространство трансферов – рынок труда профессионального спортсмена и вопросов его ценообразования. Мобильность спортсменов – проекция динамичности и мобильности «баланса силы» субъектов и национальных федераций.

*Мобильность болельщиков.* Активность болельщиков – реальная визуализация геополитической мобильности населения. Механизм управления – модерация идентификаций социальных групп. Данную категорию мобильности мы рассматриваем как значимый индикатор локального и регионального патриотизма, в том числе этнорегионального. Очевидным бонусом фанатского движения выступает развитие внутреннего спортивного туризма. Узнаваемая фанатская группа – имиджевый продукт политики клубов, за которым стоят вопросы эффективного менеджмента (финансового и информационного).

*Инфраструктурная мобильность.* «Архитектура также стремится к мобильности и огромным пространствам в обществе потребления, и этот процесс даже не останавливает большая стоимость земли. Постепенно становится гигантской торговая площадь: из супермаркетов выросли гипермаркеты, а потом и мегамоллы. Даже провинциальный российский город может иметь многотысячный стадион, фитнес-центр, кинотеатр на большое количество мест, торгово-развлекательный центр, что предполагает мобильность субъекта – покорителя пространства» [8, с. 15]. Спортивная инфраструктура не только мобильна в своем появлении, развитии и инновации (например, конструирование стадионов-трансформеров), но и выступает имиджевым, брендовым продуктом на региональном/национальном уровне. Сочи – территориальный пример спортивного кластера нового уровня и поколения, запустившего не только инфраструктурную мобильность, но и туристическую, профессионально-спортивную [9; 10].

*Клубная мобильность* как демонстрация исключительности региона (республики). Речь ведем о внутриполитических аспектах спортивной геополитики России. Межрегиональная

конкуренция, борьба за реализацию спортивных проектов и развитие спорта на местах – проектная активность федерального центра. Успех местных команд и спортсменов – символическая манифестация силы республиканской власти. «Сцепленность» спорта с регионом и их совместное рейтинговое движение – яркий пример политизации и спорта и заложенного в нём и его ресурсах потенциала мобильности. Рейтинговое движение клубов – проекция социально-экономической мобильности региона, а успех местных клубов – вариант «мягкого» властвования. Можно привести метафорическое сравнение с показательными выступлениями: внутриспортивные спортивные состязания демонстрируют уровень развития региона в сравнении с другими субъектами. Механизм действия soft power в данном случае заключается в реальных спортивных достижениях, инвестициях в спорт-индустрию, где конечным продуктом выступает приобретенный статус регионального лидера.

*Мобильность отдельных видов спорта.* Пространственное распространение разновидностей спортивных состязаний можно рассматривать как в контексте дискурса «мягкой власти», так и в рамках концепта мобильности. Экспансия популярных видов спорта и отдельных видов физических упражнений новой территориальной аудиторией представляет собой не что иное как инструмент «мягкой силы». Здесь мы имеем дело с доминированием, популяризацией чьей-то культуры над традиционными формами другой. Примерами могут служить такие популярные и массовые виды спорта, как хоккей, футбол, теннис, баскетбол. Каждый вид спорта выступает идентификатором чьей-то национальной культуры и могущества (футбол – Англия, Португалия; хоккей – Канада, Россия и др.) и «вхождение» его в новую «публику» – факт интенсификации «мягкого» влияния стран-экспортеров спорт-культуры и спорт-шоу.

Очевидно, что спорт в этом ключе отражает, прежде всего, свои ресурсы социокультурной мобильности. Также ярким демонстратором этнорегиональной мобильности физической культуры может служить факт всё большей по-

пулярности йоги в России и на Западе. Практика йоги также обязана своему распространению феномену мобильности и его каналам: перемещению европейского жителя и развитие средств массовой коммуникации. Однако последующее культивирование йоги скорее можно объяснить некоторым возникшим вокруг неё ореолом «модности», «западности» и «современности». Главными категориями, возникающими вокруг «новых» практик, можно считать: «гламур», «тренд», «инновация». Актуально говорить об одном из главных инструментов в концепте «soft power» – действии стратегии соблазна: «Соблазн относится к строю знака, производства дискурса и желаний. В мире образов, имиджей и виртуальных объектов соблазн становится силой, воздействие которой не уступает, а то и превосходит по своему влиянию все другие способы властвования <...> это стратегия оболыщения посредством приманки, предлагающей в качестве предмета потребления иллюзию, которая захаровывает, в иллюзорную реальность которой погружаются с радостным удовольствием [12, с. 180]. В этом состоянии культуры происходит виртуализация действительности и замещение ее негативных очевидностей красивыми «гламурными» виртуальными образами, транслируемыми в СМИ [15, с. 94].

Более очевидным и формализованным индикатором мобильности различных видов спорта может служить список дисциплин, включенных в Олимпийские игры. Систематическое включение и исключение ряда видов спорта из программы Олимпиады «наносит удар» по чьим-то национальным интересам, либо наоборот – повышает статус и авторитет тех стран, где «новый» вид спорта является традиционным и популярным [11]. Программа Летних и Зимних Олимпийских игр – арена «борьбы» для каждого государства за форму «мягкого» могущества посредством баланса «наших» и «чужих» спортивных дисциплин.

Раскрывая тематику видов и ресурсов спортивной мобильности, обозначим следующий ключевой тезис: *мобильность спортивной информации возможна посредством МАСС–*

*МЕДИА* индустрии. Своего рода, речь идет о самостоятельном виде мобильности спортивных ресурсов – мобильности спортивной информации. Все технико-технологические возможности СМИ являются ничем иным как каналами мобильности спортивных ресурсов и тех его характеристик, которые заложены в нем как инструменте «мягкой силы» в реализации национальных и региональных интересов стран (социетальность, социоэмоциональность, фасилитативность, политизация, брендинг, коммерциализация и другие).

Интересы многомиллионных любителей спорта и информации о спорте удовлетворяют СМИ, которые благодаря этим интересам собирают еще более массовые, чем стадионы, аудитории – зрителей, слушателей, читателей, т. е. удовлетворяют свои собственные, медийные, интересы. Беспрецедентная зрелищность спорта поддерживается и одновременно обеспечивает медиа коммуникацию, масс-культурную коммуникацию. Напомним, что массовая информация является одним из важнейших ресурсов «мягкого» влияния.

В своей работе Мартыненко С.Е. также указывает на роль СМИ в процессе дискурса «движения» спорта: «...спорт и политика диалектически взаимосвязаны. Начало активному использованию политтехнологий в спорте было положено в период «холодной войны» во время телетрансляций международных соревнований. На страницах спортивной периодики, сайтов и блогов можно найти подтверждение, насколько продуктивно спорт оказывает влияние на политику. <...> СМИ активно способствуют тому, что спорт и политика, в основном «большая», были и остаются тесно связанными» [6, с. 179].

Существование следующих спортивных каналов обеспечивает медийность спортивной мобильности: Россия-2, НТВ+, Спорт 1, Боец. Среди зарубежных спортивных медиа-магнатов отметим: SKY Sports, ESPN, NESN, EYS [19]. Отметим, что в России появится новый бесплатный спортивный телеканал. «Газпром-медиа» откроет его на оставшиеся от Олимпиады деньги. Об этом на заседании Совета по развитию физкультуры и спорта заявил президент КХЛ

и председатель правления «Газпром-медиа» Чернышенко Д. Предполагаем, что в рамках существующей околосударственной природе «Газпрома» появляется дополнительный институт реализации политических интересов в отечественном спорте.

Еще одним каналом мобильности спорта и спортивной информации выступают *сетевые инфраструктуры*. В сети происходит обольщение интерактивностью, персональной вовлеченностью в производство информационного продукта, собственной значимостью в Интернет-пространстве. Параллельно с этим мы имеем обольщение пользователя новыми возможностями самовыражения через сетевые сообщества. В рамках тематики видов и каналов спортивной мобильности мы отметим два ее сетевых ресурса: во-первых, существование Интернет-сообществ и специализированных блогов, чатов, форумов; во-вторых, развитие индустрии Интернет-игр.

В сети многие пользователи приобретают идентичность «спортсменов – профессионалов», посредством компьютерных игр. Виртуальные игры и спортивные образы в них – вариант «пассивной» мобильности. «Игрок» обретает новый статус, успешность, новую форму самопрезентации, референтную группу – атрибуты процесса «псевдосоциализации» в «спорте». Применяемые когнитивные образы и ментальное воздействие в данном случае – практика с позиций концепции «мягкой» силы.

Самыми популярными спортивными игровыми платформами на сегодняшний день являются футбольный стимулятор «FIFA» с его большим числом модификаций, а также «Короли льда», «F1 manager», «WEBHL» и др. Подобные Интернет-ресурсы позволяют объединяться нескольким игрокам, даже находящимся в этот момент в различных точках мира, и создавать некое общее пространство для взаимодействия. Своего рода, «Интернет-туризм», заменяющий реальность и являющийся коммуникативным ресурсом для получения удовольствия, развлечения, переживания.

Вот каким обращением модераторы формируют и набирают (а точнее – соблазняют)

свою аудиторию: «Попробуйте современный флеш спорт, и вы, несомненно, останетесь довольны результатами. Здесь не важен ваш уровень физической подготовки. Рекорды не заставят себя долго ждать. На нашем интернет-ресурсе вы сможете занять призовое место в самых различных видах спорта <...> В виртуальной реальности вас ждут горные лыжи, бильярд, пинг-понг, футбол, хоккей и многое другое <...> Вы словно переноситесь на горнолыжную трассу или футбольный матч <...> Вы можете почувствовать себя Бэксхемом, Уэйном Гретцки или Майклом Джорданом <...> Кто в детстве не мечтал стать спортсменом. Сегодня у каждого есть прекрасная возможность проявить себя. Вы сможете достичь невероятных высот, пусть и в виртуальном мире <...> Онлайн игры – спорт для настоящих мужчин и не только» [18].

Интересной представляется работа, посвященная теме гражданской идентичности Семеновой Ю.А. Так, автор отмечает, что идентичность человека, живущего в условиях транснационального мира, достаточно многомерна, многосоставна и непостоянна: «...идентификационное пространство в условиях глобализации становится шире, чем пределы отдельного государства – территориально ограниченного единства. Процессы трансформации идентичности характеризуются сегодня пересмотром основ национальной и государственной идентичности, появлением новых объектов идентификации (например, мировое сообщество, множество локальных групп и субкультур) и новых форм идентичности (например, *виртуальная идентичность*), неприязненных к определенному месту, возникновением гибридных идентичностей посредством пересечения старых и новых классификаций, через конфликт традиционных ценностей и ценностей современности» [16, с. 88].

*Атрибутивная мобильность спортивных брендов*, символов. Одним из самых важных аспектов для спорта в современную эпоху является присутствие крупнейших глобальных брендов спортивной одежды и снаряжения. Самыми популярными спортивными брендами на сегодняшний день в мире признают:

Fila, K-Swiss, Under Armour, Asics, Umbro, New Balance, Converse, Puma, Reebok, Nike, Adidas [19]. В своих работах основоположник теории «мягкой» силы Русакова О. Ф. отмечает: «В современной экономической жизни гарантом коммерческого успеха выступает маркетинговая подвижность, которая реализуется в практиках рыночного продвижения товаров, услуг и брендов (промоушн), в расширении рыночного пространства, в рекламной экспансии и в поглощении конкурентов» [13, с. 21]. Власть бренда – не что иное как навязанная идентичность и прямое следствие коммерциализации спорта. Причем речь идет о транснациональном масштабе брендинга, шаблонизации и унификации их субъектов. Спортивная мода чрезвычайно мобильна, но скорее относится к массовой культуре, чем к элитарной, а, главное, транслирует материальные ценности. Лэйбл на одежде и вещественной атрибутике человека не идентифицирует его ни на гражданском, ни профессиональном, ни гендерном, ни национальном, ни этническом уровнях.

Анализ видов и каналов спортивной мобильности современного мира показал, что последняя возможна, в первую очередь, посредством *институализации своих ресурсов*. К институтам современного спорта и физической культуры можно отнести: профессиональные и любительские спортивные организации (НБА, НХЛ, КХЛ и т. д.), органы управления (МОК, ФИФА, спортивные Федерации и комитеты стран и т. д.), сетевые сообщества, спортивные масс-медиа, индустрию развлечения, букмекерские конторы, маркетинговые проекты. Примечательно, что часть институциональной позволяет реализовать «пассивную» мобильность спортивных ресурсов, при которой отсутствует пространственно-временное перемещение субъекта.

Спорт, «мягкая» сила и социальная мобильность – три категории научного знания, которые в своей взаимосвязи выступают мощным ресурсом для интерпретации социально-политической реальности, находящейся в условиях глобализации, медиатизации информационного пространства и рыночной системы

экономики. Можно заключить, что закономерности и реалии отечественной и международной спортивной жизни (миграция спортсменов, спортивный брендинг, капитализация регионального спорта) лежат в контексте политического *дискурса, посредством чего реализуется мобильность личности, лобби, региона, стран.*

1. Бедерсон Д.В. «Героический пантеон» и противоречия региональной идентичности Башкортостана [Текст] // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – Т. 13. Вып. 2. – С. 87–97.

2. Киселев К.В. Региональная идентичность в социологическом измерении: челябинский случай [Текст] / К.В. Киселев, А.Ю. Щербаков // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. – Т. 13. Вып.4. – С. 107–118.

3. Киселев, К.В. Актеры и тренды региональной политики: политическая ситуация в Свердловской области в электоральном цикле 2003–2007 гг. [Текст]. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 376 с.

4. Корнеева В.А. Спорт как национальный ресурс soft power [Текст] // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под. Ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 124–131.

5. Косинов, С.С. Спорт как канал социальной мобильности российской молодежи: анализ возможностей и ограничений [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 5. – URL: [http://www.online-science.ru/m/products/social\\_science/gid216/pg0/](http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid216/pg0/) (дата обращения: 29.05.2015).

6. Мартыненко С.Е. Диалектическая взаимосвязь спорта и политики и ее проявление в средствах массовой коммуникации [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. История и политические науки. – 2014. – № 5. – С. 179–186. – URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/8031> (дата обращения: 12.07.2015).

7. Назукина М.В. Новые тенденции и политические идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды [Текст] // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. Вып. 3. – С. 137–150.

8. Новак, М.В. Движение как метафора в коньюмеристском дискурсе современной культуры [Электронный ресурс] / М.В. Новак, Е.А. Кожемякин // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2013. – № 13. – С. 92–97. URL: <http://madipi.ru/images/discourse-pi/13/discourse13.pdf> (дата обращения: 18.06.2015).

9. Нуреев Р.М. Издержки и выгоды Олимпийских игр [Текст] / Р.М. Нуреев, Е.В. Маркин // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1. – С. 88–104.

10. Нуреев Р.М. Модели управления и финансирования Олимпийских игр [Текст] / Р.М. Нуреев, Е.В. Маркин // Общественные науки и современность. – 2014. – № 6. – С. 23–38.

11. Подковерная борьба [Электронный ресурс] / П. Зарудный // Российская газета. – 2013. – URL: <http://www.rg.ru/2013/02/13/borba.html> (дата обращения: 02.06.2015).

12. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии [Электронный ресурс] – Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург, 2010. – С. 174 – URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2010/13.pdf> (дата обращения: 20.01.2014).

13. Русакова, О.Ф. Метафорика и концептосфера дискурса мобильности [Электронный ресурс] // Научный журнал «Дискурс-Пи» – 2013.– № 13. –С. 19–25. URL: <http://madipi.ru/images/discourse-pi/13/discourse13.pdf> (дата обращения: 19.05.2015).

14. Самые дорогие спортивные бренды [Электронный ресурс] / Ф. Латыпов // Spartakworld.ru. – 2012. – URL: <http://www.spartakworld.ru/football/10339-camye-dorogie-sportivnye-brendy.html> (дата обращения: 20.07.2015).

15. Саранчин Ю.К. Синергетический подход к социокультурной реальности постсоветского общества [Электронный ресурс] // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2013. – № 13. – С. 92–97. URL: <http://madipi.ru/images/discourse-pi/13/discourse13.pdf> (дата обращения: 22.07.2015).

16. Семенова Ю.А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. – Оренбург, 2010. – С. 88. – URL: [http://vestnik.osu.ru/2010\\_7/14.pdf](http://vestnik.osu.ru/2010_7/14.pdf) (дата обращения: 10.09.2014).

17. Сорокин П.А. Социальная мобильность [Текст] / пер. с англ. М.В. Соколовой. – М.: Academia, 2005.

18. Спортивные игры [Электронный ресурс] // Игры.ру. URL: <http://igry.ru/tag-126-sportivnye-igry.html> (дата обращения: 12.07.2015).

19. Топ-10 лучших спортивных брендов мира [Электронный ресурс] // Enakievets.info. – 2013. – URL: [http://enakievets.info/publ/ehto\\_interesno/fakty/top\\_10\\_luchshikh\\_sportivnykh\\_brendov\\_mira/9-1-0-1767](http://enakievets.info/publ/ehto_interesno/fakty/top_10_luchshikh_sportivnykh_brendov_mira/9-1-0-1767) (дата обращения: 10.07.2015).

20. Урри Дж. Мобильности [Текст] / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Практис», 2012. – 576 с.

1. Bederson D. V. «Geroicheskiy panteon» i protivorechiya regional'noj identichnosti Bashkortostana [Текст] // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – 2013. – Т. 13. Вып. 2. – С. 87–97.

2. Kiselev K. V. Regional'naya identichnost' v sociologicheskom izmerenii: chelyabinskij sluchaj [Текст] / K. V. Kiselev, A. Yu. Shherbakov // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2013. – Т. 13. Вып.4. – С. 107–118.

3. Kiselev, K. V. Aktory i trendy regional'noj politiki: politicheskaya situaciya v Sverdlovskoj oblasti v e'lektoral'nom cikle 2003–2007 gg. [Текст]. – Екатеринбург: UrO RAN, 2007. – 376 с.

4. Korneeva V. A. Sport kak nacional'nyj resurs soft power [Текст] // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod. Red. O. F. Rusakovej. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. – С. 124–131.

5. Kosinov, S. S. Sport kak kanal social'noj mobil'nosti rossijskoj molodezhi: analiz vozmozhnostej i ogranichenij [E'lektronnyj resurs] // Gumanitarnye, social'no-e'konomicheskie i obshhestvennye nauki. – 2012. – № 5. – URL: [http://www.online-science.ru/m/products/social\\_science/gid216/](http://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid216/)

pg0/ (data obrashheniya: 29.05.2015).

6. Martynenko S. E. Dialekticheskaya vzaimosvyaz' sporta i politiki i ee proyavlenie v sredstvax massovoj kommunikacii [E'lektronnyj resurs] // Vestnik MGOU. Istoriya i politicheskie nauki. – 2014. – № 5. – С. 179–186. – URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/8031> (data obrashheniya: 12.07.2015).

7. Nazukina M. V. Novye tendencii i politicheskie identichnosti na regional'nom urovne v Rossii: aktory, specifika, trendy [Текст] // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – 2014. – Т. 14. Вып. 3. – С. 137–150.

8. Novak, M. V. Dvizhenie kak metafora v kons'yumeristskom diskurse sovremennoj kul'tury [E'lektronnyj resurs] / M. V. Novak, E. A. Kozhemyakin // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». – 2013. – № 13. – С. 92–97. URL: <http://madipi.ru/images/discourse-pi/13/discourse13.pdf> (data obrashheniya: 18.06.2015).

9. Nureev R. M. Izderzhki i vygody Olimpijskix igr [Текст] / R. M. Nureev, E. V. Markin // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2010. – № 1. – С. 88–104.

10. Nureev R. M. Modeli upravleniya i finansirovaniya Olimpijskix igr [Текст] / R. M. Nureev, E. V. Markin // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2014. – № 6. – С. 23–38.

11. Podkovernaya bor'ba [E'lektronnyj resurs] / P. Zarudnyj // Rossijskaya gazeta. – 2013. – URL: <http://www.rg.ru/2013/02/13/borba.html> (data obrashheniya: 02.06.2015).

12. Rusakova O. F. Koncept «myagkoj» sily (soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii [E'lektronnyj resurs] – Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. – Ekaterinburg, 2010. – С. 174 – URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2010/13.pdf> (data obrashheniya: 20.01.2014).

13. Rusakova, O. F. Metaforika i conceptosfera diskursa mobil'nosti [E'lektronnyj resurs] // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi» – 2013.– № 13. –С. 19–25. URL: <http://madipi.ru/images/discourse-pi/13/discourse13.pdf> (data obrashheniya: 19.05.2015).

14. Samey dorogie sportivnye brendy [E'lektronnyj resurs] / F. Latypov // Spartakworld.ru. – 2012. – URL: <http://www.spartakworld.ru/football/10339-camye-dorogie-sportivnye-brendy.html> (data obrashheniya: 20.07.2015).

15. Saranchin Yu. K. Sinergeticheskij podhod k sociokul'turnoj real'nosti postsovetского obshhestva [E'lektronnyj resurs] // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». – 2013. – № 13. – С. 92–97. URL: <http://madipi.ru/images/discourse-pi/13/discourse13.pdf> (data obrashheniya: 22.07.2015).

16. Semenova Yu. A. Krizis grazhdanskoj identichnosti v usloviyax transformacii sovremenного obshhestva [E'lektronnyj resurs] // Vestnik OGU. – Оренбург, 2010. – С. 88. – URL: [http://vestnik.osu.ru/2010\\_7/14.pdf](http://vestnik.osu.ru/2010_7/14.pdf) (data obrashheniya: 10.09.2014).

17. Sorokin P. A. Social'naya mobil'nost' [Текст] / пер. с англ. М. В. Соколовой. – М.: Academia, 2005.

18. Sportivnye igry [E'lektronnyj resurs] // Igry.ru. URL: <http://igry.ru/tag-126-sportivnye-igry.html> (data obrashheniya: 12.07.2015).

19. Top-10 luchshix sportivnyx brendov mira [E'lektronnyj resurs] // Enakievets.info. – 2013. – URL: [http://enakievets.info/publ/ehto\\_interesno/fakty/top\\_10\\_luchshikh\\_sportivnykh\\_brendov\\_mira/9-1-0-1767](http://enakievets.info/publ/ehto_interesno/fakty/top_10_luchshikh_sportivnykh_brendov_mira/9-1-0-1767) (data obrashheniya: 10.07.2015).

20. Urri Dzh. Mobil'nosti [Текст] / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Практис», 2012. – 576 с.

UDC 327.83

## **TYPES AND RESOURCES OF SPORTS MOBILITY AS A TOOL FOR «SOFT POWER» IN THE REALIZATION OF THE INTERESTS OF NATIONAL AND REGIONAL POLICIES OF COUNTRIES**

**Korneeva Vera Aleksandrovna,**

Ural State Pedagogical University,  
Institute of psychology,  
The chair of social psychology, conflictology and management,  
Head of the chair of conflictology and management  
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
The post-graduate of chair of theory and history of political science,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

### *Annotation*

The article is devoted to the connection of phenomena of social mobility and sport. The obvious thesis that sport is a channel of social mobility appears to us to scholastic and low fragmented. A large number of sports resources has the property of mobility: sports brands and sports information, sports infrastructure, community sports fans. Tandem sport and mobility is a phenomenon of political life, localized at the level of the region, the state and transnational cooperation. Sport mobility has become a key instrument in the palette of «soft power» of domestic and foreign policy.

### *Key words:*

sport, social mobility, sports mobility, resources of sports mobility, channels of sports mobility, types of sports mobility, «soft power».

УДК 316

## МОБИЛЬНОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ, ИЗМЕНЧИВОСТЬ

**Коняев Алексей Анатольевич,**

Уральский финансово-юридический институт,  
старший преподаватель кафедры философии,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: alexeykonjyaev96@rambler.ru

### *Аннотация*

В статье анализируется взаимосвязь важных аспектов мобильности – стабильности и изменчивости. Социальная мобильность является противоречивым процессом, в ней есть позитивные и негативные стороны. Научное изучение мобильности требует объективных и адекватных теоретических средств.

### *Ключевые слова:*

мобильность, социальная мобильность, методология исследования, стабильность, изменчивость.

Формирующаяся в конце XX столетия философия мобильности [1; 2; 3; 4; 9] – ответ на потребность совершенствования исследовательского инструментария для изучения такого комплексного феномена как социальная, экономическая, культурная и политическая мобильность. Концептуальные основы исследования данного явления социальной жизни четко задал П. А. Сорокин, который указал на необходимость понимания ее как социального процесса, сформулировал целый ряд ключевых понятий. «Для количественной оценки процессов социальной мобильности обычно используют показатели скорости и интенсивности мобильности» [8]. П. Сорокин определял скорость мобильности как вертикальную социальную дистанцию или число страт – экономических, профессиональных, политических, которые проходит индивид в его движении вверх или вниз за определенный промежуток времени. Под интенсивностью мобильности понимается число индивидов, меняющих свои позиции в вертикальном или горизонтальном направлении за определенный промежуток времени. Число таких индивидов в какой-либо социальной общности дает абсолютную интенсивность мобильности, а их доля в общей численности

данной социальной общности показывает относительную мобильность [8].

«Соединив показатели скорости и интенсивности мобильности, – указывал он, – мы получим совокупный индекс мобильности, который может быть рассчитан для экономической, профессиональной или политической области деятельности. Он также позволяет определять и сравнивать процессы мобильности, происходящие в разных обществах. Таким образом, процессы социальной мобильности могут принимать различные формы и даже носить противоречивый характер. Но вместе с тем для сложного общества свободное перемещение индивидов в социальном пространстве – единственный путь развития, в противном случае его могут ожидать социальное напряжение и конфликты во всех сферах общественной жизни» [8].

В целом социальная мобильность является важным инструментом анализа динамики общественной жизни. Она поставила целый ряд методологических проблем. В последние годы появилось множество работ, посвященных «новой социологии мобильности», исследованиям целого спектра новых «мобильностей» (P. Adey, T. Cresswell [1; 2; 3], M. Sheller, J. Urry [4])

и даже «мобильной структуре чувств» (Thrift 1996) [9; 10]. С 2006 года реализована давно назревавшая потребность концентрации исследовательских усилий и начинается издание научного журнала междисциплинарных исследований – «Mobilities» [3].

Прежде всего, давно и в целом хорошо известные процессы социальных перемен и изменений приобрели в конце XX – начале XXI вв. беспрецедентную динамику и разнообразие форм: все пришло в движение – глобальная миграция и всемирный туризм, катастрофические изменения социальной структуры и вековых устоев образа жизни, стремительная социокультурная динамика, межпоколенческие и внутривековые сдвиги, не имевшие аналогов в прошлом. Дж. Урри, отмечает, например, масштабы этих перемещений [9]. Сегодня интенсивно передвигаются не только люди, но также идеи, информация, отходы, опасности и многое другое. Помимо перемещений легальных есть и еще более мощные – нелегальные: контрабанда, нелегальная эмиграция, катастрофические выбросы отходов и вредных веществ [1; 9].

Осознание перемен выливалось в появление ряда концепций, в которых исследователи пытались осмыслить феномен. В научный оборот вводится множество различных концептов, носящих заметно катастрофический характер – «Столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), «Великий Разрыв» (Ф. Фукуяма), «Смерть Запада» (П. Бьюкенен), «Расколотый Запад» (Ю. Хабермас), «Конец знакомого мира. Социология XXI века» (И. Валлерстайн), «Общество риска» (У. Бек) [9], «Текущая современность» (З. Бауман), и др. Предпринимаются попытки выстроить и развернуть во всем его многообразии дискурс тотальной мобильности, охватившей весь мир [2; 10].

В то же время, давно и хорошо известное явление стабильности или устойчивости в конце XX в. было осознано не только как консерватизм и застой, но и как необходимость «устойчивого» роста и развития [7], что только подчеркивало значение такой стороны развития, как диалектическое снятие. Действительно, полный или тотальный релятивизм, в который

готово обрушить общество бесконтрольное изменение, несет в себе крайне разрушительные и негативные тенденции (в любой сфере: от экономики и политики до воспитания и образа жизни) [5].

В начале третьего тысячелетия мир осознает значение диалектического соотношения изменчивости и стабильности взамен простодушного мобилизма или не менее примитивного поклонения стабильности и устойчивости. В настоящее время необходим ответ на вопрос: какой характер на деле приобретет глобальная мобильность и сумеет ли человечество придать ей то самое диалектически противоречивое, но конструктивное соотношение изменчивости и стабильности, поскольку в негативных и крайне опасных проявлениях двух этих противоположностей человечество вполне могло убедиться [2; 3]. Однако ответ на вопрос подразумевает не только способность теоретического предвидения, но и практической возможности эффективного достижения искомого результата.

---

1. Cresswell T. On The Move. Mobility in the modern Western World. Rutledge, N.Y., 2006.

2. Cresswell T. Towards and Politics of Mobility // Environment and Planning D: Society and Space 2010, v.28, p. 17–31 // [http://www.academia.edu/538488/Towards\\_a\\_Politics\\_of\\_Mobility](http://www.academia.edu/538488/Towards_a_Politics_of_Mobility).

3. Mobilities: Volume 1, Issue 1, 2006: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450100500489189#>.

4. Sheller Mimi, Urry John. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A 2006, volume 38, p. 207–226.

5. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., АСТ, 2004 / От издателя. С. 5.

6. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

7. Доклад о человеческом развитии. 2014: Обеспечение устойчивого прогресса человечества: Уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. Резюме: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>.

8. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>.

9. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

10. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012.

---

1. Cresswell T. On The Move. Mobility in the modern Western World. Rutledge, N.Y., 2006.

2. Cresswell T. Towards and Politics of Mobility // Environment and Planning D: Society and Space 2010, v.28, p. 17–31 // [http://www.academia.edu/538488/Towards\\_a\\_Politics\\_of\\_Mobility](http://www.academia.edu/538488/Towards_a_Politics_of_Mobility).
3. Mobilities: Volume 1, Issue 1, 2006: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450100500489189#>.
4. Sheller Mimi, Urry John. The new mobilities paradigm // Environment and Planning A 2006, volume 38, p. 207–226.
5. B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada. M., AST, 2004 / Ot izdatel'ya. S. 5.
6. Vallerstajin I. Konec znakomogo mira. Sociologiya XXI veka. M.: Logos, 2003.
7. Doklad o chelovecheskom razvitii. 2014: Obespechenie ustojchivogo progressa chelovechestva: Umen'shenie uyazvimosti i formirovanie zhiznestojkosti. Rezyume: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-summary-ru.pdf>.
8. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P. Chelovek, civilizaciya, obshhestvo / Pod red. A.Yu. Sogomonova. M.: Politizdat, 1992. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>.
9. Urri Dzh. Mobil'nosti. M.: Praksis, 2012.
10. Urri Dzh. Sociologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M.: ID Vysshej shkoly e'konomiki, 2012.

---

UDC 316

## MOBILITY, STABILITY, VARIABILITY

**Konyaev Aleksey Anatoljevich,**

Ural Institute of Finance and Law,  
Department of Philosophy,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: alexeykonjyaev96@rambler.ru

### *Annotation*

The article analyzes the relationship of the important aspects of mobility-stability and variability. Social mobility is a contradictory process, it has positive and negative sides. The scientific study of mobility requires objective and adequate theoretical tools.

### *Key words:*

mobility, social mobility, research methodology, stability, variability.

УДК 316.7

## МОБИЛЬНОСТЬ КАК АТРИБУТ МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ



**Грибовод Екатерина Григорьевна,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
аспирант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: gribovod\_kate@mail.ru

### *Аннотация*

В статье рассматривается мобильность как важный компонент процесса медиатизации политики на примере социальных медиа, феномена «умная толпа» и Индекса сетевой готовности.

### *Ключевые слова:*

медиатизация политики, мобильность, социальные медиа, умная толпа, Индекс сетевой готовности.

В современных академических исследованиях оценка роли и места средств массовых коммуникаций в политическом процессе становится одной из базовых и обязательных задач. Комплексный подход к этой проблеме позволяет выявить процесс медиатизации политики, который характеризует взаимодействие пространства медиа и политики. Рассмотрение политики в тесной связи с информационными и коммуникационными технологиями позволяет концептуально обсуждать феномен медиатизации политики.

Концепт «медиатизация политики» охватывает широкий категорийный и смысловой контекст, определяющий суть процесса взаимодействия и трансформации политического пространства в символическое поле масс-медиа сегмента. Мобильность состоит не только из передвижений людей и объектов, но и из всевозможных идей, связей, неподвижных объектов инфраструктуры и всего, что их обеспечивает и снабжает [5, с. 24]. Мобильность как атрибут помогает с разных сторон объяснить процесс медиатизации политики. С одной стороны это философский конструкт, позволяющий отметить динамичность, целостность

и самонаправленность процесса медиатизации, а, с другой стороны, это категория, которая оцифровывает данный процесс. Мы можем не только оценить качество информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), но и замерить количественные показатели, широту охвата оптоволоконных сетей, доступность Интернета и др.

В качестве инструмента реальной оценки развития медиатизации активно принимается и используется индикаторный (индексный) подход: Индекс сетевой готовности и Индекс развития информационно-коммуникационных технологий. Данные индексы, применяются в международной практике для оценки страны по готовности к информационному обществу в области национального, экономического, социального и культурного развития.

Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index) измеряет уровень развития ИКТ по 54 параметрам, объединенным в четыре основных группы: наличие условий для развития ИКТ, готовность граждан, деловых кругов и государственных органов к использованию ИКТ, уровень использования ИКТ в общественном, коммерче-

ском и государственном секторах, а так же субиндексы (Impact subindex) [6; p. 30–31]. «Глобальный отчет по развитию информационных технологий», составленный Всемирным экономическим форумом и международной школой бизнеса INSEAD в 2014 году, направлен на проблему цифрового неравенства, решение которой позволит прийти к сбалансированному росту. Индекс используется в качестве средства анализа для построения сравнительных рейтингов, отражающих уровень развития информационного общества в различных странах.

Информационное общество расширяет границы воздействия людей на мировые процессы, вовлекая ранее незаинтересованные слои в политическое пространство, поднимая значимость локальных событий. Социальные медиа становятся закономерным шагом трансформации медиасистемы, так как наглядно демонстрируют смещение вектора развития от традиционных форм политической коммуникации к сетевым и информационно-коммуникативным технологиям. В медиатизированной политике обязательным атрибутом мобильности для политического актора становится наличие сайта, раскрывающего его политическую и идейную направленность (сущность) блога, транслирующего его активное участие в реальной политической жизни, а также мнение и «голос» по актуальным социальным и политическим вопросам. Количество постов и «твитов» – мерило политической мобильности и «живучести» актора современного политического пространства. Грамотно сконструированный информационный образ необходимо поддерживать и беречь, поскольку ИКТ никого не прощает и не забывает.

Среди функции социальных медиа особенно отмечают: продвижение политической идеи в обществе; формирование общественно-политической организации; создание площадки для политических дискуссий; организация политических акций, как в сети, так и в реальной жизни [1, с. 305–306]. В каждой из этих функций мобильность становится базовой составляющей.

Поскольку изучение сетевых и мобильных форм деятельности попадает в объектив изучения академической науки, отслеживание развития социальных медиа становится актуальным. По итогам второго полугодия 2014 года была выявлена тенденция сокращения ежемесячной посещаемости

социальных сетей Одноклассники, Мой Мир и Live Journal, в отличие от соцсети «ВКонтакте», где в ноябре 2014 года ежемесячная аудитория составила 54,6 млн. человек. В декабре 2014 года к активным авторам (они открыто выражают свое мнение по разным общественным вопросам и «живым» проблемам, создают публичный контент, улавливают и выделяют социально и политически значимые тренды; благодаря ним социальные сети становятся маркерами общественного мнения) относили свыше 35 млн. человек, поскольку они создавали более 40 млн. сообщений в сутки. Лидерами по контенту среди социальных сетей стали Твиттер и «ВКонтакте».

В целом можно выделить следующие тенденции развития социальных сетей: во-первых, по результатам второго полугодия 2014 года Instagram по числу активных авторов вышла на вторую строчку, после ВКонтакте, а также впервые попала в исследования TNS по аудитории. Во-вторых, увеличивается доля старшей аудитории, при этом происходит сокращение доли пользователей младше 18 лет в социальных сетях в России. В-третьих, гендерная структура социальных сетей остается стабильной с преобладанием женской аудитории. При этом самой «женской» социальной сетью является Instagram, одновременно считается и самой позитивной, тогда как «мужской» Живой Журнал – самая негативная социальная сеть. В-четвертых, тенденция «на позитив» прослеживается во всех социальных сетях, несмотря на сложную социально-политическую ситуацию в стране. Доля позитива в среднем увеличилась на 10% по сравнению с прошлым годом [4].

Мобильность как атрибут медиатизации политики выявляет новые формы организации социума. Особое место занимает феномен smart mob – самоструктурирующаяся социальная коммуникация, направленная на организацию посредством эффективного использования высоких технологий [3].

Концепции «умной толпы» или «smart mob» посвящена работа Говарда Рейнгольда «Умная толпа: новая социальная революция». Многие идеи нашли свое воплощение в развитии современного IT продукта (Твиттер, Facebook, разные приложения для ПК и мобильных телефонов). При одновременном соединении двух технологий и массовому доступу к ней эффект объединенной технологии

намного выше, чем использование каждой в отдельности, можно назвать это своеобразным свойством синергии в ИКТ технологиях. Ярким примером использования технологии «умной толпы» стали события на Болотной площади в Москве в 2012 году [2].

В ходе анализа концепции «умной толпы» роевые и сетевые стратегии становятся формой организации и одновременно проявления протестных событий. Как отмечают американские исследователи Джон Аркилья и Дэвид Ронфелдт, роевая тактика – это способ организации единомышленников в небольшие сетевые группы для реализации конкретных социальных или политических целей. Сотовые телефоны, ПК, блоги, Интернет становятся спусковым механизмом для формирования данных общностей. Умение быстро возникать, ускользать, прятаться делает данные группы эффективными и социально активными структурами, поэтому во многом все сетевые войны опираются на них [3].

Таким образом, мобильность как атрибут медиатизация политики создает условия для создания новых социальных форм организации социума: социальные медиа, «умная толпа», а также принципов ее функционирования. Именно эти технологии становятся движущей силой формирования уклада современного информационного общества.

1. Павлютенкова М.Ю. Политические коммуникации в социальных медиа // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М.: РАПН, РОССПЭН, 2012. С. 295–306.

2. Политические технологии Майдана [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasianews.md/analytics/politicheskie-tehnologii-majdana.htm> (дата обращения: 26.07.2015).

3. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция: пер с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.

4. Социальные сети в России, зима 2014–2015. Цифры, тренды, прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <http://habrahabr.ru/company/palitrmlab/blog/248645/> (дата обращения: 26.07.2015).

5. Урри Дж. Мобильности [Текст] /пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.

6. The Global Information Technology Report 2014: Rewards and Risks of Big Data. 13th Anniversary Edition. World Economic Forum. Geneva, 2014. P. 30–31.

1. Pavlyutenkova M.Yu. Politicheskie kommunikacii v social'nyx media // Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika. M.: RAPN, ROSSPE'N, 2012. S. 295–306.

2. Politicheskie tehnologii Majdana [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://eurasianews.md/analytics/politicheskie-tehnologii-majdana.htm> (data obrashheniya: 26.07.2015).

3. Rejngol'd G. Umnaya tolpa: novaya social'naya revolyuciya: per s angl. A. Gar'kavogo. M.: FAIR PRESS, 2006. 416 s.

4. Social'nye seti v Rossii, zima 2014–2015. Cifry, trendy, prognozy [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://habrahabr.ru/company/palitrmlab/blog/248645/> (data obrashheniya: 26.07.2015).

5. Urri Dzh. Mobil'nosti [Tekst] /per. s angl. A.V. Lazareva, vstup. stat'ya N.A. Xarlamova. – M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya grupa «Praksis», 2012. 576 s.

6. The Global Information Technology Report 2014: Rewards and Risks of Big Data. 13th Anniversary Edition. World Economic Forum. Geneva, 2014. P. 30–31.

UDC 316.7

## MOBILITY AS AN ATTRIBUTE OF POLICY MEDIATIZATION

Gribovod Yekaterina Grigoryevna,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
graduate student,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: gribovod\_kate@mail.ru

### Annotation

The article reviewed mobility as an important part of the process of mediatization of the policy using the example of social media, phenomenon «smart mob» and the Network Readiness Index.

### Key words:

mediatization of the Policy, mobility, social media, smart mob, Networked Readiness Index.

УДК 316.6

## ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ И НАЦИОНАЛИЗМ



**Корелин Яков Евгеньевич,**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
департамент политологии и социологии,  
магистрант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: yakovkorelin@yandex.ru

### *Аннотация*

В статье рассматривается взаимодействие дискурса мобильности и национализма в современном мире. Рассматривается развитие национализма в условиях взаимопроникновения различных культурных сообществ.

### *Ключевые слова:*

дискурс мобильности, национализм, модернизм, постмодернизм, мигрант.

В современном динамично меняющемся мире в условиях неинституционализированности многих политических акторов, многообразии субъектов политического действия вопрос приведения в соответствие, соотнесения и выявления условий взаимодействия дискурса мобильности и национализма становится актуальной задачей как для классических политических акторов, таких как государство, так и для появляющихся на политическом поле новых политических единиц.

Существует множество подходов к определению национализма и подходов к его исследованию – такие как классический социокультурный модернизм Э. Геллнера, интеллектуальный конструктивизм, теория «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, дискурсивная теория К. Калхуна, конструктивистский этносимволизм Э. Смита [4]. Каждый из вышеперечисленных подходов имеет свои преимущества, но так или иначе в своих исследованиях наиболее полно и детально национализм рассмотрен в работах Э. Геллнера, где указана главная характеристика становления национализма, как соответствие политической единицы и на-

циональной. Во многом данное рассмотрение проблемы национализма через приведение к соответствию политических единиц является этатистским, следовательно, необходимо дать еще одно определение национализму с точки зрения конкретного актора политического процесса, где национализм – специфический способ познания и интерпретации социальной действительности, а так же способ осмысления социальной солидарности (идентичности) [1].

Дискурс мобильности предлагается рассматривать в контексте трёх измерений: «проникновения в общественную среду», «средством перемещения», «интерпретации и практики» [2]. В первом измерении имеется в виду разделяемое всеми представление о значении мобильности, ее восприятие обществом, во втором – собственно сам процесс перемещения в пространстве, в третьем – ее восприятие и деятельность в контексте мобильности.

Закономерным становится вопрос, как в современном мире национализм существует в условиях нарастающей мобильности во всех измерениях существования человека, обще-

ства, государства. Мобильность как экономический принцип перемещения в пространстве заставляет множество индивидов менять свои привычные места жительства и занимать пространство в сфере другого националистического дискурса. Э. Геллнер предлагал разделять национализм на три типа: западный, восточный и национализм диаспор [2]. В современных условиях количество последних значительно растет, и здесь возникает ситуация, при которой высокая культура принимающей страны не всегда способна справиться с новым, более агрессивным национализмом. Дискурс мобильности во всех его проявлениях сталкивается с проблемой его восприятия на уровне обществ, находящихся в различных условиях развития государств, приемлемой для них философии развития. Неоднородность принятия философских направлений, связанных с различными условиями развития государств и обществ и их взаимопроникновение, во многом сталкивает постмодернизм и модерн, соответственно, развитых западных демократических стран и остального мира, не желающего принять «нормы поведения» постмодерна с его неопределенностью. Центр из государства с его периферией в эпоху глобализации и открытости превращается в своеобразный экономический центр, способный обеспечить сохранение и «неравный доступ к языку и культуре более развитого в политическом и экономическом отношении центра и удерживание коренных жителей в рамках местных культур... возбуждает в их лидерах культурный и политический национализм».

Тем самым можно сказать, что именно национализм диаспор – не только вызов высокой культуре, но и вызов общественности и государствам в плане соответствия национальной единицы политической, территориальной и мировоззренческой.

Пытаясь обобщить в единую теорию развития национализма в обществе Э. Геллнер сделал предположение, что между государствами, по типу многонациональных империй, характеризующихся большим количеством внутренних микрополитических образований и государств, имеющих гомогенную националистическую

высокую культуру должно пройти пять этапов: «отправная точка», «националистический ирррендизм», «триумф и поражение националистического ирррендизма», радикальная и стадия устранения противоречий, «злонамеренных последствий национализма» из предыдущих стадий [2].

На какой стадии развития находится современное общество? Выше было упомянуто, что конструктивистский подход к исследованию национализма более подходит к институционализированным политическим системам. Для нового и многозначного мира современности необходимо учитывать многогранность национализма, который сегодня в социуме воспринимается различно, как утверждает в книге К. Калхуна «Национализм» [3]. Следовательно, наблюдается дихотомия взглядов на проблему национализма и дискурса мобильности, исходя из целей политических акторов и способов восприятия политического процесса, связанного с формированием новой политической действительности, связанной со следующей волной формирования национальных идентичностей.

Данная ситуация характерна для европейских государств, которые сталкиваются с проблемой гомогенности национальной среды в связи с проведением политики, по сути, поддержки миграции в свои страны. Проблема становления национальных государств, во многом, была связана с соответствием национальной единицы политической, в итоге были найдены нации, которые по мнению правящих элит не вписываются в единую культурную среду государства. Вопрос в Европе в 1930-х годах решался насильственным способом. Радикальный этап развития предполагал радикальные меры, следует за ним этап устранения противоречий. Устранены ли они под действием дискурса мобильности?

В новых условиях поиск людьми (коренными жителями) своей идентичности, солидарности в большинстве европейских сообществ осложнен индивидуализмом, созданием условий для самовыражения и отсутствия, либо не выраженности чувства неудовлетворенности – явлением, названным «атомизацией» общества [6]. С другой стороны – общество, где борьба за существование и поиск лучшей жизни

неотъемлемая часть сознанияномада из стран «второго», «третьего» миров. Проникновение одного мира в другой – вот ситуация с которой государства сталкиваются в настоящее время.

Формирование «предсказуемой политической общности» осложнено подвижностью населения, всеобщий номадизм не предполагает заинтересованность человека в политической жизни, кроме того само понятие – националист – становится символом «осевшего» на земле номада. Так во Франции «Национальный фронт» возглавляемый М. Ле Пэн поддерживают не только французы, собственно европейцы, но и африканцы, ранее обосновавшиеся в стране и ассимилировавшиеся [8]. Они выступают против новых мигрантов. Данный пример показывает, что поддерживать националистические идеи в современности могут и ранее не ассоциировавшиеся с жителями этих стран люди.

Со стороны государств существуют многочисленные программы по приобщению мигрантов к своей культурной общности, но возможность выбора, возможность альтернативы позволяет игнорировать усилия правительств, направленных на удержание культурных общностей. Управлению и контролю за обществом становится не столь важно достижение общественной солидарности для достижения задач, так как современное демократическое общество не ставит перед собой глобальных целей. Как и современные государства, национализм становится более широким всеобъемлющим понятием, он так же подвижен [3]. Важным и актуальнейшим вопросом встает проблема стимулирования социально-политической адаптивности индивидов в современных условиях неопределенности.

В итоге, рассмотрев взаимодействие понятий мобильности и национализма в современном мире, можно заключить, что национализм в понятии его как поиска общности, солидарности и идентичности остается значимым фактором общественного развития, особенно для государств, не вступивших еще в поле постмодернистской философии. Проникновение же в связи со многими возможностями мобильности национализма диаспор в целостные, как правило более развитые государства, не дает им перейти на следующий этап развития го-

могенной высокой культуры, где будут устранены недостатки становления национализма. Национализм в мире мобильности развивается неравномерно, и данная неравномерность способна привести к новой «радикальной» стадии развития национализма в мире.

1. Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм // М.: Праксис, 2008. С. 197.
2. Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм // М.: Праксис, 2008. С. 210.
3. Калхун К. Национализм. М.: 2009. С. 28.
4. Кирчанов М.В. Национализм: политика, международные отношения, регионализация / Воронеж, 2013. С. 21–30.
5. Ломагина А.В. Проблема националистического дискурса в современной социологической науке. С. 162.
6. Kvist Jon Friend or foe? EU mobility and national social policy [Electronic resource]. URL: <http://www.tcd.ie/immigration/css/downloads/kvist.pdf>.
7. Cresswell Tim. Towards a Politics of Mobility. AfricanCities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. P. 160.
8. Renman V. and Piedrafitas S. Euroscepticism in the Next European Parliament: A Reason to Worry? // ZBW – Leibniz Information Centre for Economics [Electronic resource]. URL: <http://www.epin.org/new/files/Piedrafitas%20Renman.pdf>.
9. Bauder Harald Nation, migrations and critical practice [Electronic resource]. URL: <http://www.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-4726.x.pdf>.

1. Gellner E'. Prishestvie nacionalizma // Nacii i nacionalizm // M.: Praksis, 2008. S. 197.
2. Gellner E'. Prishestvie nacionalizma // Nacii i nacionalizm // M.: Praksis, 2008. S. 210.
3. Kalxun K. Nacionalizm. M.: 2009. S. 28.
4. Kirchanov M.V. Nacionalizm: politika, mezhdunarodnye otnosheniya, regionalizaciya / Voronezh, 2013. S. 21–30.
5. Lomagina A.V. Problema nacionalisticheskogo diskursa v sovremennoj sociologicheskoy nauke. S. 162.
6. Kvist Jon Friend or foe? EU mobility and national social policy [Electronic resource]. URL: <http://www.tcd.ie/immigration/css/downloads/kvist.pdf>.
7. Cresswell Tim. Towards a Politics of Mobility. AfricanCities Reader II: Mobilities and Fixtures. ed. / Edgar Pietrese; Ntone Edjabe. Vol. 2 Vlaeberg, South Africa: African Centre for Cities & Chimurenga Magazine, 2011. P. 160.
8. Renman V. and Piedrafitas S. Euroscepticism in the Next European Parliament: A Reason to Worry? // ZBW – Leibniz Information Centre for Economics [Electronic resource]. URL: <http://www.epin.org/new/files/Piedrafitas%20Renman.pdf>.
9. Bauder Harald Nation, migrations and critical practice [Electronic resource]. URL: <http://www.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1475-4726.x.pdf>.

---

UDC 316.6

## THE DISCOURSE OF MOBILITY AND NATIONALISM

**Korelin Iakov Evgenievich,**

The Ural Federal University  
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
Institute of political sciences,  
magistrant,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: yakovkorelin@yandex.ru

*Annotation*

The article discusses the interaction of mobility discourse and nationalism in the modern world. Examines the development of nationalism in terms of interaction between different cultural communities.

*Key words:*

discourse of mobility, nationalism, modernism, postmodernism, migrant.

## ИНТЕРВЬЮ С А.Н. ЧУМАКОВЫМ,

Первым вице-президентом  
Российского философского  
общества

Подготовила и провела И.Б. Фан

– *Уважаемый Александр Николаевич, из Вашей биографии, размещенной на ряде сайтов, известно, что Вы родились в Астраханской области. Расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве среди степей и разливов Волги, о том, чем занимались Ваши родители, о Ваших юношеских творческих увлечениях.*

– Родился я 1 октября 1950 г. в с. Северное Каспийского р-на Астраханской обл. в семье рыбака. Отец Чумаков Николай Тимофеевич (1920–1985), уроженец Астраханской области, из многодетной крестьянской семьи, фронтовик: встретил войну в Белоруссии, закончил под Берлином, участник Курской битвы, сражения за Кёнигсберг, получил многочисленные ранения, контузии. В 1945 г. вернулся в с. Северное, в 1946 г. женился, работал в рыболовецком колхозе. Мать, Чумакова (Потапенко) Варвара Ефимовна (1924–2014), уроженка Ростовской области, из многодетной крестьянской семьи, переехавшей в конце 1920-х годов в Астраханскую область. Участник трудового фронта, также работала в рыболовецком колхозе.

В памяти от того времени осталось не много: глиняная хата, речка, камыши, ветряная мельница на берегу, вереницы телег с арбузами... В 1956 г. семья переехала в г. Хадыженск

Краснодарского края, где жили родители матери. Отец работал в лесхозе лесорубом, мать – на хлебокомбинате (до получения производственной травмы руки и оформления инвалидности). За несколько лет на шести сотках построили скромный каркасно-щитовой дом, где в окружении живописных пологих гор Северного Кавказа прошли детство и юность мои, моего младшего брата, старшей и младшей сестры. Вырастив детей, родители в 1980 г. вернулись в Астрахань – в родные края, о которых, как отложилось с детских лет, они всегда тепло вспоминали. Там же, в Астрахани, они теперь и похоронены.

Из детских увлечений выделил бы особый интерес к чтению приключенческой литературы и мечты о путешествиях, а также желание что-то смастерить, сделать своими руками...

По окончании восьмилетней школы в 1966 г. поступил в открывшийся в том же году Хадыженский нефтяной техникум. На втором курсе стал параллельно учиться в 11 классе Вечерней школы рабочей молодежи, которую успешно закончил в 1968 г., сдав экстерном экзамены за 9–10-й классы. В 1968 г. в связи с августовскими событиями в Чехословакии на волне юношеского максимализма написали с друзьями заявление о призыве в армию и с 1968 по 1970 г. проходил срочную службу в Чехословакии. Там многое увиделось в ином свете, что было сродни

прозрению и потом, уже после армии, как-то само собой зарифмовалось...

### ПРОЗРЕНИЕ

Кто-то любит степные просторы,  
Потому, что там с детства рос.  
А меня окружали горы,  
Лес густой, да плантации роз.

Там изучал буровую технику,  
Но по-другому хотелось жить,  
И потому, не окончив техникум,  
Добровольно пошел служить.

В год, когда «взбунтовались» чехи,  
Думал я: «Мое место там»,  
Но солдатские будни – вежи  
Все расставили по местам.

Сквозь решетку в окне казармы  
Я смотрел на заморский рай,  
И вопрос донимал все больше -  
Кто позвал тебя в этот край?

Вот так в Европе, где я с «долгами»  
Расплатился во цвете лет,  
На мою азиатскую сущность  
Европейский пролился свет.

Понял я, что достойны люди  
Лучшей доли, иной судьбы,  
Только, если все это будет –  
Будет, как результат борьбы.

Только надо искать дороги  
И бояться спокойной жизни,  
Пока есть еще люди – боги,  
Будешь ложной служить отчизне.

Как им нужен твой голос робкий,  
Чтоб спокойным, послушным жил.  
Ты не страшен им, если кроткий,  
Если руки свои сложил.

Но успокоиться – это страшно,  
Значит напрочь забыть о том,  
Для чего ты пустился странствовать  
И оставил свой отчий дом.

Это значит уже не видеть,  
Что не только добро вокруг,  
Что кого-то могли обидеть  
Или нагло «облаять» вдруг.

Успокоиться? Разве можно,  
Если совесть не задушил,  
Если понял, что в жизни сложно,  
Но оружие не сложил.

Если жил на одном дыханье,  
Если правду искал и знал,  
Что запас твоих скудных знаний  
В путь нелегкий тебя погнал.

Если роем кишат вопросы  
В воспаленном твоём мозгу,  
Ты, пройдя через все торосы,  
Дай ответ – через «не могу».

Ну, а если ты не ответил  
И решил жизнь прожить в тиши,  
Значит сам уже не заметил,  
Как развел тебя рак души.

Успокоенность – это трусость  
Перед трудностью, новизной.  
Только знай, что осушит тупость  
Мозг твой, словно пустыни зной.

Знай, в том мире, что нам достался,  
Ты боролся – и значит жил.  
Успокоился – значит сдался  
И себя самого – убил.

Вернувшись из армии, продолжил обучение в техникуме, по окончании которого в 1972 г. получил специальность «Мастер по бурению нефтяных и газовых скважин» и был направлен на работу в трест «Гидромонтаж», Минсредмаша, (п. Селятино, Московской обл.), о секретной миссии которого узнал только прибыв по назначению.

Годы спустя, мы с Натальей Нестеренко – женой моего друга-однокурсника, которая, как и я, после техникума стала гуманитарием (учительницей начальных классов), написали к 150-летию Хадыженска книгу «История одного техникума: Хадыженский нефтяной», где

рассказали о своем замечательном крае, нашем первом «университете», его преподавателях и выпускниках<sup>1</sup>.

**– Еще один интересный факт Вашей биографии – участие в подземных испытаниях ядерного оружия в 1972–1975 годы под Семипалатинском, на Новой Земле, когда Вы работали бурильщиком. Не сыграл ли этот факт особую роль в выборе Вами темы научных исследований?**

– Это было дело случая. На распределение выпускников техникума (1972) из Москвы приехал представитель из оборонного министерства «Среднего машиностроения». Помнится, многие хотели попасть в число тех нескольких человек, которых планировалось отобрать. Особенно подкупала скупая, но интригующая информация о том, что предстоит весьма ответственная работа на секретных объектах государственной важности на Крайнем Севере и в других отдаленных местах, причем по специальности и к тому же еще неизвестным нам методом – реактивно-турбинным бурением. Интерес подогревался и ходившими среди выпускников разговорами, что предстоят длительные командировки на некие секретные объекты, тогда как прописка и постоянное место жительства будут в ближайшем Подмосковье. Уже в подмосковном пос. Селятино узнали, что предстоит бурить скважины большого диаметра для подземных ядерных испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне. Первое, что бросилось в глаза по прибытии в Семипалатинск-21 – строго засекреченный, непривычно чистый, ухоженный и по советским меркам весьма благополучный городок, который располагался в 130 км от областного центра Семипалатинска и в сотне километров от непосредственного места испытания ядерного оружия. Сюда мы затем регулярно приезжали на отдых, поселяясь в относительно сносное общежитие, после 5 дней работы на буровых, где и жили в обветшалых и неудобных бараках в непосредственной близости от скважин, которые бурили. Но куда хуже жили казахи

в Сарапане – казахском поселке, расположенном в 6 км от наших бараков. Их жилища, практически не разделенные с сараями для скота, представляли картину весьма далекую от цивилизации, и слова «убогость», «антисанитария» были бы мягкими для описания их образа жизни и быта. Такое восприятие (скорее на подсознательном уровне) складывалось, быть может, еще и потому, что за плечами уже было «прикосновение» к европейской культуре, был пример, пусть и со стороны, но своими глазами увиденного иного, цивилизованного образа жизни.

Этот контраст между жизнью в СССР и в Чехословакии породил много вопросов, заставляя по-новому осмыслить рассказы и удивление отца о том, что даже в разрушенном Берлине немцы неизменно сохраняли стремление к порядку, бросая мусор в уцелевшие мусорные корзины, а на улице можно было оставить велосипед, не опасаясь, что его украдут... Были и другие «личные открытия», например, посещение «Атомного озера» – места наземного ядерного взрыва (в 1965 г.) и огромной воронки, наполненной изумрудно-голубой водой и обрамленной вокруг вывороченными громадами земли, которые уже издавна, напоминая пологие горы, как-то неестественно смотрелись на ровной скалтерти бесконечной казахской степи<sup>2</sup>.

По окончании годовой командировки вернулся в Селятино и, пока длился отпуск, поступил в Нефтяной институт им. И. М. Губкина на дневное отделение. Но поскольку после окончания техникума требовалось отработать три года по распределению, то для учебы выбрал Всесоюзный заочный политехнический институт (ВЗПИ) и был направлен в Заполярье – на ядерный полигон (на острове Новая Земля), где с 1973 по 1975 год бурил скважины и участвовал в подземных испытаниях ядерного оружия.

Новая Земля – особый период в жизни, который и теперь считаю для себя предельно важным, особенно ценным, плодотворным. Суровая первозданная природа, оторванность от цивилизации и аскетическая обстановка вполне располагали к творчеству, размышлениям. Вдохновляло все, особенно то, что было на кон-

<sup>1</sup> Чумаков А.Н., Нестеренко Н.Я. История одного техникума: Хадыженский нефтяной. – Москва, Изд-во «Проспект», 2014. – 272 с.

<sup>2</sup> Чумаков А.Н., Нестеренко Н.Я. История одного техникума: Хадыженский нефтяной. – Москва, Изд-во «Проспект», 2014. – С. 108–111.

трасте, выбивалось из привычного ритма жизни на «Большой земле». Это и завораживающие красоты тундры в условиях короткого полярного лета и не уходящего за горизонт Солнца, и вой шквального ветра в студеные полярные ночи, и работа по 12 часов через 24 часа в течение 3-х месяцев без перерыва, а затем – месяц отдыха на «Большой земле» и снова... В итоге, за два года досрочно перешел на 3-й курс института; тогда же впервые взялся за кисть, продолжил писать стихи, существенно расширил репертуар (на гитаре) ...

Сильный духом выживет..!  
Тыко Вылко прав.<sup>3</sup>  
Я нутром почувствовал  
Той природы нрав,  
Где ночами темными  
Только ветра вой  
Лезет в душу жалобно,  
Как к себе домой.  
Юг меня воспитывал,  
Шалость позволял.  
Север – бил обтесывал,  
Стужей закалял.

*Новая Земля, 1975 г.*

Суровые условия Крайнего Севера, где высоко ценятся сплоченность и взаимовыручка, а совместный досуг, сопряженный с различными ситуациями, на долгое время становившимися предметом обсуждений, пересказов, воспоминаний, накладывали особую печать на человеческие отношения. Получив такую закалку, люди обычно по-другому воспринимают трудности и перипетии обыденной жизни, с юмором, а то и с иронией относятся к поверхностным, непрофессиональным суждениям...

Забавно откликнулось мое длительное пребывание на Новой Земле (где не было телевизора), когда на экзаменационной сессии в институте студенты в перерыве между экзаменами собрались на вечеринку и стали рассказывать анекдоты, главным героем большинства из ко-

торых был Штирлиц (тогда фильм «Семнадцать мгновений весны» показывали на всех каналах, и практически все знали его в деталях). Я, два года не смотревший телевизор и ничего не слышавший об этом фильме, как и о романе Ю. Семенова, с искренним удивлением спросил: «Ребята, а кто такой Штирлиц?». Публика долго не могла остановиться от гомерического хохота.

Вглядываясь через десятилетия в прошлое, вдумываясь в строки написанного, как отчасти тогда, так и теперь понимаю, никогда не сетовал на жизнь или обстоятельства, но пытался докопаться до истины, стремился понять причины и суть происходящего. Вот так и пришел к окончательному решению – в 25 лет поступать на философский факультет МГУ, где, как мне тогда казалось, только и можно было по-настоящему разобраться с накопившимися вопросами. Важным (психологическим) барьером было то, что у меня не было соответствующей подготовки, и даже не было к тому времени ни одного знакомого с высшим гуманитарным образованием. Таким образом, путь оставался только один – через подготовительное отделение (рабфак). Помогли хорошая характеристика из треста и заработанная награда – «Ударник девятой пятилетки». Так начался новый (философский) этап моей жизни...

**– Расскажите о Вашей студенческой жизни в МГУ, о людях, которые стали для Вас Учителями с большой буквы.**

– В ноябре 1975 г., также не без счастливой случайности, поступил на очное подготовительное отделение философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, а в 1976 г. – на первый курс этого факультета. В 1981 г. с отличием окончил философский факультет МГУ (получал самую почетную именную стипендию на этом факультете – «имени К. Маркса») и в этом же году поступил в очную аспирантуру на кафедре исторического материализма. При выборе темы уже первой курсовой работы старшие товарищи (тогда еще ассистенты С. А. Шатохин и И. И. Шевчук) порекомендовали с учетом моего технического образования и опыта практической работы обратить внимание на только что начинавшиеся тогда дискуссии по эко-

<sup>3</sup> Тыко Вылка – ненецкий общественный деятель, художник, литератор, стоял у истоков ненецкой литературы, первый «президент» Новой Земли – председатель поселкового (1918–1934) и Новоземельского островного (1924–1956) советов депутатов трудящихся. В 1914 году выпустил «Записки о Новой Земле».

логии. Так с тех пор социальная философия и глобальная проблематика стали основными темами моих научных интересов. Среди своих учителей особо отметил бы моего научного руководителя академика И.Т. Фролова, проф. В.С. Готта, проф. И.В. Бестужева-Ладу, проф. Э.В. Гирусова, проф. В.И. Разина, проф. П.В. Алексеева и др.

С 1981 г., стал преподавать философию и логику во Всесоюзном заочном юридическом институте (ВЮЗИ). Сначала будучи аспирантом, потом, работая в Правлении Всесоюзного общества «Знание» и в Институте философии РАН, преподавал по совместительству – ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором кафедры философии ВЮЗИ. В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по методологии исследования глобальных проблем современности<sup>4</sup>. Докторскую диссертацию, посвященную социально-философским аспектам глобальных проблем, защитил в 1991 г.<sup>5</sup> Через год получил звание профессора. То были одни из первых защит по глобальной проблематике, когда еще многие считали, что это не философская тема. Надо отдать должное моему научному руководителю академику И.Т. Фролову, который многое сделал, в том числе и через журнал «Вопросы философии», чтобы противостоять таким настроениям<sup>6</sup>.

**– Известно, что важнейшей темой Ваших научных исследований стала философия глобальных проблем. Этой проблематике посвящено множество Ваших книг и статей, изданных в России и за рубежом. Эта проблематика до сих пор занимает Ваши мысли? Какие из глобальных проблем Вы считаете наиболее актуальными?**

4 Чумаков А.Н. Методологические аспекты исследования глобальных проблем современности (философско-социологический анализ) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1984.

5 Чумаков А.Н. Социально-философские аспекты глобальных проблем / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Москва, 1991.

6 Фролов И.Т. Сущность и значение глобальных проблем // Вопросы философии. 1974. № 8; Фролов И.Т. Философия глобальных проблем // Вопросы философии. 1980. № 1; Фролов И.Т., Загладин В.В. Глобальные проблемы современности. Социально-политические и идейно-теоретические аспекты // Коммунист. 1976. № 16.

– Я уже сказал, что глобальная проблематика стала определяющей в моих научных исследованиях уже со студенческих лет. Помимо опубликованных к настоящему времени более 500 научных работ, включая статьи и книги на иностранных языках, а также редактирования журнала «Век глобализации»<sup>7</sup> и серии книг по глобалистике, веду научно-организационную и преподавательскую деятельность. В частности, в Финансовом университете при Правительстве РФ, где я веду кафедру философии, возглавляю также Научную школу «Философия глобализации». В 2000 году основал и до сих пор совместно с А.В. Кацуриной и И.К. Лисеевым веду ежемесячный научно-теоретический семинар «Философские проблемы глобалистики» в Институте философии РАН (где по совместительству руковожу исследовательской группой в области глобальных исследований). Являюсь председателем секции «Глобалистика» в Российской экологической академии. В качестве профессора факультета глобальных процессов МГУ (по совместительству), читаю там курс – «Теоретическая глобалистика» и веду межфакультетский спецкурс «Россия в глобальном мире».

Что касается актуальности глобальных проблем, то наиболее важными, полагаю, остаются: реальная опасность развязывания ядерной войны; все увеличивающийся разрыв между избыточным богатством и бедностью; нарастающее антропогенное воздействие на окружающую среду; наконец, отсутствие какого бы то ни было управления целостной системой, каковой к началу XXI стало все человечество, что по существу порождает ситуацию «войны всех против всех» на глобальном уровне и делает перспективы общественного развития весьма опасными, зависимыми от случайностей и плохо прогнозируемыми.

**– Одним из значимых и достойно встреченных общественностью проектов, осуществленных по Вашей инициативе и под Вашим руководством, стала подготовка и издание энциклопедии «Глобалистика» (2003)**

7 Журнал «Век глобализации» (см.: [www.socionauki.ru/journal/vg/](http://www.socionauki.ru/journal/vg/); [www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/](http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/)).

*и международного словаря под таким же названием (2006). Не могли ли бы Вы поделиться самыми яркими впечатлениями о ходе работы над этим проектом?*

– Так сложилось, что после смерти в 1999 г. И. Т. Фролова, стоявшего у истоков отечественной глобалистики, пришлось взять на себя инициативу по консолидации творческих сил в области глобалистики в нашей стране. К тому времени я уже был избран членом Президиума Российской экологической академии (РЭА), где на одном из заседаний выступил с идеей издания Энциклопедии «Глобалистика». Поскольку необходимость «инвентаризации» накопившихся к тому времени в глобалистике идей была достаточно очевидной, то поддержку данное предложение получило практически сразу, в том числе и от Вице-президента РЭА, Президента «Роснефтегазстроя», д. т. н., проф. И. И. Мазура. В итоге, в 2003 г. под нашей с ним редакцией на русском и английском языках вышла первая в мире международная энциклопедия «Глобалистика», содержащая более 1300 оригинальных статей (в английском варианте – около 500 статей), написанных 445 ведущими специалистами из 28 стран мира<sup>8</sup>. В этом фундаментальном издании, признанном «Книгой года – 2003» по результатам ежегодного конкурса издателей России в номинации «Энциклопедист», нашли отражение важнейшие достижения отечественной и зарубежной теории и практики, накопленные за последние 30 лет активных исследований в области глобальных исследований. Следует заметить, что первое подобное издание (в 4-х томах) на Западе появилось лишь 9 лет спустя – в США в 2012 году<sup>9</sup>.

Затем, в 2006 г., под нашей с И. И. Мазуром редакцией был опубликован Международный междисциплинарный энциклопедический словарь «ГЛОБАЛИСТИКА», авторами статей

которого стали уже 647 наиболее известных ученых, философов, политиков, общественных деятелей из 58 стран мира<sup>10</sup>. В нем по существу впервые в мировой практике был отражен весь терминологический ряд, сложившийся в глобалистике к тому времени. После этого еще 8 лет шла кропотливая работа по корректировке содержания и переводу Словаря на английский язык, который был опубликован в 2014 г. одновременно в Амстердаме и Нью-Йорке<sup>11</sup>. Теперь на английский язык переводится еще и вышедший в 2012 г. Справочник «Глобалистика», где на основе экспертного отбора представлены наиболее значимые персоналии, организации, периодические издания и мировая литература по глобалистике<sup>12</sup>. Хотелось бы подчеркнуть, что в результате многолетней сетевой работы большого международного коллектива и публикации упомянутых изданий были не только подведены итоги накопленных результатов и достижений, но и открыты новые горизонты, перспективы и возможности для дальнейших исследований в этой области.

*– Можно ли сказать, что общая теория глобализации уже создана? Что происходит в этой проблематике в последнее время? Существуют ли какие-то революционные подходы и концепции?*

– Глобализация и её последствия являются центральной темой *глобалистики* – междисциплинарной области научных исследований, направленных на выявление сущности, тенденций и причин процессов глобализации, а также порождаемых ею глобальных проблем и поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов. В более широком

8 Глобалистика: энциклопедия / Гл. редакторы: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с. Тираж – на русск. яз. – 5000 экз., на англ. яз. – 1500 экз.

9 Encyclopedia of Global Studies / Editors: Helmut K. Anheier, Mark Juergensmeyer. – SAGE Publications, Inc. California, USA, 2012. – 2072 p.

10 Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М. – СПб. – Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. – 1160 с.

11 Global Studies Encyclopedic Dictionary. Edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B.V., Amsterdam/New York, NY 2014. XI, 531 p.

12 Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / Гл. ред.: И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: «Альфа-М». 2012. – 432 с.

смысле термин «глобалистика» употребляется для обозначения совокупности научных, философских, культурологических и прикладных исследований различных аспектов глобализации и глобальных проблем, включая полученные результаты таких исследований, а также практическую деятельность по их реализации в экономической, социальной и политической сферах, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе. С этой точки зрения позитивные результаты, как в осмыслении глобальной проблематики, так и в плане принятия конкретных решений, несомненно, имеются. Так, например, еще недавние призывы преодолеть глобальные проблемы современности, справиться с ними окончательно и бесповоротно, рассматриваются теперь не иначе, как трудностями роста, наивными заблуждениями, поскольку глобальные проблемы, будучи, как и планетарное человечество, порождением процессов глобализации, могут исчезнуть только вместе со сложившимся таким образом человечеством<sup>13</sup>. Следовательно, необходимо научиться жить с такими проблемами, снижая их остроту и актуальность, во всяком случае, не усложняя их и не порождая там, где это возможно, новые. И, все-таки, мы еще далеки от того, чтобы говорить о создании «общей теории глобализации», хотя первые попытки в данном направлении уже предприняты<sup>14</sup>. Трудности же на этом поприще обусловлены предельной сложностью объекта исследования, поскольку речь идет о человечестве как планетарной целостности, к тому же еще и имманентно взаимодействующего с био- и геосферами.

**– Несколько Ваших работ касаются геополитических процессов. Геополитика как направление научного исследования в настоящее время приобретает особое значение. Но так было не всегда. Каково Ваше отношение к актуальной проблематике, связанной с современной геополитикой?**

13 Global Studies Encyclopedia / Edited by I.I. Mazour, A.N. Chumakov, W.C. Gay; TsNPP «Dialog». – Moscow, Raduga Publishers, 2003. С. 184–196.

14 См. работы Р. Робертсона, У. Бека, М.Г. Делягина, Х.А. Барлыбаева, А.Н. Чумакова и др.

– Геополитика как теория и практика политической деятельности в условиях глобального мира сложилась на рубеже XIX–XX веков, когда глобализация, начавшаяся с эпохи Великих географических открытий, стала фундаментальной, т.е. в полной мере вовлекла в свой «водоворот» экономическую и политическую сферы общественной жизни. С тех пор геополитика стала определяющей в международных отношениях. Теперь же, когда фрагментарно устроенное, но тесно взаимосвязанное и, в то же время, лишенное управления мировое сообщество балансирует на грани войны и мира, все субъекты международных отношений, важнейшими из которых являются национальные государства, ведут ожесточенную борьбу за свои геополитические интересы. Все прекрасно понимают – вне мирового контекста сегодня практически любая деятельность обречена на застой, отставание и деградацию. Отсюда и все возрастающий интерес к геополитике, её теоретическому наследию.

**– Еще одна немаловажная сфера Вашей жизни – научно-организационная деятельность, Вы много лет посвятили руководству Российским философским обществом. Почему эта деятельность была и остается значимой для вас?**

– В 1987 г. я был избран Главным научным секретарем Философского общества (ФО) СССР, а в 1991 г. – Первым вице-президентом Российского философского общества (РФО). С тех пор постоянно переизбираюсь в этом качестве. С точки зрения моих либеральных взглядов и сторонника построения развитого гражданского общества, считаю такое положение дел ненормальным. Но серия попыток изменить положение дел в Философском обществе ясно показала, что в одной отдельно взятой организации построить отношения на принципах, отличных от общепринятых в обществе в целом, дело практически бесперспективное. Приходилось снова и снова вспоминать крылатое выражение Бисмарка: «Политика – искусство возможного». Вот так, в силу реальных возможностей, и отстаиваю свои принципы и гражданскую позицию, поясняя которые сейчас не вижу

большой надобности, поскольку они более чем очевидны для любого, читающего «Вестник РФО»<sup>15</sup>. Там же представлена максимально полная информация и о философской жизни, причем не только нашей страны, и о деятельности Российского философского общества, объединяющего более 5 тыс. человек, и еще о многом другом. Особое значение я придаю Российским философским конгрессам, грядущий из которых (уже седьмой) будет проходить в Уфе 6–10 октября<sup>16</sup>. Поскольку и подготовка к этим общенациональным форумам, и их результаты широко освещаются, в том числе и в «Вестнике РФО», то более детальный разговор об этом можно было бы выделить в отдельную тему. Ну, а почему деятельность в РФО значима для меня? Я уже не раз писал о том, что если и происходят позитивные перемены в обществе, то начинаются они только с головы, т. е. с их осмысления. А что имеет к этому наибольшее отношение, если не философия?!

**– Вы являетесь автором идеи создания и главным редактором журнала «Вестник Российского философского общества», ставшим главным органом, создающим основу для консолидации философской общественности. Поделитесь самыми большими достижениями журнала и проблемами, которые Вам приходится решать.**

– Отчасти я уже ответил на ваш вопрос. Этот журнал я редактирую с момента его создания в 1997 г. и считаю одним из наиболее значимых для себя проектов. Но еще следовало бы отметить, что «Вестник РФО» – это больше чем просто журнал. Он выполняет не только информационную, но и важнейшую коммуникативную, организационную, управленческую функции. В этой связи особенно ценно то, что каждый номер формируется из материалов, поступающих со всех регионов, причем не толь-

ко нашей страны, что дает реальную картину творческой активности и философской жизни в режиме реального времени. Между собой мы даже называем его «философским капустником» и вовсе не беспокоимся о том, что по причине его разноплановости он не включается в список журналов ВАК. Ценно и то что, поступая строго по графику во все организации РФО, он становится достоянием широкой философской общественности, обеспечивая непрерывную обратную связь и поддерживая творческую атмосферу в профессиональном сообществе. Ну, а проблемы у всех научных, в особенности гуманитарных, журналов похожие – они издаются исключительно на средства читателей.

**– Александр Николаевич, в чем притягательность работы в качестве редактора? Ведь Вы редактируете не только «Вестник РФО», но и журнал «Век глобализации» и ряд других изданий.**

– После такого вопроса вспоминается старая шутка: «Что такое телеграфный столб? – Это хорошо отредактированная сосна». Вот это как раз то, чего я не приемлю в редакторской работе. Автор должен иметь полное право на самовыражение, на свой стиль, и последнее слово всегда должно оставаться за ним. Другое дело, что за редколлегией, где у редактора, как я это понимаю, лишь функция модератора, остается право принимать к публикации данный текст или нет. Вот тут-то и возникает зачастую необходимость принимать соломоново решение... Ну, а эффективность проводимой редактором политики определяется, в конечном счете, востребованностью журнала и интересом к нему читателей.

**– Одной из самых ярких страниц Вашей деятельности является организация научно-культурной и исторической акции «Философский пароход». До сих пор участники этого события с восторгом вспоминают его и Вас как одного из самых креативных лидеров. Нет ли в Ваших планах чего-либо подобного?**

– Организация различных философских акций – это, пожалуй, результат не выветривших-

<sup>15</sup> Чумаков А.Н. К вопросу о гражданском обществе // Вестник РФО, 2006, № 1 (37), с. 9–10; Чумаков А.Н. Еще раз о гражданском обществе // Вестник РФО, 2009, № 1 (49), с. 8–12; Чумаков А.Н. На пути к гражданскому обществу // Вестник РФО, 2011, № (60), с. 8–11.

<sup>16</sup> VII Российский философский конгресс (Уфа, 6–10 октября 2015) // <http://rfk2015.bashedu.ru/>.

ся еще с детских лет мечтаний о приключениях и путешествиях. Так, после упомянутой вами поездки в 2003 г. на XXI Всемирный философский конгресс из Новороссийска в Стамбул на теплоходе «Мария Ермолова» 150-ти российских философов и последующего «возвращения «Философского парохода»<sup>17</sup>, было еще несколько масштабных мероприятий, организованных под эгидой РФО<sup>18</sup>. Среди наиболее значимых такие автобусные, железнодорожные и теплоходные туры и путешествия, как:

– «Философский поход в греки», который 45 членов РФО совершили в 2005 г. по маршруту: Москва-Минск-Львов-Бухарест-София-города Греции-София-Киев-Москва;

– «Из «третьего Рима» в первый Рим», когда более 40 членов РФО в 2007 г. проехали на поезде от Москвы до Будапешта, а далее – по городам Италии на автобусе и таким же путем вернулись обратно.

Культурно-просветительская и познавательная акция «Философский поезд», состоявшаяся в 2008 г. по маршруту: Москва – Сеул – Владивосток – Москва. Тогда на XXII Всемирный философский конгресс в Сеул Российская делегация в составе более 100 человек отправилась на самолете. После конгресса 70 российских и 15 зарубежных философов на корейском теплоходе «Dong Chun Ferry» прибыли во Владивосток, откуда в специально за-

фрахтованных четырех вагонах в течение почти двух недель ехали до Москвы с остановками и творческими встречами в Хабаровске, Чите, Улан-Удэ, Иркутске (с выездом на Байкал на теплоходе по Ангаре), Красноярске, Новосибирске, Екатеринбурге и Казани.

Последний – XXIII Всемирный философский конгресс, состоявшийся в Афинах в августе 2013 г., завершился путешествием 62 членов РФО на автобусе по историческим местам континентальной Греции, а затем на круизном теплоходе к островам: Миконос, Кушадаси, Патмос, Родос, Крит, Санторини<sup>19</sup>.

Здесь необходимо отметить, что все эти проекты готовятся и осуществляются в тесном содружестве с моим еще со студенческих лет близким другом Андреем Дмитриевичем Королевым, Главным ученым секретарем РФО. И трудно сказать, кто вносит больший вклад в их реализацию, но несомненно одно – без его участия они бы не были такими.

Вы спрашиваете о подобных планах на перспективу? Конечно, они есть. Но они потому и осуществляются, что объявляется о них только тогда, когда приходит уверенность, что уже ничто не может помешать их осуществлению. Следите за «Вестником РФО» – именно там появляется первая публикация...

В заключение хочу поблагодарить вас за интерес к теме нашей беседы и содержательные вопросы!

17 См.: «Вестник РФО», 2003, № 3 (27), 4 (28).

18 См.: «Вестник РФО», 2011, № 4 (60).

19 См.: «Вестник РФО», 2013, № 3 (67).

## INTERVIEW WITH ALEXANDER NIKOLAEVICH CHUMAKOV,

### First Vice President of the Russian Philosophical Society

*Prepared and Conducted by I. B. Fan*

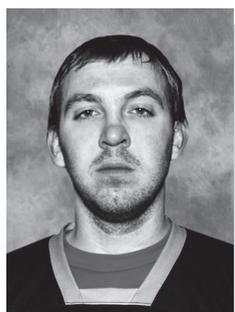
УДК 329

## ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ



**Русакова Ольга Фредовна,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
заведующая отделом философии,  
доктор политических наук, профессор,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: ruskova\_mail@mail.ru



**Хмелинин Алексей Алексеевич,**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
Институт социально-политических наук, кафедра истории и теории политической науки,  
аспирант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: xalexan@inbox.ru

### *Аннотация*

В статье рассматриваются умеренные и радикальные критические подходы к неолиберальной стратегии глобальных трансформаций. Особое внимание уделяется проблемам создания альтернативы неолиберальной глобализации, проводимой США и другими государствами «ядра» современной мир-системы. Дается анализ негативных эффектов неолиберальной политики «ядра» в Греции, Украине и России. Авторы делают вывод: неолиберализм будет и дальше продолжать свое глобальное триумфальное шествие, пока в правящих элитах останутся элементы, кровно заинтересованные в сохранении установленного Тριάдой мирового порядка, а также – в гарантированном доминировании (благодаря соответствующим реформам в гуманитарной сфере) неолиберального дискурса.

### *Ключевые слова:*

неолиберальная глобальная стратегия, неолиберальные трансформации, неолиберальный дискурс, критика неолиберализма, шоковая терапия, альтернативы неолиберальному порядку, страны Триады, ЕврАзЭС, ШОС, БРИКС.

Одной из исследовательских задач современной политической науки является комплексный анализ неолиберализма как глобальной стратегии, направленной на глубокие трансформации политической реальности в интересах стран, относящихся к мир-системному

ядру (США, Европейский союз, Япония) или стран так называемой Триады.

Стратегия неолиберальных трансформаций декларативно направлена на реализацию в мировом и региональном масштабах принципов экономической и политической свободы,

при правильном распоряжении которой государство, якобы, в состоянии обеспечить себе устойчивое развитие, экономический рост, создать благоприятную институциональную среду для формирования правового демократического порядка, в котором нормативно действующие рыночные субъекты обеспечивают общегосударственную эффективность. Однако практика показывает, что трансформации, проводимые по рекомендациям таких глобальных проводников неолиберального дискурса как МВФ, МБ ВТО и др., в итоге оборачиваются углублением кризисных явлений внутри государств, усилением внутренних и внешних конфликтов.

В связи с очевидными негативными последствиями неолиберальных трансформаций, осуществляемых в последнее время в целом ряде стран, в научных кругах заметно усилились критические настроения в отношении неолиберальной глобализации в целом.

С позиции марксистской теории неолиберальная модель глобализации рассматривается как новая фаза развития мирового империализма и как глобальная экономическая и политическая экспансия империалистических сил, главными носителями которой выступают страны Триады. Известный левый критик неолиберализма Самир Амин отмечает: «Новый империализм действительно имеет центр – Триаду, а центром центров, стремящимся к осуществлению своей гегемонии, являются Соединенные Штаты. Триада осуществляет свое коллективное господство над всеми перифериями планеты (три четверти человечества), используя институты, которые были созданы для этой цели и находятся под ее управлением... Среди них основным является Всемирная торговая организация (ВТО), подлинная задача которой – не гарантия, как утверждается, «свободы рынков», а напротив – сверхзащита монополий (центра) и установление систем производства для периферий как функции от этой основной потребности. Международный валютный фонд (МВФ) <...> выполняет функции коллективного колониального денежно-кредитного органа управления Триады. А всемирный банк является чем-то вроде Министерства пропаганды «Большой семерки»... Достаточно жестким проявлением империалистической реальности

является систематическое осуществление Соединенными Штатами военного контроля над планетой» [1, с. 35–36].

С позиции критического дискурс-анализа левого толка неолиберальная глобализация представляется как процесс превращения неолиберального идеологического дискурса в доминирующий дискурс интеллектуальных кругов не только стран Триады, но и стран мировой периферии.

Идейными составляющими дискурса неолиберальной глобализации выступают следующие концепты: безальтернативность неолиберальной модели мирового развития, «новый мировой порядок», экспорт демократии в страны с авторитарными режимами, концепт глобального управления и др.

Современная критика глобальной неолиберальной стратегии политических трансформаций по своему идейному настрою и по аналитическим мишеням далеко неоднородна. С нашей точки зрения, можно выделить два основных критических подхода: умеренно-критический и радикально-критический.

**Сторонники умеренно-критического подхода**, хотя и признают, что неолиберальная глобализация приводит к серьезным кризисным явлениям, но, все же, считают, что данная модель глобализации в общем и целом совпадает с общемировой объективной тенденцией развития. И поэтому в определенной корректировке нуждается не столько неолиберальная глобальная стратегия, сколько неолиберальная философия, учитывающая некоторые негативные последствия глобализации неолиберального типа.

В целом же, умеренно-критический подход характеризуется тем, что его адепты не выходят за рамки либерального дискурса [8, с. 45].

Данный подход, в частности, разделяют российские исследователи из МГИМО, которые в недавно опубликованном учебнике под названием «Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке» пишут: «В последние годы – особенно в связи с нынешним кризисом – стала очевидной *несостоятельность философии той модели глобализации*, в рамках которой она протекала и которая, как показал Дэвид Харви [7], была сформирована на базе принципов неолибера-

лизм. Но глобализация – хотим мы того или нет – продолжается, ибо это объективный процесс, и потребность в ее новой философии, отвечающей вызовам времени, становится как никогда острой» [5, с. 30–34].

Для создания новой философии глобализации предлагается взять на вооружение следующие направления эволюции современной миросистемы: «ориентализация» мирового развития (постепенное, но неуклонное перемещение центра мирового развития с Запада, от США и Европы, на Восток, в направлении Китая, стран Юго-Восточной Азии, Индии, Бразилии, а также России); универсализация миграционных потоков, которые идут с Востока на Запад, что приводит к изменению расово-этнического состава населения стран Запада и к появлению неассимилированных культурных анклавов в урбанизированных центрах западного мира; инверсия фундаментальных ценностей: «свобода versus безопасность», которая «отчетливо проявляется в согласии граждан пойти на ограничение своей свободы во имя обеспечения собственной безопасности» и др.

Говоря о трендах развития современной миросистемы, умеренные критики неолиберальной глобализации как бы не замечают, что и смещение миграционных потоков с Востока на Запад, и инверсия фундаментальных ценностей (обмен свободы на безопасность), и многие другие тренды являются следствиями и результатами международной военной и политической экспансии, осуществляемой проводниками неолиберальной глобализации. Без вмешательства США и других стран так называемого «ядра» миросистемы во внутренние дела ряда государств Азии и Африки не было бы столь интенсивным миграционное движение с Востока на Запад.

Не состоялась бы и ценностная инверсия, приводящая к политическому ограничению пространства демократических свобод в обмен на безопасность. Данный процесс также был спровоцирован лидерами неолиберальной глобализации, развернувшими масштабную информационно-пропагандистскую войну против своих противников, чьи действия были расценены как угроза безопасности сторонниками демократии.

К умеренным критикам неолиберальной стратегии глобализации мы также относим аналитиков, уверенных в том, что реальным противовесом международным институтам стран Триады могут стать новые объединения, к примеру, Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС.

Представителем данного подхода является британский ученый Дэвид Лэйн, автор книги «Евразийская региональная интеграция как ответ неолиберальному проекту глобализации» [4]. В этой работе утверждается, что Евразийский союз является частью глобального тренда, согласно которому современное политическое мироустройство движется по пути усиливающейся регионализации. Возможное развитие событий представлено в виде следующих сценариев: 1) реализация Евразийского проекта приведет его участников к изоляции от мировой экономики; 2) деятельность ЕврАзЭС это переходная стадия на пути к интеграции в мировую экономику; 3) ЕврАзЭС становится в значительной степени автономным противовесом уже существующим региональным объединениям, но не равноценным конкурентом международных объединений стран ядра. Третий вариант рассматривается как наиболее жизнеспособный, однако при том условии, что он будет предполагать укрепление связей с БРИКС и ШОС.

Говоря о предыстории формирования ЕврАзЭС, автор отмечает: «После распада СССР постсоциалистические страны стали частью мир-системы, развивающейся по законам неолиберальной глобализации, что повлекло за собой значительную утрату их государственного суверенитета. Впрочем, многие так или иначе разделяли идеалистические ожидания, связанные с открытием новой эры в мировой политике... Однако движение к открытой рыночной экономике, основанной на частной собственности и более конкурентной политической системе, на деле не привели к ожидаемым результатам. Приватизация обернулась массовым разрывыванием государственной собственности и необузданной коррупцией. Экономический коллапс, наступивший в результате демонтажа плановой экономики,

вкупе с недееспособностью электоральной демократии спровоцировали массовое разочарование среди элит и простого населения. Международные организации, объединявшие социалистические страны, – Организация Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи, – потерпели крах, в то время как Североатлантическому альянсу (НАТО) и Европейскому союзу (ЕС) не только удалось укрепить свои позиции, но и существенно расширить свое влияние. Таким образом, если принять во внимание масштаб неоправдавшихся ожиданий, связанных с радикальной трансформацией, вряд ли можно считать удивительным то, что идея образования нового Евразийского союза обрела значительную поддержку в ряде постсоциалистических стран» [4].

Лэйн подчеркивает, что неолиберальная глобализация приводит к геополитическим трансформациям, которые влекут за собой постепенный упадок национальных государств и усиление роли международных и глобальных игроков. Именно на этом геополитическом фоне сегодня следует рассматривать реакцию постсоветских политических элит на последствия постсоциалистической трансформации. Политические лидеры постсоциалистических государств, отмечает автор, не сразу пришли к мысли о необходимости активного противостояния неолиберальной глобализации. Некоторое время назад президент В. В. Путин вполне допускал возможность воплощения на территории Евразии образования, создаваемого по образу и подобию Европейского союза, основанного на неолиберальной экономической модели. В 2011 г. он ратовал за создание зоны свободной торговли, которая имела бы отчетливо неолиберальную подоплеку, так как должна была сводиться к обеспечению свободного движения рабочей силы, капитала, товаров и услуг между государствами-участниками объединения и предполагала ведущую роль России в этом интеграционном процессе. Чуть позднее акцент в его риторике эволюционировал в пользу союза, который предполагал бы расширение связей Европы с Азиатско-Тихоокеанским регионом и в котором Евразия должна сыграть роль ключевого связующего звена. Но и *сегодня Евразийский*

*союз продолжают рассматривать в России «как объединение, скорее, комплементарное, чем противопоставляющее себя Европейскому союзу» (выделено нами). Экспансионистская политика ЕС и НАТО, направленная на Восток, привела к поляризации отношений между Западом и Евразией и в итоге «заставила Путина переменить свои взгляды в пользу усиления связи с евразийскими государствами, а также другими региональными объединениями (такими как, например, Шанхайская организация сотрудничества)». Неолиберальная по своему духу попытка Путина интегрировать Россию как полупериферийную страну с международными институтами стран ядра, согласно Лэйну, была пресечена политическим кризисом на Украине, стремлением ЕС и НАТО усилить свое влияние на границе с Евразией.*

В настоящее время, по мнению Лэйна, в миросистеме складывается новая формация, которую можно обозначить как «полуядро». К нему относятся страны, которые, с одной стороны, негативно относятся к неолиберальному миропорядку, а, с другой стороны, – формируют новый *гибридный уклад* (выделено нами), где присутствуют как элементы неолиберальной, так и плановой экономической и социальной политики: «Полупериферийные страны, такие как Россия и Китай, с одной стороны, остаются не интегрированными в ядро миросистемы, отстаивающей сложившийся неолиберальный порядок, а, с другой, – постепенно наращивают свой экономический потенциал и число собственных транснациональных компаний. Заметное присутствие государства в экономике в России и Китае позволяет не только покровительствовать этим компаниям, но и осуществлять над ними контроль в национальных интересах. Такой режим экономической координации гармонично сочетается с преимущественно коллективистскими установками, характерными для данных стран, а также с предшествующим опытом плановой экономики, который вполне может быть переосмыслен в позитивном ключе... В любом случае сам факт существования подобных гибридных экономических систем, обладающих значительной экономической мощью, позволяет говорить о том, что в мировой системе наметилось обрат-

ное движение от монополярности к многополярности... Ядром этой системы по-прежнему являются ведущие западные страны и возглавляемые ими региональные объединения, такие как НАФТА (США) и ЕС. К полуядру относятся страны, образующие собственные региональные блоки и тесно взаимодействующие друг с другом, а также включенные в систему экономического обмена с центром господствующего неолиберального порядка» [4].

Стать инструментами продвижения новой модели глобализации, альтернативной неолиберальной, институты, образованные странами полуядра, могут только в том случае, если достигнут консенсуса в отношении концептуальных основ данной альтернативы, а также если их политические элиты перестанут чувствовать себя комфортно в системе неолиберальных международных отношений. Однако, в настоящий момент, констатирует Лэйн, у элит, представляющих страны полуядра, не сложилось никакого определенного консенсуса не только по поводу евразийского проекта, но и по поводу других региональных ассоциаций, которые формируются в рамках БРИКС. «Скепсис в отношении альтернативных форм интеграции обусловлен тем, что эти элиты достаточно комфортно чувствуют себя и в рамках сложившегося неолиберального порядка. Неолиберальная идеология по-прежнему пользуется среди них большой привлекательностью. В частности, некоторые транснациональные компании этих стран (например, ЛУКОЙЛ в России) открыто приветствуют неолиберальную экономическую политику, благодаря которой им удастся осуществлять свою международную экспансию и наращивать прибыли... Следовательно, наиболее желательным сценарием интеграции для них является путь... согласно которому участие в региональных объединениях представляет собой переходное звено на пути к интеграции в неолиберальную мир-систему».

В том случае, если все же удастся преодолеть неолиберальные ориентации политических элит, входящих в состав новых региональных блоков стран полуядра, данные блоки будут в своей основе капиталистическими формациями. «... Однако этот капитализм будет отличаться от неолиберального и, вероятнее

всего, примет форму национального или государственного» [4].

Что касается **представителей радикально-критического подхода**, то они сознательно выходят за рамки либерального дискурса, предлагая разрабатывать постлиберальный дискурс, черпающий идеи из современных левых идеологий. Данная критика распространяется на весь набор неолиберальных ценностей и на всю модель неолиберальной глобализации и реформаторской политики.

Среди наиболее известных интеллектуалов, выступающих с позиции радикально-критического подхода в отношении неолиберальной стратегии глобализации, следует выделить Ноама Хомского, Наоми Кляйн, Самира Амина, Бориса Кагарлицкого.

Согласно **Н. Хомскому**, неолиберальные глобальные трансформации осуществляются исключительно в интересах элит США. Посредством, к примеру, такого агента глобализации, как ВТО всему миру навязываются американские ценности, которые в итоге приносят транснациональным корпорациям сверхприбыли. Ожидаемые последствия победы американских ценностей посредством ВТО таковы:

- 1) «Новое оружие» для всеобъемлющего американского вмешательства во внутренние дела других стран.
- 2) Захват центральных секторов зарубежной экономики корпорациями, базирующимися в США.
- 3) Выгоды для бизнеса и богатей.
- 4) Переложение расходов на широкие слои населения.
- 5) Новое и потенциально более мощное оружие против угрозы со стороны демократии [9, с. 137].

Хомский выступает против популярного в неолиберальных кругах мнения о том, что, продвигаемая США система ценностей является образцовой для всего мира, что благодаря успешному сочетанию ценностей свободного рынка и демократии, Америка смогла одержать победу в «холодной войне». У данной точки зрения есть еще одно название – доктрина «глобального совершенствования» мира. На самом деле, считает Хомский, ни Соединенные Штаты, ни какая-либо другая крупная держава

не руководствуются доктриной «глобального совершенствования» под флагом распространения ценностей демократии и свободного рынка. Все обстоит ровно наоборот. Демократии посредством транснациональных корпораций наносится смертельный удар, а принцип свободы рынка оборачивается возрастанием господства ТНК.

Радикально-критический анализ неолиберализма, в особенности его чикагского варианта, представленного школой монетаризма Милтона Фридмана, содержится в фундаментальном труде **Наоми Кляйн** «Доктрина шока. Становление капитализма катастроф». По словам Н. Кляйн, «движение Чикагской школы Фридмана с 70-х годов завоевало территории по всему миру». В течение трех десятилетий Фридман и его последователи методично использовали технологию шоковой терапии в разных странах в период кризиса, начиная с военного переворота Пиночета в сентябре 1974 г. в Чили. Доктрина шока получила свою апробацию в Южной Америке, в Китае и России. В США доктрина шока была применена после 11 сентября 2001 г. [3, с. 33].

Механизм действия доктрины шока таков: начальное бедствие – переворот, террористический акт, крушение рынка, война или стихийное бедствие – введение общества в состояние коллективного шока. На почве культивируемого шока ускоренными темпами может развиваться «индустрия безопасности», приносящая сверхприбыль. Можно сказать, что «экономика периода катастроф спасла мировой рынок от глубокого спада, который ему грозил накануне 11 сентября» [3, с. 30].

В России имидж доморощенного Пиночета неолибералы-энтузиасты попытались было придать президенту Б. Ельцину. Роль «чикагских мальчиков» предназначалась команде премьер-министра Е. Гайдара, которая с самого начала стала работать под патронажем правительства США. «Чтобы обеспечить «чикагских мальчиков» Ельцина идеологической и технической поддержкой, – пишет Кляйн, – правительство США оплатило работу экспертов по переходному периоду, которые отвечали за самые различные вещи: писали указы о приватизации, создавали фондовую биржу Нью-Йоркского

типа, разрабатывали для России рынок инвестиционных фондов» [3, с. 291]. Выждав ровно неделю после отставки М.С. Горбачева в декабре 1991 г., команда Гайдара приступила к исполнению программы «шоковая терапия» стремительно и внезапно для того, чтобы сделать сопротивление демократических сил, окрепших в годы перестройки, невозможным. Джозеф Стиглиц, который был тогда главным экспертом Всемирного банка, назвал русских реформаторов «большевиками рынка» за их преданность идеям монетаризма [3, с. 293].

В итоге «шоковых» неолиберальных реформ в стране сложилось государство неолиберального типа, в котором обогатился лишь узкий круг россиян, а также – некоторые западные менеджеры инвестиционных фондов, получившие баснословные прибыли от своих инвестиций в приватизированные российские компании и отправлявшие неслыханные доходы за границу – по два миллиарда долларов в месяц [3, с. 302].

В своей работе Кляйн на фактическом материале показывает, что везде, где возникала угроза срыва неолиберальных трансформаций, на помощь привлекались эксперты и советники, специализирующиеся на мрачном искусстве подавлять сопротивление, включая технику изощренных пыток. К «экспертам» такого рода относятся специалисты из частных военных компаний, к примеру, Blackwater, ветераны грязных войн.

Представители радикальной критики глобальной неолиберальной стратегии сегодня активно занимаются разработкой программы полного преодоления неолиберального влияния и освобождения от американского диктата. В данном ключе плодотворно работает один из активных деятелей антиглобалистского движения Самир Амин.

В своих недавних работах **Самир Амин** предлагает руководству и гражданам всех стран мира задуматься о том, что пора «отключиться» от США и созданных ими глобальных неолиберальных правил экономики. США, стоящие во главе Триады, отмечает политолог, стремятся сделать все, чтобы исключить любые попытки какой-либо страны действовать самостоятельно, без руководящей роли Триады. Страны,

которые не захотят подчиняться воле Триады, рассматриваются как ее враги. В контексте данной логики Россия, которая заявила о своих национальных интересах в связи с кризисом на Украине и не смирилась с американским влиянием на Киев, безусловно, является врагом.

Ученый предложил России использовать в своем развитии «проект суверенизации». По данному проекту, по его словам, уже полностью развивается Китай, на 50% его использует Индия, на 30% – Бразилия [2].

После распада Советского Союза у многих граждан России возникла иллюзия, что с переходом страны на рельсы капиталистической экономики и с внедрением либеральных ценностей отношения с США будут выстраиваться на принципах равноправного партнерства. Однако это была ошибка, поскольку неизменной «целью Триады является полное подчинение, чтобы уничтожить всякую возможность России к сопротивлению».

Нынешнее развитие украинской трагедии, считает Самир Амин, еще раз иллюстрирует реальность стратегической цели Триады. Именно Триада организовала в Киеве то, что следовало бы назвать «Евро/нацистским путчем». Для достижения своей цели (разделения исторически братских народов – русского и украинского) новая, подчиненная Триаде, украинская власть нуждается в поддержке местных нацистов.

Стратегические интересы Триады обслуживают западные СМИ. Их риторика насыщена фразами о свободе, демократии, «революции достоинства». Но все это ложь, утверждает Самир Амин. Нигде Триада не способствовала продвижению демократии. Напротив, она систематически поддерживала самые антидемократические силы (в некоторых случаях «фашистские») – квазифашистов в бывшей Югославии (в Хорватии и Косово), в странах Балтии и Восточной Европы, например, в Венгрии. Восточная Европа была «интегрирована» в Европейский Союз не как равноправный партнер, а как «полуколония» крупных капиталистических/империалистических держав Западной и Центральной Европы.

Самир Амин считает, что с учетом гегемонистской политикой Триады политика России, разработанная администрацией пре-

зидента В.В. Путина и направленная на то, чтобы противостоять проекту колонизации Украины (и других странах бывшего Советского Союза, в Закавказье и Центральной Азии), должна быть поддержана всеми политическими силами, стремящимися к суверенитету и обретению независимости от неолиберального диктата [2]. Опыт Балтийских стран не должен повториться.

Однако, если линия на отстаивание суверенитета не получит поддержку со стороны населения России, то Российская международная стратегия обречена на провал. Эту поддержку невозможно получить лишь на основе «национализма», пусть даже это будет положительный «прогрессивный» (не шовинистический) «национализм», тем более – не на основе «шовинистической» российской риторики. Фашизм в Украине не может быть побежден русским фашизмом. Поддержка может быть получена только в том случае, если внутренняя экономическая и социальная политика, проводимая правительством, будет выражать интересы большинства трудящихся. Ориентированная на народ политика, по словам Амина, предполагает уход, насколько это возможно, от неолиберальных рецептов и связанного с ними избирательного маскарада, а также регрессивной социальной политики. «Я хотел бы предложить создание на ее месте совершенно нового государственного капитализма с социальной составляющей (я говорю социальной, не социалистической). Эта система откроет дорогу к будущему прогрессу в направлении социализации управления экономикой и поэтому к подлинным новым достижениям на пути создания демократии, отвечающей на вызовы современной экономики» [2].

Оставаясь же в строгих рамках неолиберальных предписаний, российская государственная власть уничтожает шансы России выступать в качестве важного и самостоятельного игрока на международной арене. Сохранение неолиберального курса может производить только трагический экономический и социальный регресс, образец «люмпен развития», что приведет страну к еще более подчиненному положению в глобальной империалистической системе: Россия будет поставлять Триаде нефть,

газ и некоторые другие природные ресурсы; ее промышленность будет сведена до статуса субподрядчика, работающего на благо западных финансовых монополий.

Без радикального преодоления неолиберализма российской элиты все попытки страны действовать самостоятельно на международной арене остаются крайне уязвимыми, они постоянно будут пресекаться «санкциями», которые еще более усилят ужасную зависимость олигархата от требований доминирующих монополий Триады. Нынешний отток российского олигархического капитала, связанного с украинским кризисом, иллюстрирует эту опасность. Восстановление государственного контроля над движением капитала является единственным эффективным ответом на эту угрозу [2].

Последние события не только на Украине, но и в Греции послужили поводом для новых радикально-критических размышлений по поводу губительных последствий неолиберальной глобализации, проводимой Тριάдой. Американский писатель и журналист **Патрик Смит** в своей недавней публикации под названием «Neoliberalism is our Frankenstein: Greece and Ukraine are the hot spots of a new war for supremacy» (Неолиберализм – наш Франкенштейн: Греция и Украина как горячие точки в новой войне за мировое господство) подчеркивает, что за всеми современными кризисами просматривается неолиберальная война против инакомыслия, война за полное подчинение стран американо-евросоюзному глобальному порядку.

П. Смит приводит ряд причин, почему неолиберализм как глобальная стратегия внушает отвращение и ужас. Неолиберализм отвратителен, поскольку разрушает жизни людей, гасит надежды и концентрирует богатство в руках избранных. «То, что я видел в процессе развития неолиберализма, причем не только в Америке, говорит о том, что он либо требует устойчивого ослабления демократии до тех пор, пока от нее не останется одна форма, либо закрепляет вариант демократии для элиты». Неолиберализм также подразумевает неравенство доходов, извращает либеральные идеи, двигая общество в противоположном направлении. «С учетом всего вышесказанного, неолиберальный ре-

жим не дает ничего нового, а демонстрирует лишь хорошо известное старое: сила, запугивание (функция МВФ), усиление коррупции в геометрической прогрессии. И никаких исключений из этого я не вижу» [6].

Еще тогда, когда автор работал корреспондентом, его удивляло, как легко лидеры государств готовы были поступиться социальными завоеваниями своей страны взамен предоставляемой им помощи со стороны МВФ и других неолиберальных международных институтов: «...Я много раз поражался тому, с какой готовностью иностранные лидеры и их министры финансов пьют эту англо-американскую микстуру помощи. Здесь наибольшее разочарование у меня вызывает континентальная Европа. Несмотря на давние традиции социал-демократии, почти все европейские руководители и все до единого брюссельские технократы потекли как кусок масла в жаркую погоду, когда неолибералы из Госдепартамента, министерства финансов и аналитических центров запустили после падения Берлинской стены свою кампанию» [6].

То, что сегодня происходит на Украине и в Греции, отмечает Смит, разворачивается по известному неолиберальному сценарию, направленному на жесткий слом любого противодействия МВФ и ЕС и на принуждение правительств к кабальной сделке, вгоняющей страну в масштабный кризис. Греки пытаются договориться о компромиссном решении, чтобы выйти из семилетнего экономического и финансового кризиса, восстановить демократический процесс и освободиться от необходимости искать ужин в мусорных баках. А еврочиновники в ответ грозят Афинам исключением, если Алексис Ципрас, который обещает покончить с явно бесчеловечными мерами жесткой экономии вопреки настояниям Европы, не ослабит свое противодействие ЕС и МВФ. Такая политика, по словам Смита, есть сплошная нелепость, поскольку греческий долг можно реструктуризировать, сведя потери к минимуму. К тому же, греческий кризис – это кризис, который в значительной степени спровоцирован Европейским Союзом во главе с Германией. Но этого лидеры ЕС не хотят признавать, поскольку у них есть свои хозяева –

американские «полководцы» нелиберальной войны против инакомыслия.

Почему Европа, спрашивает Смит, так упорно настаивает на приватизации многих греческих активов, ведь известны примеры эффективной работы множества государственных компаний? И сам отвечает: Европа так настаивает на приватизации не просто потому, что так предписывает неолиберальная стратегия шоковой терапии, а в первую очередь потому, что «приватизация выгодна транснациональным корпорациям, ищущим в мутной воде дешевые и недооцененные активы. Они смогут эксплуатировать греков после примерно 30% урезания зарплат и вывозить из этой страны выручку». Греция оказалась под прицелом неолиберальной войны еще и потому, что врагом американизированной Европы сегодня стала подлинная социал-демократия. Стала по той причине, что она работает и дает результат, правда, когда ей это позволяют.

Что касается кризиса на Украине, то здесь, по словам Смита, «мы стали свидетелями прихода неолиберализма на порог России со всеми его вышеупомянутыми атрибутами – силой, запугиванием и преумноженной коррупцией. Тот демократический процесс, который был когда-то у украинцев, почти полностью уничтожен. Сейчас решающее значение имеет американская поддержка правительства Порошенко, и нет никаких признаков того, что Вашингтон намерен отказаться от того упорства, с которым он настаивает на необходимости переплавить Украину в неолиберальном тигле, каковы бы ни были издержки... Что касается экономики, то Украина близка к краху. Компрадорский премьер Арсений Яценюк с прошлого года спит и видит, как бы навязать стране неолиберальный режим МВФ. Но здесь совершенно очевидно, что такие действия приведут к всплеску волнений, когда общество окажется в бедственном положении. Как говорят мне европейские источники, чиновники из Евросоюза пристально наблюдают за Украиной, беспокоясь о том, что ситуация там может оказаться благоприятной для крайне правых экстремистов, которые имеют возможность прийти к власти, поскольку обладают в Киеве большей силой, чем нам рассказывает New York Times» [6].

Радикально-критический подход в последние годы целенаправленно стал переводиться в плоскость создания международного экспертного сообщества, вырабатывающего рекомендации по преодолению идеологического влияния стратегии глобальных неолиберальных трансформаций. Так, например, в конце апреля 2013 г. в Московском государственном университете прошла конференция «Пост-глобализация. Конец неолиберализма и возрождение социального государства». На конференции было объявлено об официальном старте работы нового международного сообщества под названием «Post Globalization Initiative» (Постглобализационная Инициатива). Инициаторами проекта стали: Институт глобализации и социальных движений (Россия), Транснациональный Институт (Амстердам), Центр развития гражданского общества (Южно-Африканская республика), Forum on the Global South, Krytyka Polityczna (Польша-Украина) и др.

В принятом Манифесте участников конференции говорится: «Post-globalization Initiative» – это шаг к долгосрочному сотрудничеству, направленному на изменение международного общественного мнения и доминирующих тенденций в экспертных сообществах, открытие новой стратегической точки зрения для более демократического, равноправного и социально ориентированного развития многополярного мира» [10].

**Борис Кагарлицкий**, директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО) в своем выступлении на конференции подчеркнул, что проблема не в том, что неолиберальный порядок неприятен, а в том, что неолиберальная политика, несмотря на все кризисы, продолжает работать. Необходима дискуссия о том, каким образом можно резко прервать зависимость от неолиберальной мировой системы.

Индийский и канадский экономист Радика Десай, выступавшая на конференции, говорила, что, несмотря на негативные последствия неоглобалистской политики, неолиберальные ценности продолжают существовать и поддерживаться широкими массами. По ее словам, ни один кризис не может уничтожить старые

идеологии, пока продолжают существовать люди, которым эти идеологии выгодны [11]. Р. Десай возлагает серьезные надежды на страны БРИКС, которые могли бы выстроить систему, альтернативную Триаде. Однако пока это невозможно, поскольку между странами БРИКС имеются серьезные разногласия в отношении стратегии неолиберализма. Там есть сильные ее сторонники, хотя присутствуют и некоторые анти-неолиберальные элементы.

Общим убеждением участников Конференции было то, что неолиберализм исчерпал ресурсы своего глобального доминирования, и ему на смену должна прийти новая глобальная стратегия, более справедливая и гуманная по своим эффектам. Для того чтобы оказаться готовыми к переменам и, по возможности, приблизить их, следует активно разрабатывать проект под названием «Постглобализация».

При рассмотрении критических подходов к изучению глобальной стратегии неолиберализма, мы, кажется, нашли ответ на давно волновавший нас вопрос: почему, несмотря на вполне обоснованную и конструктивную международную критику неолиберализма, в России неолиберальные реформы продолжают прокладывать себе путь, причем, с особенным упорством это происходит в сфере науки, образования и культуры? Наш ответ таков: именно в сфере науки, образования и культуры формируется главный человеческий ресурс, способный обеспечивать дальнейшее доминирование неолиберального дискурса и превращать все альтернативные дискурсы в разряд маргинальных, подлежащих если не уничтожению, то массовому презрению.

Иначе говоря, неолиберализм будет и дальше продолжать свое глобальное триумфальное шествие, пока в правящих элитах останутся элементы, кровно заинтересованные в сохранении установленного Триадой мирового порядка, а также – в гарантированном доминировании (благодаря соответствующим реформам в гуманитарной сфере) неолиберального дискурса.

ского. – М.: Издательство «Европа», 2007.

2. Амин С. Российско-украинский кризис: Евразийский проект в конфликте с политикой европейской Триады // <http://socialistic.ru/publications/translations/samir-amin-rossijsko-ukrainskijj-krizis/> (дата обращения: 14.08.2015).

3. Кляйн Н. Докрина шока / Наоми Кляйн: пер. с англ. – М.: Издательство «Добрая книга», 2009.

4. Лэйн Д. Евразийская региональная интеграция как ответ неолиберальному проекту глобализации (пер. с англ. Г.А. Ястребова) // Мир России. 2015. № 2. // [http://ecsocman.hse.ru/hsedata/2015/04/06/1096340086/mr16\\_2\\_1.pdf](http://ecsocman.hse.ru/hsedata/2015/04/06/1096340086/mr16_2_1.pdf).

5. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаплеиной, А.А. Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014.

6. Смит П. Неолиберализм – наш Франкенштейн: Греция и Украина как горячие точки в новой войне за мировое господство («Salon», США) [Электронный ресурс] // <http://inosmi.ru/world/20150216/226298221.html>.

7. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007.

8. Хмелини А.А., Русакова О.Ф. Проблема критического анализа неолиберализма в современной политической философии // Социум и власть. 2014. № 2 (46).

9. Хомский Н. Прибыль на людях / Пер. с англ. Б.М. Скуратова. – М.: Практикс, 2002.

10. <http://lprime.ru/MACROECONOMICS/20130513/763322168-print.html>.

11. <http://www.iarex.ru/news/36208.html>.

1. Amin S. Virus liberalizma: permanentnaya vojna i amerikanizacija mira / Per. s angl. Sh. Nagiba, S. Kastal'skogo. – М.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007.

2. Amin S. Rossijsko-ukrainskijj krizis: Evrazijskijj projekt v konflikte s politikoj evropejskoj Triady // <http://socialistic.ru/publications/translations/samir-amin-rossijsko-ukrainskijj-krizis/> (data obrashheniya: 14.08.2015).

3. Klyajn N. Dokrina shoka / Naomi Klyajn: per. s angl. – М.: Izdatel'stvo «Dobraya kniga», 2009.

4. Le'jn D. Evrazijskaya regional'naya integraciya kak otvet neoliberal'nomu proektu globalizacii (per. s angl. G.A. Yastrebova) // Mir Rossii. 2015. № 2. // [http://ecsocman.hse.ru/hsedata/2015/04/06/1096340086/mr16\\_2\\_1.pdf](http://ecsocman.hse.ru/hsedata/2015/04/06/1096340086/mr16_2_1.pdf).

5. Megatrendy: Osnovnye traektorii e'volyucii mirovogo porjadka v XXI veke: Uchebnik / Pod red. T.A. Shakleinoj, A.A. Bajkova. – 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014.

6. Smit P. Neoliberalizm – nash Frankenshtejn: Greciya i Ukraina kak goryachie točki v novej vojne za mirovoe gosподство («Salon», SShA) [E'lektronnyj resurs] // <http://inosmi.ru/world/20150216/226298221.html>.

7. Harvi D. Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noe prochenie / Per. s angl. N.S. Braginoj. М.: Pokolenie, 2007.

8. Xmelini A.A., Rusakova O.F. Problema kriticheskogo analiza neoliberalizma v sovremennoj politicheskoy filosofii // Socium i vlast'. 2014. № 2 (46).

9. Xomskij N. Pribyl' na lyudyax / Per. s angl. B.M. Skuratova. – М.: Praktis, 2002.

10. <http://lprime.ru/MACROECONOMICS/20130513/763322168-print.html>.

11. <http://www.iarex.ru/news/36208.html>.

1. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Касталь-

UDC 329

## **THE GLOBAL STRATEGY OF NEOLIBERAL TRANSFORMATIONS: THE CRITICAL ANALYSIS**

**Rusakova Olga Fredovna,**

The Institute of Philosophy and Law  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Head of Philosophy Division, Doctor of Political Sciences, Full Professor,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: rusakova\_mail@mail.ru

**Khmelinin Aleksey Alekseevich,**

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,  
graduate student,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: xalexan@inbox.ru

### *Annotation*

In the article are considered the moderate and radical critical approaches to neoliberal strategy of global transformations. The special attention is given to problems of creating the alternatives to the neoliberal globalization spent by the USA and other «core»-states of modern world-system. The analysis of negative effects of a neoliberal policy of «core»-states in Greece, Ukraine and Russia is given. Authors do a conclusion: neoliberalism will be to continue further the global triumphal procession while in ruling elite there are the elements terribly interested in preservation of a world order established by the Triad, and also – in the guaranteed domination (thanks to corresponding reforms in humanitarian sphere) a neoliberal discourse.

### *Key words:*

neoliberal global strategy, neoliberal transformations, neoliberal discourse, criticism of neoliberalism, shock therapy, alternatives to a neoliberal order, states of the Triad, EurAsEC, SCO, BRICS.

УДК 316.454.5

## ГЕОБРЕНДИНГ ЕКАТЕРИНБУРГА ДЛЯ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ЦЕЛЕВЫХ АУДИТОРИЙ: АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ



### **Попова Ольга Ивановна,**

Институт международных связей,  
профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью,  
кандидат социологических наук,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: o.popova63@mail.ru



### **Григорьева Екатерина Сергеевна,**

Уральский банк реконструкции и развития,  
Ведущий специалист отдела интернет-коммуникаций,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: kate-gri@yandex.ru



### **Морозова Ирина Юрьевна,**

Институт международных связей,  
магистрант,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: irina\_morozova@hotmail.com

### *Аннотация*

Статья посвящена сравнительному анализу результатов социологических исследований отношения различных целевых аудиторий к имиджу города Екатеринбурга, проведенных в 2012–2013 и 2015 гг. Методы исследования: опрос, Интернет-опрос. Целевая аудитория отбиралась по принципу нахождения/отсутствия респондента в г. Екатеринбурге. Это – жители Екатеринбурга от 18 до 25 лет; жители старше 25 лет; гости города из других городов России; люди, которые никогда не были в Екатеринбурге.

Результаты опросов позволили выявить не только отношение к Екатеринбургу жителей и гостей города, но и определить слабые и сильные стороны имиджа Екатеринбурга, определить шесть узнаваемых образов Уральской столицы 2015 года и сравнить их с восемью характеристиками 2013 года.

Для решения выявленных проблем в ходе исследования были сформулированы возможные модели позиционирования города, а также предложены технологии геобрендинга для формирования положительного имиджа Екатеринбурга.

*Ключевые слова:*

геобрендинг, брендинг территории, имидж Екатеринбурга, результаты социологических исследований, модели позиционирования и технологии геобрендинга Екатеринбурга.

Бурное развитие городов и постоянная конкуренция между ними стали одной из важнейших причин актуализации появления такого нового направления современных стратегических коммуникаций, как геобрендинг.

Данное направление уже давно успешно применяется за пределами России, однако и в нашей стране в последние 10–15 лет встал вопрос об имидже целых городов и регионов (например, Сочи, Казань, Нижний Новгород, Пермь и др.). Положительный, узнаваемый и правильно выстраиваемый образ территории получает много откликов со стороны партнеров, инвесторов и всего населения страны.

Для начала определим, что брендинг территорий (геобрендинг) – это процесс осознанного и целенаправленного формирования бренда, то есть поиска, выражения и развития городской идентичности, а также представления ее в ярких, взаимосвязанных образах, привлекательных для целевых аудиторий [1, с. 148].

По мнению Прохорова, целью брендинга территории выступает «обеспечение присутствия бренда территории в информационном пространстве, его узнаваемости, обеспечение притока финансовых ресурсов за счет инвесторов, туристов. А к задачам относится «создание и усиление положительных ассоциаций и изменение неблагоприятных стереотипов, связанных с территорией» [2, с. 166].

Для того чтобы успешно заниматься геобрендингом необходимо проанализировать сформировавшийся на сегодняшний день имидж территории. Для анализа имиджа Уральской столицы авторами было проведено два исследования: первое – в 2012–2013 гг. в рамках дипломной работы «Имиджевая политика территории: модели и технологии реализации (на примере г. Екатеринбурга)» студенткой специальности «Связи с общественностью» Института международных связей Григорьевой

Екатериной. Второе является его продолжением и проводилось в 2015 г. по теме дипломной работы «Геобрендинг Екатеринбурга для внешних и внутренних целевых аудиторий: анализ социологических исследований» студенткой бакалавриата «Реклама и связи с общественностью» ИМС Морозовой Ириной.

В исследованиях использовались анкеты, разработанные Григорьевой Е.

Цель второго исследования 2015 г. – выявить изменения отношения к имиджу города Екатеринбурга у разных целевых аудиторий за период 2013–2015 гг.

Целевая аудитория отбиралась по принципу нахождения человека в г. Екатеринбурге. В общем счете получилось выделить четыре группы:

- 1) жители Екатеринбурга от 18 до 25 лет;
- 2) жители старше 25 лет;
- 3) гости города из других городов России;
- 4) люди, которые никогда не были в Екатеринбурге.

В 2013 году участниками социологического опроса стали 766 человек в возрасте от 16 до 57 лет. А в 2015 году – 536 человек в возрасте от 18 до 50 лет.

Для каждой целевой аудитории был представлен свой перечень вопросов, который позволил сделать определенные выводы на наличие знаний об истории и жизни города. Полученные в 2015 году результаты анкетирования сравнивались с ответами 2013 года.

Рассмотрим сравнительные результаты анкетирования по каждой группе внешней и внутренней целевой аудитории более подробно.

В первой группе «**Анкетирование жителей г. Екатеринбурга в возрасте от 18 до 25 лет**» было опрошено 223 человека, из них: 154 девушки, что составило 69% и 69 юношей, что составило 31%. В этом социологическом опросе (рисунок А.1) приняло меньшее количество респондентов, нежели в предыдущем исследовании (рисунок А.2).

По возрасту респонденты распределились следующим образом (рисунок А.3): от 18 до 20 лет – 94 человека (42,16%), от 21 до 25 лет – 129 человек (57,84%). В 2013 году у данной целевой аудитории возрастные ограничения начинались с 16 лет (рисунок А.4).

Участникам исследования необходимо было ответить на 5 вопросов анкеты.

Первый вопрос выяснял знание среди жителей города года основания Екатеринбурга. 31% (68 чел.) опрошенных ответили верно, 33% (74 чел.) респондентов не дали ответа, 36% указали неверные значения. На рисунке А.5 видно, что ситуация за несколько лет не изменилась. Большая часть молодого населения до сих пор не знает точной даты основания Екатеринбурга.

Второй вопрос показал, насколько молодежь знает основателей города Екатеринбурга. 73% (163 чел.) респондентов ответили верно – «Татищев и де Генин», 13% (29 чел.) указали – «Петр I», а 7,2% (16 чел.) не смогли назвать имя основателей города. 6,8% (15 чел.) людей ответили неверно.

На рисунке А.6. видно, что как в 2013 году, так и в 2015 году данная целевая аудитория хорошо осведомлена о том, кто является основателями Уральской столицы.

На вопрос «Чем славится Екатеринбург?», 45,7% (102 чел.) респондентов ответили, что Екатеринбург славится промышленностью. 9,4% (21 чел.) указали, что Екатеринбург славится границей Европа-Азия, а также многочисленными памятниками, 8,5% (19 чел.) назвали заводы символом Екатеринбурга.

На диаграмме (рисунок А.7) можно увидеть, что ситуация в разное время исследования немного изменилась. В качестве основной характеристики прославляющей город, по-прежнему остается «промышленность», второе место к «границе Европа-Азия» добавились памятники, а вот третий символ «Столица Урала» сменился на «Заводы».

Основными событиями мирового значения в г. Екатеринбурге 32,3% (72 чел.) респондентов считают Саммит ШОС и БРИК. Для 22,4% (50 чел.) – это заявка города

на ЭКСПО-2020, а 18,8% (42 чел.) затруднились ответить на данный вопрос.

Как в 2015 г., так и в 2013 г. (рисунок А.8) первое место занимает «Саммит ШОС», единственное, что респонденты в нынешнем году вспоминали сразу два Саммита и писали их как одно целое значение, нежели в 2013 г. Второе место в этом году сменилось с «Иннопрома» на «Экспо-2020». Возможно, это связано с тем, что заявка города на проведение Всемирной выставки Экспо-2020 была на год позднее, чем появление Международной промышленной выставки «Иннопром», а также, быть может, участие города в «Экспо» считается жителями Екатеринбурга как более крупное и международное событие.

Ассоциативный метод выявил 83 характеристики г. Екатеринбурга. Для 37,7% (84 чел.) – Екатеринбург – «родной». 35,9% (80 чел.) назвали его «красивым». 26,5% (59 чел.) указали, что Екатеринбург «любимый», а для 23,8% (53 чел.) – «грязный». Далее следовали такие характеристики города как «деловой», «серый», «развивающийся», «промышленный», «дорогой» и т.д.

На рисунке А.9 можно отследить, насколько изменилось отношение людей к Екатеринбургу. В 2013 г. было получено всего 54 характеристики города, в свою очередь в 2015 г. было выявлено 83. На диаграммах представлены основные шесть ассоциаций, связанные с городом. Первые два значения остались на прежних местах, строчка с названием «Грязный» в 2013 г. сместилась на 4 место, а «любимый» в нынешнем занимает 3 место. Можно сделать вывод, что за два года люди активнее стали отзываться о городе, но по сравнению с предыдущими показателями негативных характеристик стало больше.

Проанализировав результаты анкетирования, можно сделать вывод о том, что молодая часть населения города Екатеринбурга по-прежнему, как и в 2013 г., любит свой город. 72,3% отметили положительные стороны города, и только 27,7% – отрицательные. В 2013 г. эти показатели составляли 76,5% и 23,5% соответственно. Как показало пред-

ыдущее и нынешнее исследование уровень знаний истории Уральской столицы находится на не очень высоком уровне, особенно это касается года основания города. Вследствие этого данная целевая аудитория не особо представляет цельный образ Екатеринбурга как города с богатой и великой историей.

Во второй группе «**Анкетирование жителей г. Екатеринбурга в возрасте старше 25 лет**» было опрошено 177 респондентов – жителей города Екатеринбурга в возрасте старше 25 лет. Из них: 114 женщин, что составило 64%; 63 мужчины, что составило 36%.

В этом социологическом опросе (рисунок А.10.) приняло меньшее количество респондентов мужского пола, нежели в предыдущем исследовании (рисунок А.11).

По возрасту респонденты распределились следующим образом: от 26 до 40 лет – 147 человек (83%), старше 41 года – 30 человек (17%). На рисунках А.12 и А.13 можно увидеть количество человек по возрастным ограничениям.

Участники исследования должны были ответить на 5 вопросов анкеты.

Первый вопрос представлял собой ассоциативный метод, в котором респонденты должны были указать не более пяти ассоциаций, связанных с городом. Итого было получено 15 характеристик г. Екатеринбурга. У 80,2% (142 чел.) респондентов Екатеринбург ассоциируется с промышленностью. У 63,27% (112 чел.) – с царской семьей Романовых. 61,01% (108 чел.) ассоциируют город с первым президентом. Далее были такие характеристики, как «рок», «граница Европа-Азия», «культура» и т. д.

Диаграммы (рисунок А.14.) показывают, насколько изменилось восприятие людей к Уральской столице. Как и два года назад город напрямую связывают с промышленностью, однако негативные стороны, связанные с царской семьей, теперь стали на строчку выше.

Следующий вопрос выяснял, соответствует ли представление гостей города с отличительными характеристиками Екатеринбурга. Для этого участникам исследования необходимо было указать, с какими из следующих утверждений они согласны: «Екатеринбург инвестиционно-привлекателен», «Екатеринбург – зеленый

город», «Екатеринбург – экологически чистый город», «Екатеринбург – город с развитой инфраструктурой», «Екатеринбург – территория перспективного сотрудничества с другими странами», «Екатеринбург – социально-ответственный город», «власть Екатеринбурга компетентна и профессиональна». Анализ выявил, что 82% (145 чел.) респондентов считают, что «Екатеринбург инвестиционно-привлекателен», 59% (103 чел.) указали, что «Екатеринбург – территория перспективного сотрудничества с другими странами». Для 47% (84 чел.) «Екатеринбург – город с развитой инфраструктурой», 6% (10 чел.) считают «Екатеринбург – зеленый город», а 3% (6 чел.) «Екатеринбург – социально-ответственный город».

На рисунке А.15 можно отследить, как за два года поменялись характеристики Екатеринбурга. Изменилось лишь отношение горожан к тому, что город обладает не настолько хорошей территорией для мирового сотрудничества, как это было в 2013 г.

Третий вопрос анкеты показал, каким видят участники анкетирования имидж города Екатеринбурга. Ответы распределились следующим образом. Положительным имидж города Екатеринбурга считает 68% (121 чел.) респондентов. Отрицательным – 4% (8 чел.). 27% (48 чел.) людей ответили, что у города нет имиджа. А 1% назвали имидж города «нейтральный», «серый и заводской», а также указали Екатеринбург «как придверный коврик – всегда грязный и униженный».

На рисунке А.16 видно, как за два года поменялся имидж города в глазах данной целевой аудитории. На настоящий момент люди стали положительнее относиться к Екатеринбургу.

На вопрос «Какие исторические события повлияли на имидж Екатеринбурга?» 47% (84 чел.) респондентов ответили, что, прежде всего, это расстрел царской семьи. 34% (60 чел.) участников указали в качестве исторического события Саммит ШОС и БРИК. Для 12% (22 чел.) – это строительство танков и самолетов во время Великой Отечественной войны, а 12% (21 чел.) опрошенных затруднились ответить. Далее идут «Ельцин»,

«ЭКСПО», «развитие промышленности», «заводы», «Иннопром», «таковых не было» и др.

Рисунок А.17 демонстрирует малую осведомленность аудитории об исторических событиях города, нежели это было в 2013 г. В тот год граждане активнее отвечали на данный вопрос и давали больше вариантов ответов.

Следующий вопрос показал 43 символа Екатеринбурга. Главным символом 47% (83 чел.) респондентов считают городскую «Плотинку», 37% (65 чел.) считают, что это «Высоцкий». Для 34% (60 чел.) это граница Европа-Азия и цирк.

Рисунок А.18 показывает 4 популярные характеристики города. Из диаграммы видно, что к числу узнаваемых символов в 2015 г. прибавились «Высоцкий» и «Граница Европа-Азия». Самым узнаваемым символом по-прежнему остается городская «Плотинка».

Подводя итоги анкетирования, можно сделать вывод, что за два года люди старше 25 лет неплохо овладели информацией о городе, что может способствовать информированию других целевых аудиторий.

В третьей группе «**Анкетирование гостей г. Екатеринбурга из других городов России**» был опрошен 71 респондент – гости города Екатеринбурга из других городов России.

Из них: 48 женщин, что составило 68%; 23 мужчины, что составило 32%. На рисунке А.19 и рисунке А.20 можно увидеть количество принявших участников в социологическом опросе по половому признаку.

По возрасту респонденты распределились следующим образом: от 18 до 25–31 человек (44%), от 26 до 40 лет – 24 человека (34%), старше 41 года – 16 человек (22%). На рисунке А.21 и рисунке А.22 обозначены возрастные ограничения.

Участникам исследования предлагалось ответить на 6 вопросов анкеты, в ходе которой были получены следующие результаты.

Первый вопрос представлял собой ассоциативный метод, в котором респондентам было предложено написать не более пяти ассоциаций, связанных с городом. Итого было получено 22 ассоциаций с г. Екатеринбургом.

У 53,5% (38 чел.) респондентов Екатеринбург ассоциируется с промышленностью. У 36,6% (26 чел.) – с границей Европа-Азия. 29,6% (21 чел.) ассоциирует город с царской семьей и первым президентом РФ Б.Н. Ельциным. 25,4% (18 чел.) город связывают с роком. С культурой город ассоциируют 16,9% (12 чел.), а 15,5% (11 чел.) – с криминалом. Далее идут ассоциации «торговые центры», «искусство», «Столица Урала».

Рисунок А.23 демонстрирует, насколько в 2015 г. у людей возникает мало ассоциаций с Екатеринбургом. Промышленность, как и всегда, стоит на первом месте, а показатель, связывающий город с царской семьей, очень снизился, что должно положительно сказываться на имидже.

Второй вопрос выяснял, соответствует ли представление гостей города с отличительными характеристиками Екатеринбурга. Для этого участникам исследования необходимо было указать, с какими из следующих утверждений они согласны: «Екатеринбург инвестиционно-привлекателен», «Екатеринбург – зеленый город», «Екатеринбург – экологически чистый город», «Екатеринбург – город с развитой инфраструктурой», «Екатеринбург – территория перспективного сотрудничества с другими странами», «Екатеринбург – социально-ответственный город», «власть Екатеринбурга компетентна и профессиональна». Анализ выявил, что большинство респондентов согласны только с тем, что «Екатеринбург инвестиционно-привлекателен» и «Екатеринбург – город с развитой инфраструктурой». Эти два показателя набрали одинаковое количество ответов – 54 (9%).

На рисунке А.24 можно отследить интересную ситуацию, как за два года менялись характеристики Екатеринбурга. По четырем показателям в этом году снизилось число голосов, однако три других получили намного больше откликов, нежели в предыдущем исследовании. За два года Екатеринбург стал социально-ответственным и с более подходящей территорией для сотрудничества с другими странами.

Третий вопрос выявил, каким видят респонденты имидж города Екатеринбурга.

Ответы распределились следующим образом. Положительным имидж города Екатеринбурга считает 64,8% респондентов (46 чел.), а 22,5% респондентов (16 чел.) отметили, что у Екатеринбурга имиджа как такового и нет. Отрицательным имидж города назвали 4,2% респондента (3 чел.), а 8,5% затруднились с ответом, лишь один из участников опроса указал на тот факт, что Екатеринбург «грязный и пыльный город».

На рисунке А.25 видно, что ситуация с имиджем города ухудшилась. Респонденты в этом году начали указывать такие варианты, как отрицательный и не имеющий имиджа город.

Четвертый вопрос анкеты показал, с какой целью люди чаще всего посещают город Екатеринбург. Ответы распределились следующим образом. 69% респондентов (49 чел.) ответили, что посещают город с личными целями. 16,9% (12 чел.) – с целью получения образования, 12,7% (9 чел.) – с целью туризма и лишь 9,9% (7 чел.) по работе, а 1,4% респондентов (1 чел.) указал, что город посещает лишь потому, что проезжает мимо.

В нынешнем году ситуация несколько изменилась. Теперь люди больше предпочитают ездить по личным делам, нежели по работе. В свою очередь город стал интереснее для туризма (рисунок А.26).

На вопрос «Какие исторические события повлияли на имидж Екатеринбурга?» 35,2% респондентов (25 чел.) затруднились ответить. 29,6% опрошенных (21 чел.) сказали, что на имидж Екатеринбурга повлияло убийство царской семьи, а 15,5% (11 чел.) считают, что на имидж повлияли такие крупные мероприятия, как Саммит ШОС и БРИК. Развитие промышленности отметили 9,9% респондентов (7 чел.), далее следуют переговоры Путина и канцлера ФРГ Шредера (7,04%), участие города в ВОВ (5,6%). Рисунок А.27 демонстрирует, что люди, спустя два года, стали более информированы об исторических событиях, связанных с Уральской столицей.

Основным символом города 29,6% (21 чел.) считают Храм-на-Крови. За ним следует «Плотинка» 19,7% (14 чел.), 15,5% (11 чел.)

респондентов отметили БЦ «Высоцкий», цирк указали 14,8% (10 чел.) опрошенных. Основными символами Екатеринбурга затруднились назвать 12,7% (9 чел.) респондентов. Потом следуют заводы города 11,3% (8 чел.) и поровну распределились голоса между районом «Уралмаш» и заводом «Уралмаш» – по 9,9% (7 чел.). В 2015 г. люди намного активнее называли символы города, главный символ, по мнению гостей, по-прежнему – Храм-на-Крови (рисунок А.28).

Подводя итоги анкетирования, можно сделать вывод, что данная целевая аудитория в целом считает имидж города положительным и осведомлена о городе достаточно хорошо по сравнению с предыдущим исследованием.

И в самой последней, четвертой, группе «Анкетирование людей, которые не были в г. Екатеринбурге» было опрошено 65 респондентов – людей, не бывших в городе Екатеринбурге.

Из них: 51 женщина, что составило 79%, 14 мужчин, что составило 21%. На рисунке А.29 и рисунке А.30 можно увидеть количество принявших участие в социологическом опросе по половому признаку.

По возрасту респонденты распределились следующим образом: от 18 до 25 – 35 человек (54%), от 26 до 40 лет – 21 человек (32%), старше 41 года – 9 человек (14%). На рисунке А.31 и рисунке А.32 обозначены возрастные ограничения.

Участникам исследования было предложено ответить на 4 вопроса анкеты.

Первый вопрос представлял собой ассоциативный метод, в котором надо было написать не более пяти ассоциаций с городом. Итого было получено 16 ассоциаций. У 41,5% (27 чел.) респондентов Екатеринбург ассоциируется с промышленностью, 35,4% (23 чел.) связывают Екатеринбург с Б. Н. Елициным. 29,2% (19 чел.) ассоциируют город с границей Европы и Азии, а 26,2% (17 чел.) – с Романовыми.

Рисунок А.33 демонстрирует, как за два года изменились ассоциации с Екатеринбургом.

Второй вопрос показал, каким видят респонденты имидж города Екатеринбурга. Ответы распределились следующим об-

разом. Положительным имидж города Екатеринбурга считает 70,8% (46 чел.) респондентов, 13,9% (9 чел.) опрошенных указали, что у Екатеринбурга совсем нет имиджа, а 10,8% (7 чел.) участников опроса считают имидж отрицательным. Помимо этого 4,6% (3 чел.) респондентов указали следующие трактовки, касающиеся имиджа Уральской столицы – «плохие дороги, грязный», «умеренный», а один участник столкнулся со сложностью при выборе ответа на данный вопрос.

Рисунок А.34 указывает на то, что теперь гости города считают, что Екатеринбург не обладает никаким имиджем.

Четвертый вопрос анкеты выявил, с какой целью респонденты готовы совершить поездку в Уральскую столицу. Ответы распределились следующим образом. 60% (39 чел.) респондентов ответили, что посетили бы город с личными целями. 30,8% (20 чел.) – с целью туризма, 12,3% (8 чел.) – с целью образования и лишь 7,7% (5 чел.) – для работы. Также были получены такие ответы, как «проездом», «надеюсь, не придется» и «не знаю».

В нынешнем году ситуация несколько изменилась. Теперь люди больше предпочитают посещать город для туризма, нежели по работе. Чуть сократились поездки по личным целям, однако люди стали выбирать город для получения образования (рисунок А.35).

На вопрос «Чем известен Екатеринбург?» 15,4% (10 чел.) респондентов ответили, что город знаменит благодаря промышленности, 12,3% (8 чел.) затруднились ответить, такое же количество указали Б.Н. Ельцина, 10,7% (7 чел.) опрошенных сказали, что город своей известности обязан артистам. На рисунке А.36 видно, что за два года люди стали менее информированы.

По полученным результатам анкетирования можно сделать вывод, что данная целевая аудитория считает имидж города положительным, однако все знания этих людей о Екатеринбурге, как и два года назад, сводятся к общеизвестным фактам, не имеющим практически никакого отношения к происходящему в настоящее время в Уральской столице.

Екатеринбург разными аудиториями воспринимается по-разному, но существуют

некоторые точки соприкосновения разных взглядов на отдельные моменты из жизни города. А именно – возникающие ассоциации с Уральской столицей.

На основе полученных результатов был проведен ассоциативный метод, который позволил выделить всего шесть узнаваемых образов Екатеринбурга. Сюда относятся: «Екатеринбург-труженик», «Екатеринбург-граница», «Екатеринбург-цареубийца», «Екатеринбург-первый президент», «Екатеринбург-музыкант» и «Екатеринбург-преступник». В свою очередь, в 2013 г. было получено восемь характеристик, однако большинство из них совпадает с образами нынешнего исследования.

С 2013 г. администрацией Екатеринбурга были предприняты следующие технологии геобрендинга: развитие туристической инфраструктуры; социальная реклама с достопримечательностями города на станции метро 1905 г. и в трамвае № 18; конкурсы среди жителей на создание логотипа Екатеринбурга и на дизайн рекламной сувенирной продукции; рекламная поддержка и проведение мероприятий (Иннопром, Чемпионат мира по программированию ACM-ICPC, Первый этап Кубка России по пейнтболу). Однако это не оказало нужного эффекта, поскольку ситуация с имиджем Екатеринбурга осталась прежней.

Имидж города в глазах целевых аудиторий, как и два года тому назад, недостаточно понятный и однозначный. В большинстве случаев Екатеринбургу приписывают отрицательные характеристики, такие как убийство царской семьи или города, интересного только с промышленной точки зрения, что тянет за собой слабую экологию, грязь и серость. Основная проблема в том, что Екатеринбург в настоящее время не обладает каким-либо ярко-выраженным имиджем, который способен бы был выделить его на фоне других городов.

Для решения выявленных проблем в ходе исследования были сформулированы возможные модели позиционирования города, а также предложены технологии геобрендинга для формирования положительного имиджа Екатеринбурга.

**Екатеринбург – деловой центр России.** В этом контексте можно сломать стереотип о том, что город интересен исключительно с промышленной точки зрения. Уральская столица – идеальное место для делового туризма. Для этого необходимо чаще транслировать информацию о том, в каких ресторанах лучше проводить деловые встречи, давать полный список компаний, с которыми можно сотрудничать, помимо этого надо организовывать и проводить масштабные деловые мероприятия.

В качестве технологий в данном случае подойдут:

- сувенирная продукция, где будет обозначен символ Екатеринбурга, как города идеального для ведения бизнеса;
- реклама города и его возможностей на целевых рынках;
- реклама города в самом городе для формирования интереса местных жителей заниматься предпринимательской деятельностью;
- выпуск буклетов, брошюр, книг с наименованиями компаний, которые открыты для сотрудничества и партнерства;
- создание сайта города именно с точки зрения ведения бизнеса; сайт будет предназначен как для русских, так и для иностранных предпринимателей, где бизнесмены смогут найти всю интересующую для них информацию;
- проведение разного масштаба мероприятий, связанных с бизнесом;
- реклама на телевидении, где можно показать весь потенциал Екатеринбурга;
- проведение образовательных и просветительных мероприятий для внутренних аудиторий; благодаря таким урокам люди смогут понять и, возможно, вступят в ряды предпринимательской деятельности.

**Екатеринбург-туристический.** Благодаря такому позиционированию, город ломает стереотип о том, что Екатеринбург не интересен для туризма и что стоимость туристических услуг высокая. В этом контексте город позиционируется как хороший вариант, где можно хорошо и недорого отдохнуть. Здесь следует раскрыть такие аспекты, как и чем лучше добраться до города, где вкуснее и дешево

покушать, удобно и красиво расположиться и хорошо развлечься.

В эту же категорию можно включить такое позиционирование, как Екатеринбург – семейный город, где можно рассказать, как интереснее, веселее и полезнее провести время с детьми.

Здесь в данном случае технологиями будут выступать:

- сувенирная продукция с логотипом города;
- реклама на телевидении, где возможно показать, насколько город пропитан многолетней историей, а также многочисленными достопримечательностями и возможностями удивить и порадовать туристов города;
- арт-брендинг (Екатеринбургу есть, что показать на улицах города, который полон многочисленных видов, размеров, смыслов и идей в виде стрит-арта; это выступает как своего рода местная достопримечательность);
- музыка (Екатеринбург многим известен как столица рока, родина известных рок-исполнителей, поэтому необходимо использовать это в продвижении города);
- разработка специального уникального туристического маршрута, который способен раскрыть всю палитру красок Екатеринбурга;
- создание и постоянная работа со специализированными сайтами и страницами в социальных сетях;
- буклеты, брошюры, книги с историей и достопримечательностями города.

**Екатеринбург – чистый город.** В данном случае город ломает стереотип и мнение о том, что Екатеринбург грязный, серый, безликий город. Необходимо создать чувство принадлежности жителей к городу, показать, что каждый из них может повлиять на судьбу, на состояние города, тем самым сделав его лучше.

Для решения такой задачи на помощь могут прийти следующие технологии:

- брошюры и буклеты, в которых будут раскрываться актуальные проблемы города, мотивация жителей сделать Екатеринбург лучше своими усилиями, а не при помощи указаний на то, какой он грязный и плохой;

- социальные видеоролики, где речь пойдет о том, как «чистота» влияет на человека, и что может измениться после благоустройства города;

- акции и мероприятия по совместному озеленению, уборке территорий;

- привлечение промышленных предприятий (внешние аудитории считают город неэкологичным и ассоциируют его с заводами, поэтому надо, чтобы крупные промышленные предприятия принимали участие в социальных проектах, а также можно разработать экскурсионные маршруты на заводах города и больше давать информации об их деятельности в СМИ);

- реклама города в самом городе для лояльности местного населения (жители должны вникнуть в суть проблемы и понять, что Екатеринбург грязный, «благодаря» их совместным усилиям);

- привлечение СМИ к данной проблеме поможет привлечь также внимание жителей города.

**Екатеринбург – город с богатой историей.** Такое позиционирование позволит устранить проблему недостаточной осведомленности целевых аудиторий об истории города Екатеринбурга.

В качестве технологий могут выступить:

- конкурс среди местного населения на разработку слогана, отражающего богатую, великую историю города;

- создание социальных видеороликов, аудиороликов с раскрытием основной информацией о жизни Екатеринбурга;

- брошюры и буклеты с раскрытием основной информацией о жизни Екатеринбурга;

- социальные мероприятия, призванные открыть жителям и гостям города исторические справки в жизни Екатеринбурга (на настоящий момент существует нечто подобное – Администрация города совместно с ЕМУП «Екатеринбургский метрополитен» открыли выставку фотографий, где во время ожидания поезда и в самом вагоне можно посмотреть на достопримечательности города, а также на подземку изнутри, однако из недочетов данного проекта отмечается отсутствие подписей к фотографиям, поэтому не всегда понятно, что

изображено на снимках и где это находится; помимо этого в прошлом году в трамвае № 18 можно было узнать много интересного о культурной составляющей города);

- использование партизанской рекламы (в местах массового скопления людей (остановочные комплексы, транспорт) разместить плакаты, конкурсы, игры на проверку знаний о городе – в игровой форме информация лучше и легче воспринимается);

- стимулирование и муниципальная поддержка проектов, направленных на продвижение города как города с богатой историей;

- проведение образовательных и просветительных мероприятий для внутренних аудиторий;

- разработка специального уникального туристического маршрута, который способен раскрыть всю палитру красок Екатеринбурга;

- реклама города, его истории в самом городе для информирования местного населения;

- сувенирная продукция, которая позволит запомнить особые моменты из городской жизни.

Правильно выстроенная бренд-стратегия позволит не только улучшить имидж города, но и повысить его инвестиционную привлекательность. Главное – понимать, что работа над созданием бренда геопродукта – это сложный, целенаправленный и осознанный процесс, который требует выбора ведущих специалистов в разных областях науки. Результатом такого стратегического управления и развития территории будет успешно-сформированный позитивный имидж города.

---

1. Визгалов Д.В. Бренддинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.

2. Прохоров А.В. Бренд университета как основа территориального бренда // Бренддинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч. – практ. очно-заоч. конф. [отв.ред. А.М. Бритвин]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 166.

---

1. Vizgalov D.V. Branding goroda. M.: Fond «Institut e'konomiki goroda», 2011. 160 s.

2. Proxorov A.V. Brend universiteta kak osnova territorial'nogo brenda // Branding malyx i srednix gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy: materialy Vseros. nauch. – prakt. ochno-zaoch. konf. [otv.red. A.M. Britvin]. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2012. S. 166.

## ПРИЛОЖЕНИЕ А

### Иллюстрации

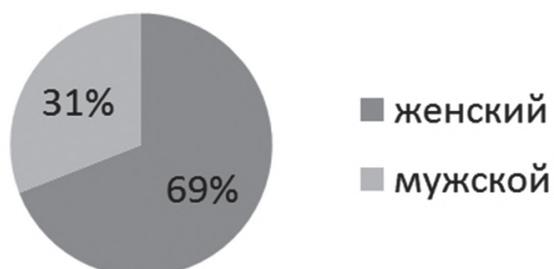


Рисунок А.1 – Пол респондентов 2015 г.

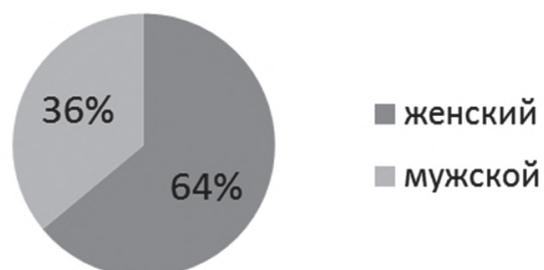


Рисунок А.2 – Пол респондентов 2013 г.

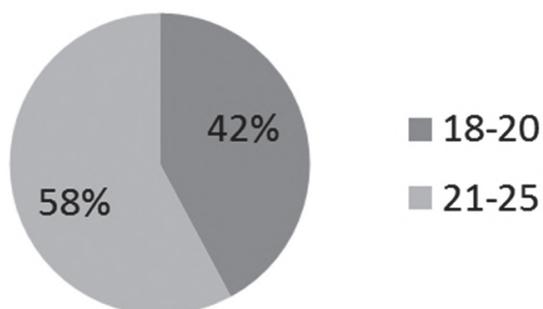


Рисунок А.3 – Возраст участников 2015 г.

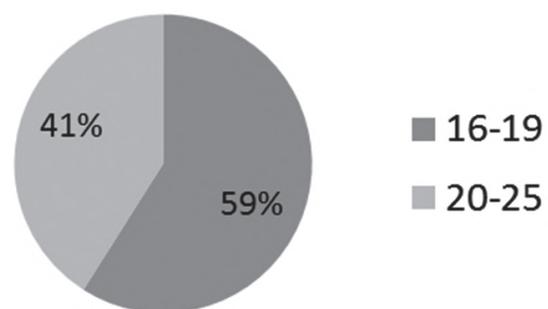


Рисунок А.4 – Возраст участников 2013 г.

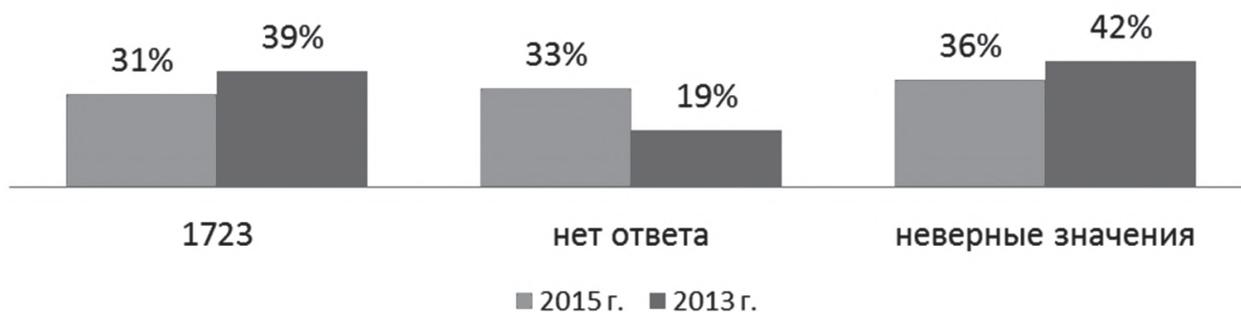


Рисунок А.5 – Год основания

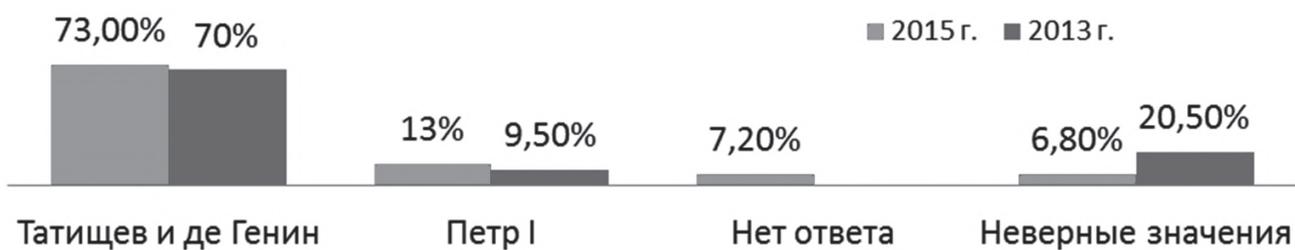


Рисунок А.6 – Основатели города

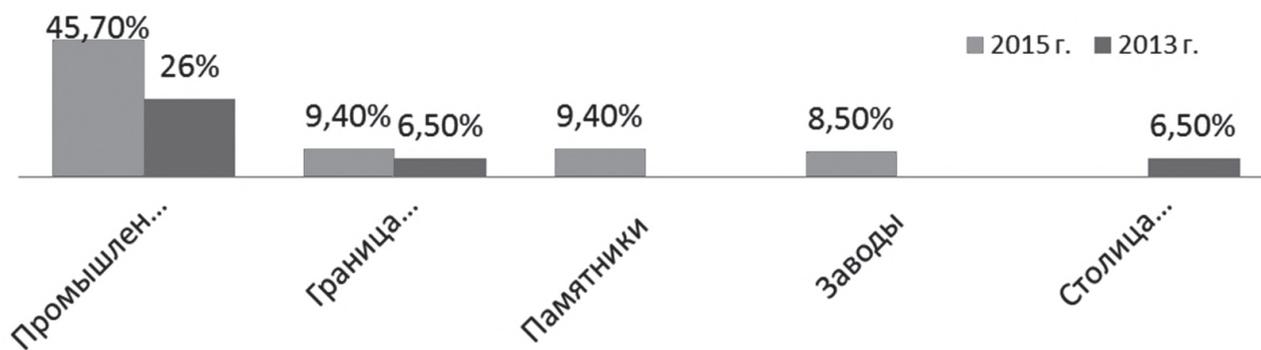


Рисунок А.7 – Символ города



Рисунок А.8 – События

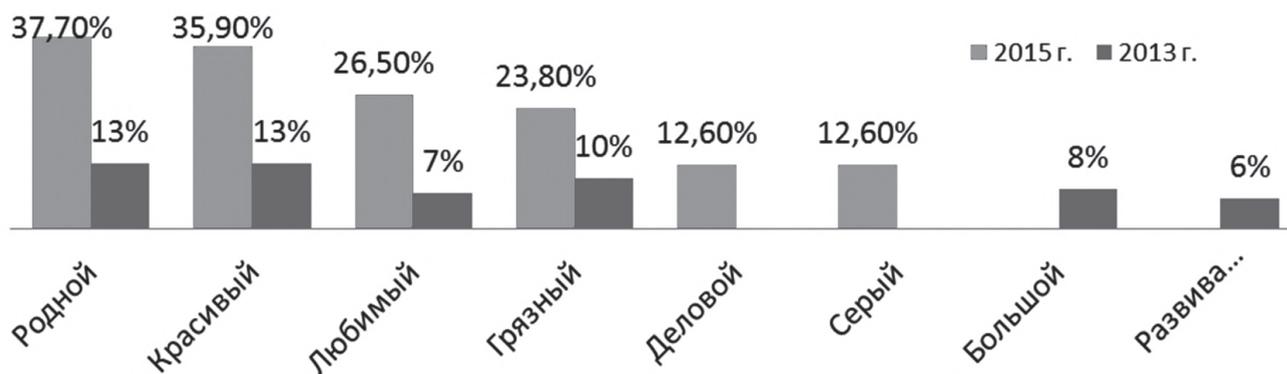


Рисунок А.9 – Ассоциации

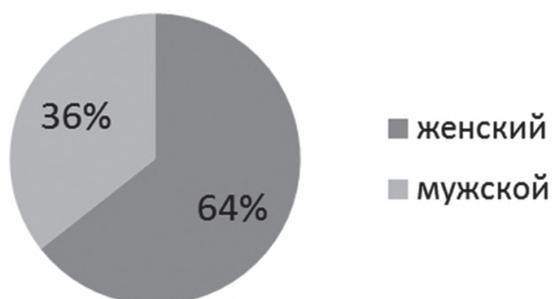


Рисунок А.10 – Пол 2015 г.

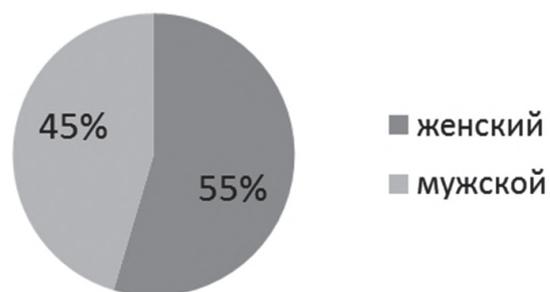


Рисунок А.11 – Пол 2013 г.

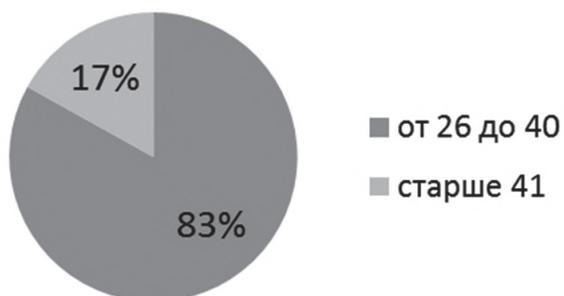


Рисунок А.12 – Возраст участников 2015 г.

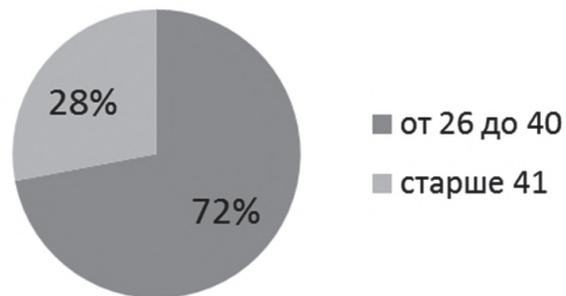


Рисунок А.13 – Возраст участников 2013 г.

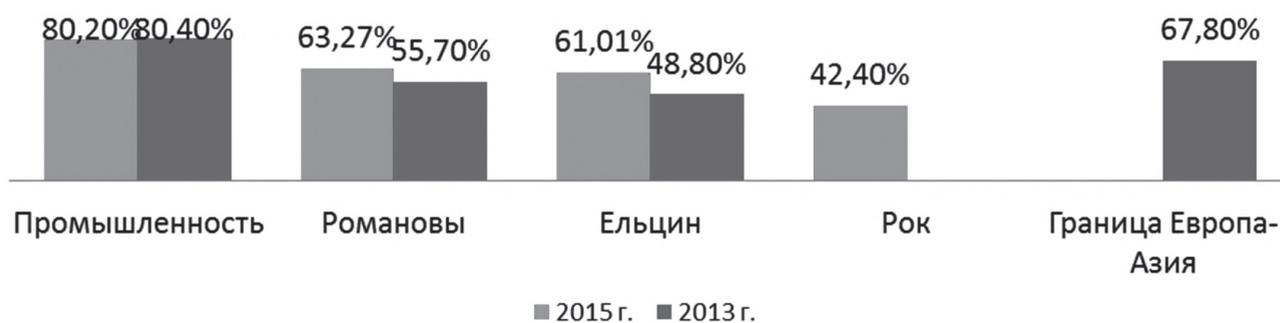


Рисунок А.14 – Ассоциации

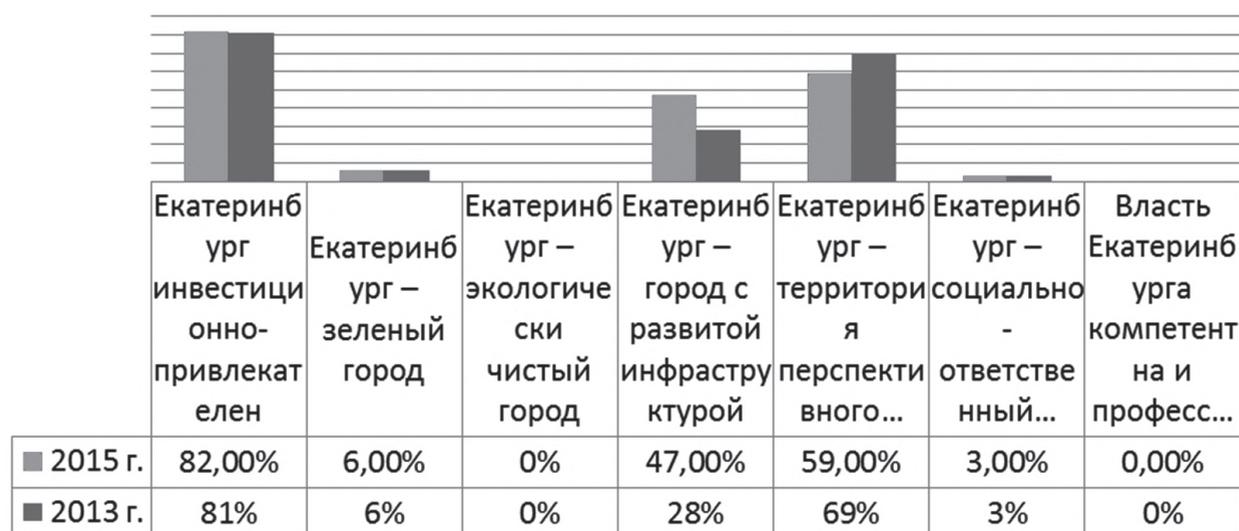


Рисунок А.15 – Характеристики Екатеринбурга



Рисунок А.16 – Имидж Екатеринбурга

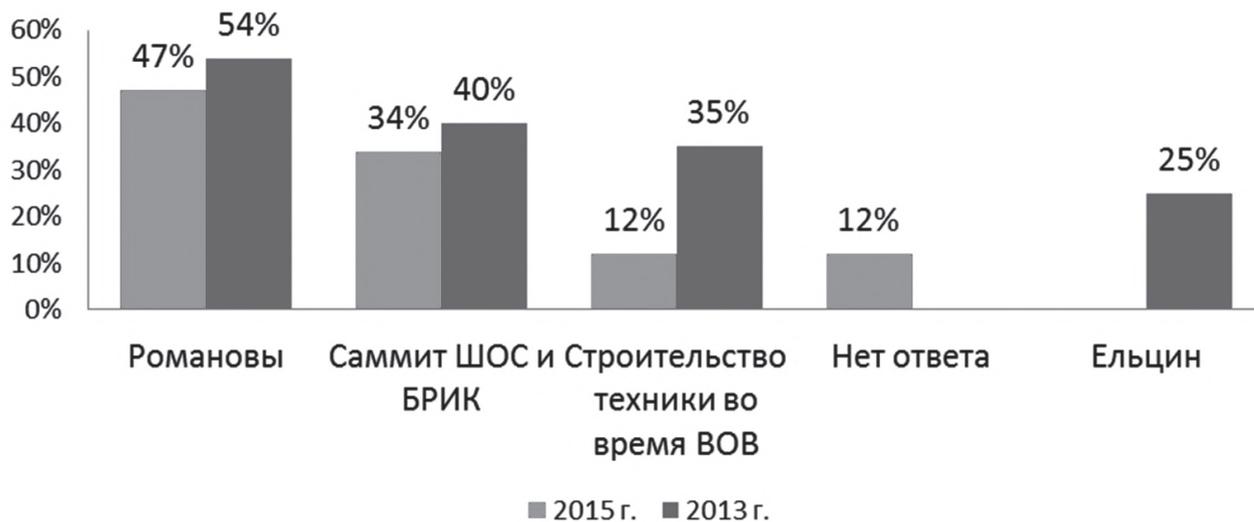


Рисунок А.17 – Исторические события Екатеринбурга

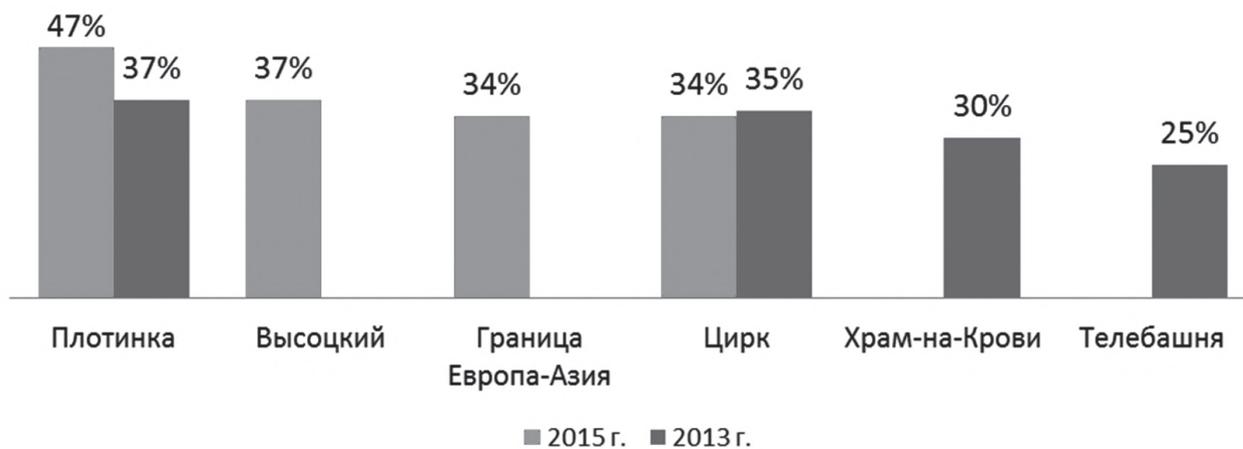


Рисунок А.18 – Символы Екатеринбурга

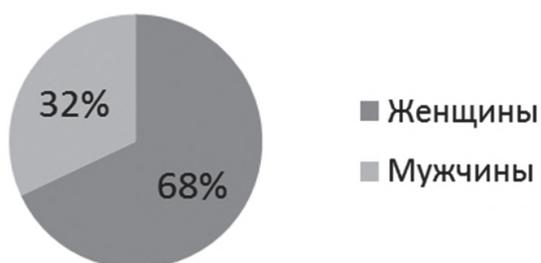


Рисунок А.19 – Пол участников 2015 г.

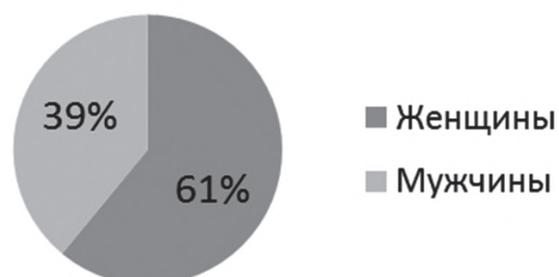


Рисунок А.20 – Пол участников 2013 г.

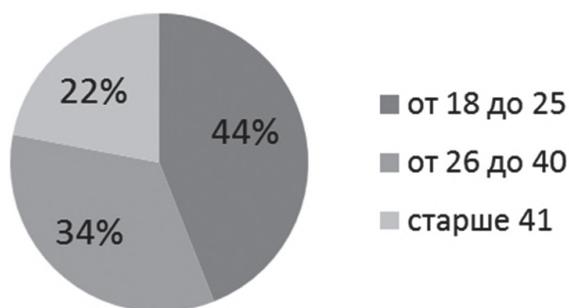


Рисунок А.21 – Возраст 2015 г.

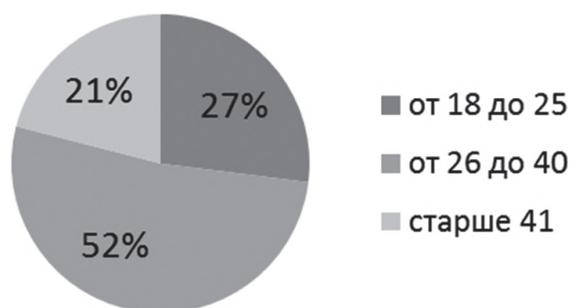


Рисунок А.22 – Возраст 2013 г.

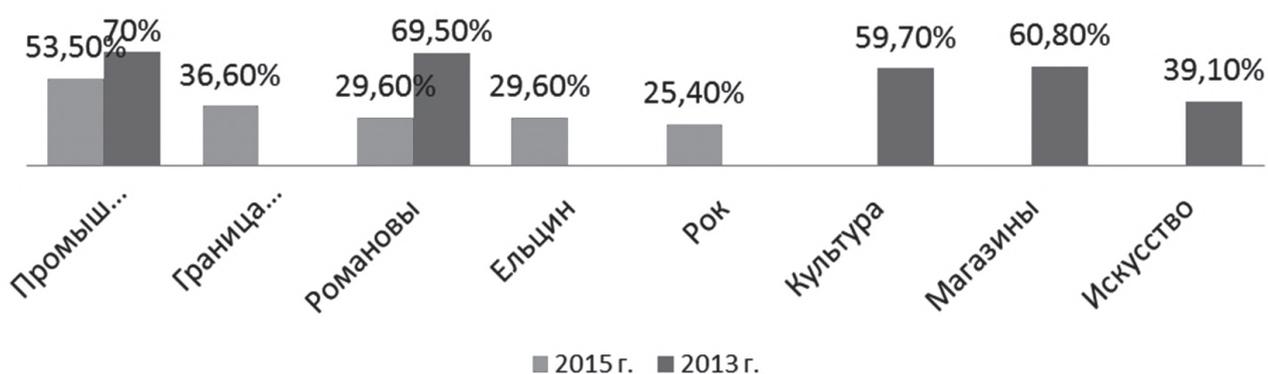


Рисунок А.23 – Ассоциации с Екатеринбургом

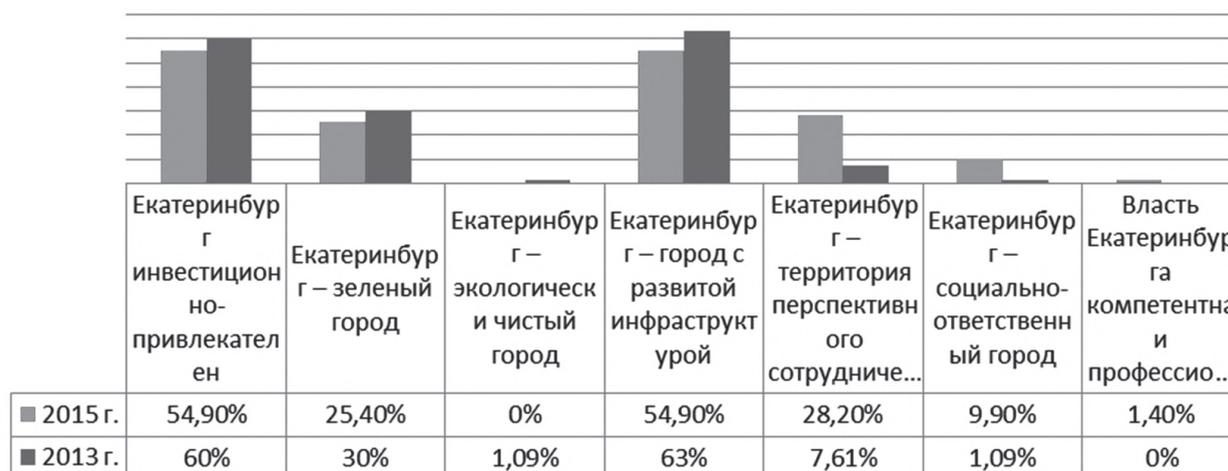


Рисунок А.24 – Характеристики города

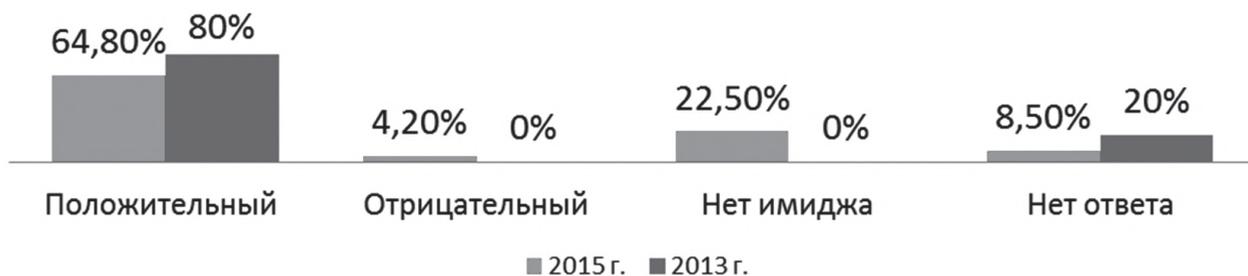


Рисунок А.25 – Имидж города

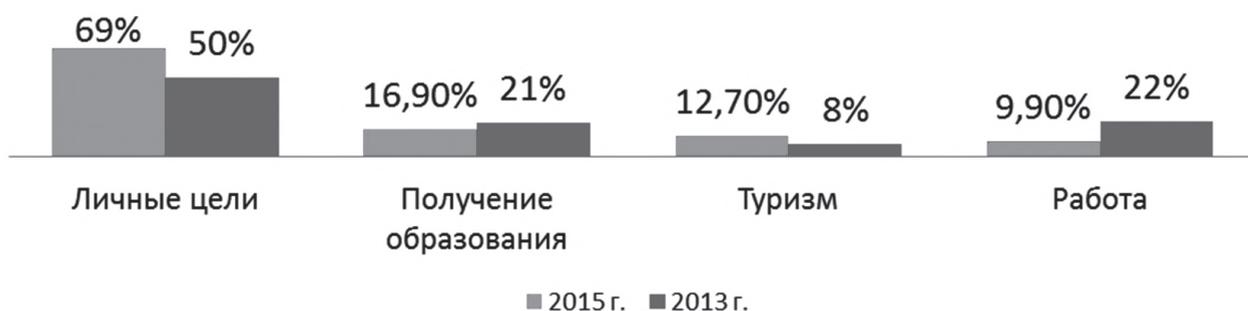


Рисунок А.26 – С какой целью люди посещают Екатеринбург

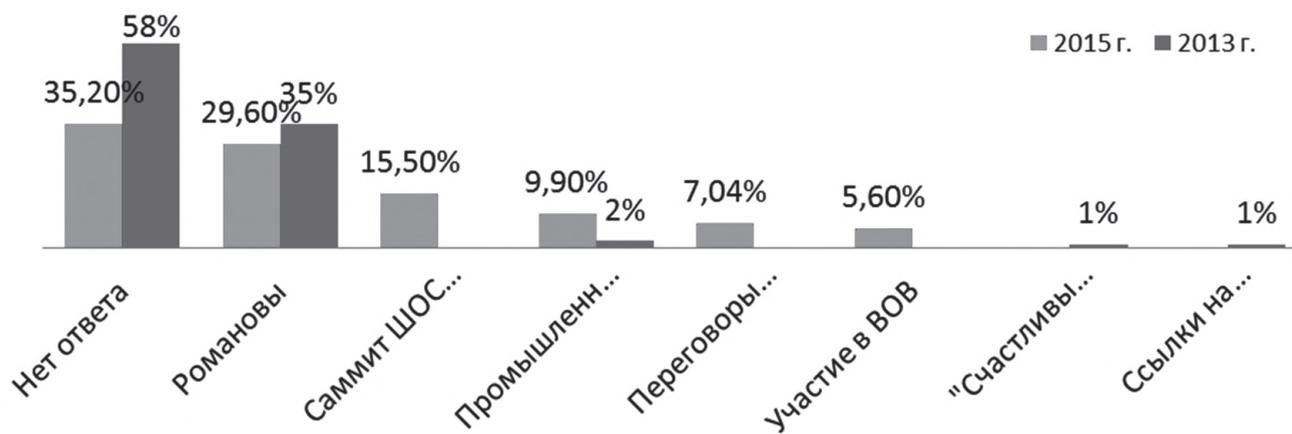


Рисунок А.27 – Исторические события

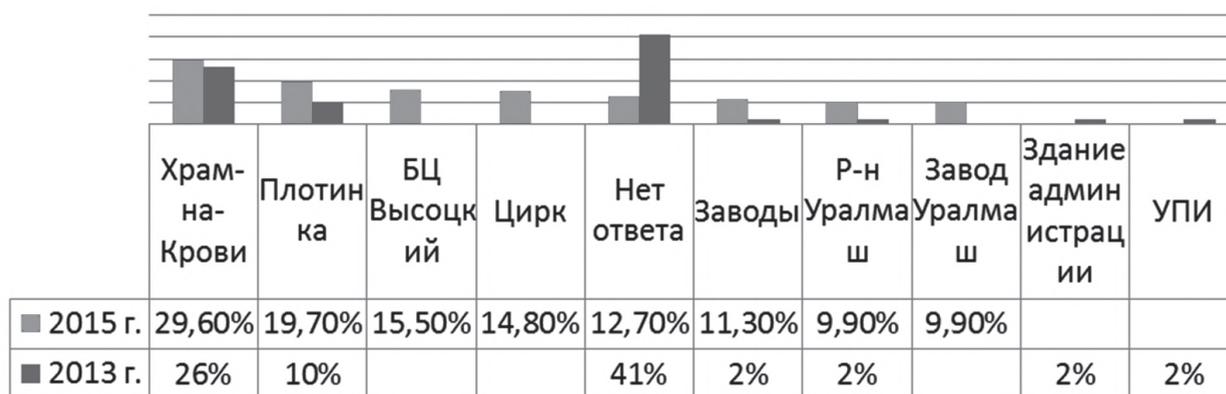


Рисунок А.28 – Символы города

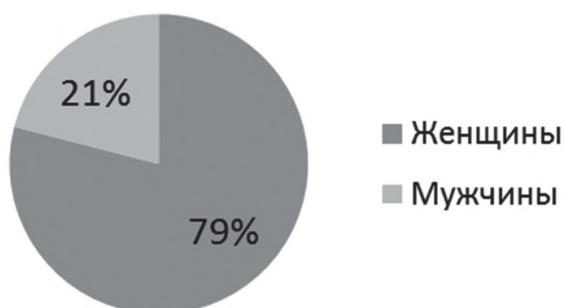


Рисунок А.29 – Пол участников 2015 г.

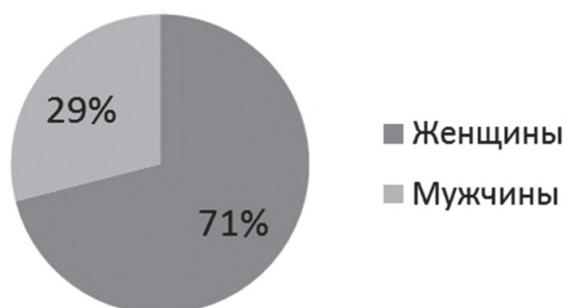


Рисунок А.30 – Пол участников 2013 г.

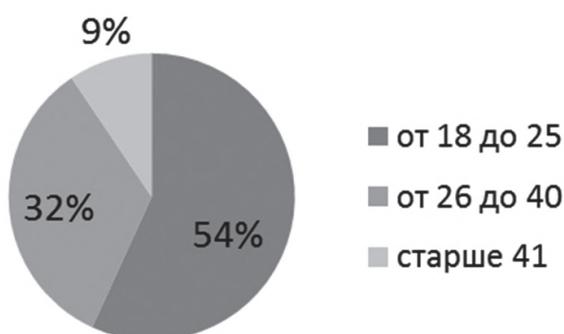


Рисунок А.31 – Возраст 2015 г.

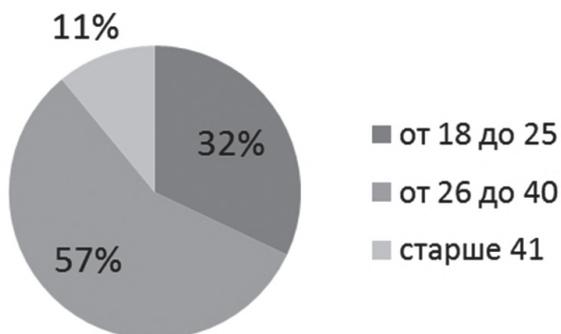


Рисунок А.32 – Возраст 2013 г.

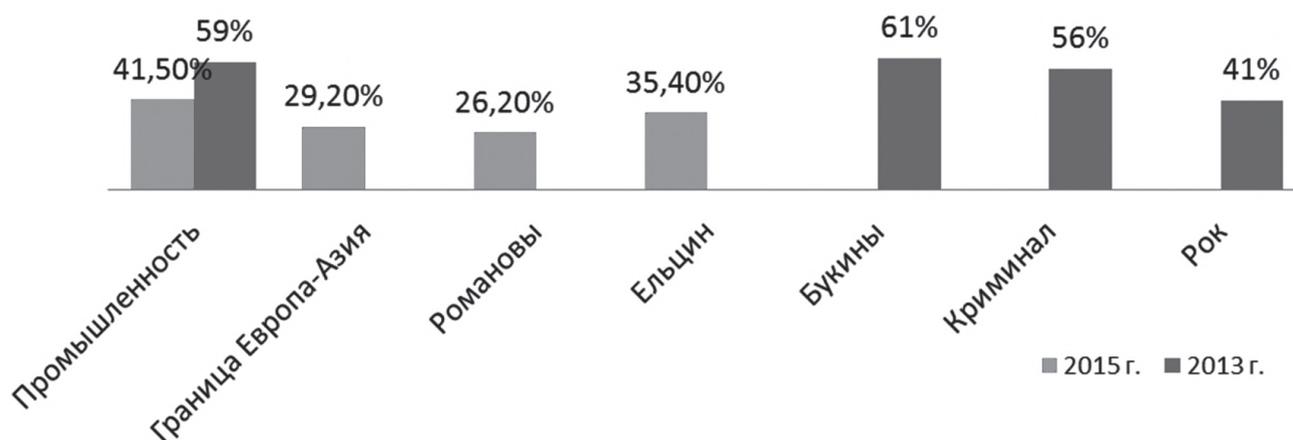


Рисунок А.33 – Ассоциации



Рисунок А.34 – Имидж города

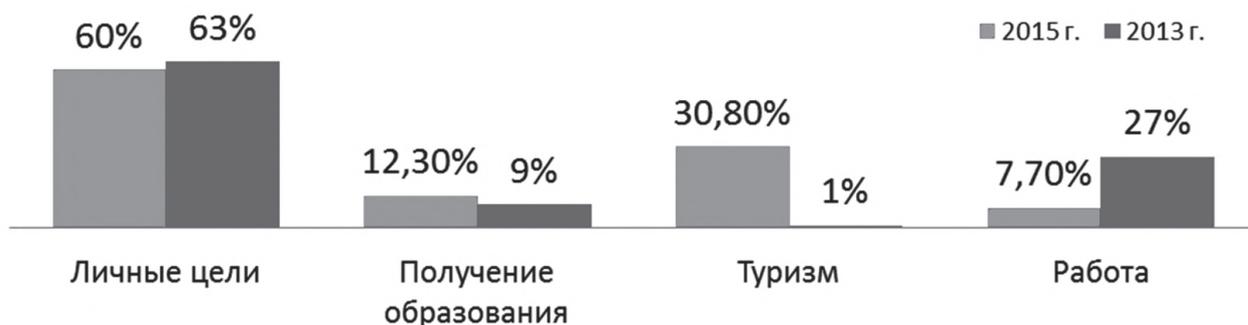


Рисунок А.35 – С какой целью приезжают в город

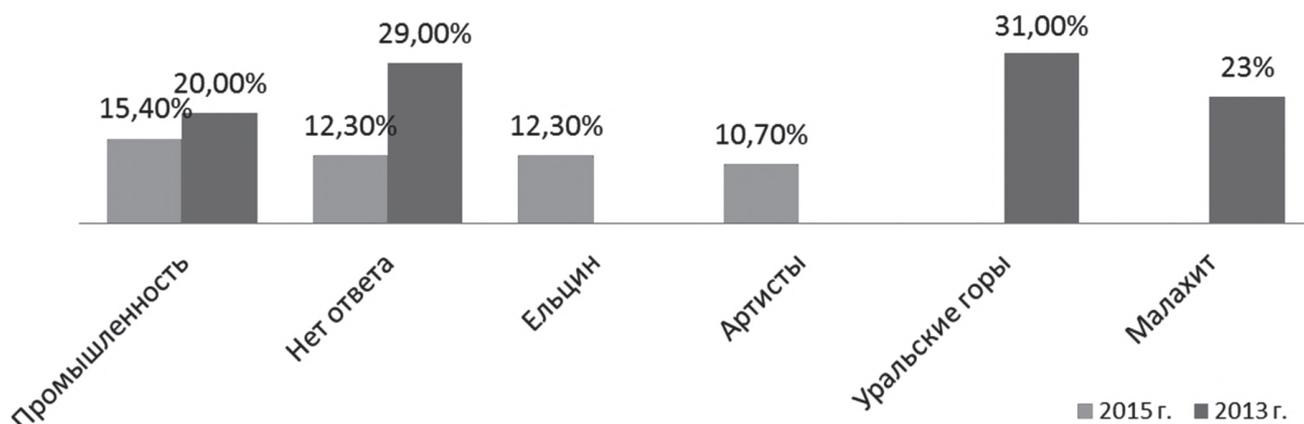


Рисунок А.36 – Чем известен город

UDC 316.454.5

## YEKATERINBURG GEOBRANDING FOR EXTERNAL AND INTERNAL TARGET AUDIENCES: ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

**Popova Olga Ivanovna,**

Institute of international relations,  
head of Department of advertising and public relations,  
candidate of sociological Sciences, Professor,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: o.popova63@mail.ru

**Grigorieva Ekaterina Sergeevna,**

Ural Bank for reconstruction and development,  
Department of Internet communications,  
Leading specialist,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: kate-gri@yandex.ru

**Morozova Irina Yurjevna,**

Institute of international relations,  
master,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: irina\_morozova@hotmail.com

### *Annotation*

The article is devoted to the comparative analysis of the various target audiences Yekaterinburg city image sociological relationship research results held in 2012, 2013 and 2015 years. Research methods were questionnaire, online questionnaire. The target audience was selected on the principle of respondent in Yekaterinburg presence/absence. There were citizens from 18 to 25 years old, residents over 25 years old, guests from other cities of Russia and people who have never been to Yekaterinburg.

The results of the surveys helped to identify not only relationship of residents and visitors to Yekaterinburg, but also to determine the strengths and the weaknesses of Yekaterinburg image, and to determine the Ural capital six recognizable images in 2015 year and compare them with 2013 year eight characteristics.

To solve the problems identified within the research, city positioning possible models were formulated and geobranding technologies for the city positive image formation were developed.

### *Key words:*

geobranding, region branding, the Yekaterinburg image, the sociological research results, the Yekaterinburg model positioning and geobranding technologies.

УДК 316.7

## ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА



**Зеркаль Дарья Анатольевна,**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
аспирант,  
Екатеринбург, Россия  
E-mail: [dasha-zerkal@yandex.ru](mailto:dasha-zerkal@yandex.ru)

### *Аннотация*

В статье обозначены основные тенденции трансформации информационного пространства, произошедшие вследствие широкого распространения цифровой формы передачи данных, компьютеризации и распространения глобальных коммуникационных сетей. Данные изменения существенно повлияли на роль государства как субъекта информационного пространства и отразились на государственной информационной политике.

### *Ключевые слова:*

информационное пространство, государственная информационная политика, информационная безопасность, медиатизация политики.

В современном мире многократно возрастает роль и значение информации. В самом общем смысле эта информация представляет собой результат семантической деятельности человечества и формирует собой глобальное информационное пространство [11]. В более узком значении под информационным пространством понимается процесс коммуникации различных субъектов, а также технологии и каналы, обеспечивающие данную коммуникацию. При этом субъектами информационного пространства могут выступать отдельные индивиды, группы, компании, органы государственной власти. То есть вся совокупность институтов, создающих, накапливающих, хранящих и распространяющих информацию. Информационное пространство образуется информационными ресурсами, средствами информационного

взаимодействия и информационной инфраструктурой.

Государство является важнейшим субъектом, функционирующим в информационном пространстве и одновременно регулирующим и формирующим его на конкретной территории.

С середины XX века с появлением цифрового способа передачи данных, развитием технологий хранения, передачи информации и последующим появлением глобальных информационных сетей структура информационного пространства значительно усложнилась, многократно увеличился объем информации, возросло ее экономическое и политическое значение. Контроль информации стал одним из факторов национальной безопасности.

Все вышеперечисленные изменения привели к необходимости формирования го-

сударственной информационной политики. Информационная политика стала важнейшим направлением государственного управления. Отечественный исследователь Нисневич Ю. А. достаточно точно определил, что «информационная политика представляет собой совокупность целей, отражающих национальные интересы в информационной сфере, стратегии, тактике, задачах государственного управления, управленческих решений и методов их реализации, разрабатываемых и реализуемых государственной властью для регулирования и совершенствования как собственно процессов информационного взаимодействия в общественно-политической жизни и социально-экономической сфере жизнедеятельности общества и государства, так и процессов обеспечения такого взаимодействия» [8].

При этом государственная информационная политика функционирует в информационном пространстве и вынуждена динамично меняться, сообразно тем тенденциям и изменениям, которые претерпевает само информационное пространство. Таким образом, вслед за информационным пространством, государственная информационная политика представляет собой постоянно трансформирующуюся систему.

В данной статье мы обозначим основные тренды трансформации информационного пространства, существенно изменившие государственную информационную политику. Несмотря на то, что глобальные изменения технологий создания и распространения информации произошли в середине XX века, наиболее отчетливо данные тенденции стали проявлять себя в эпоху повсеместного распространения персональных компьютеров и сети Интернет, т. е. с середины 80-ых годов прошлого века.

*Появление новых акторов глобального информационного пространства, конкурирующих с государством.*

Повсеместное распространение персональных компьютеров значительно ускорило и удешевило процесс создания и распространения информации. Огромное количество людей были включены в процесс работы с информацией. Создание и распространение информации

перестало быть профессиональной сферой деятельности узкого круга лиц. Эта тенденция не абсолютна, особенно если рассматривать функционирование средств массовой коммуникации. Однако с появлением глобальных коммуникационных сетей информационное пространство также стало глобальным. Вследствие этого государство утратило монопольное право на контроль производства и распространения информации на данной территории.

Сегодня наравне с государством в информационном пространстве, а особенно в массовой коммуникации, представлены различные политические силы, коммерческие структуры, гражданские объединения. Даже отдельные индивиды, зачастую, становятся значимыми акторами массовой коммуникации.

И если раньше дискуссия о том, кто управляет информационным пространством, строилась вокруг вопросов о соотношении государственных и частных средств массовой информации, свободе слова и пропаганде, то сегодня под сомнение ставится сама способность государства регулировать данную сферу, задавая правила субъектам информационного пространства.

С одной стороны, государство, как и прежде, остается доминирующим субъектом информационного пространства. Например, за государством остается право выдавать лицензии на вещание средствам массовой информации, воздействовать на них экономически, определять, какая информация является угрозой национальной безопасности и так далее. Эффективным методом контроля каналов коммуникации остается правовое регулирование различных аспектов работы СМИ, распространения данных и других, которое полностью остается задачей государства.

Однако очевидной становится тенденция к ослаблению контроля над содержанием информации. Например, в 2013 году власти США были вынуждены внести поправки в акт Смита-Мундта, который запрещал вещание пропагандистских СМИ Америки на территории страны. Этот закон был принят в 1948 году и закреплял структуру информационного пространства США, структурно разделяя ее на два контура:

внутренний и внешний. Внутренний должен был работать для создания полного одобрения внешнеполитического курса правительства внутри страны, концентрируясь на внутренних проблемах. Относительно внутренних вопросов допускался плюрализм мнений. Внешний контур был направлен на противостояние популяризации коммунистических идей в других государствах. В современных условиях выполнение данного акта стало бессмысленным, так как граждане США, при желании, получают полную информацию через Интернет. Таким образом, правительство США признало, что система контроля содержания информации, разработанная в XX веке, устарела, а государство утратило способность безраздельно ее контролировать.

Это привело к пересмотру отношения к информационной безопасности. Второй тенденцией трансформации информационного пространства, на которую вынуждена реагировать государственная информационная политика, – *Актуализация проблем информационной безопасности*.

В самом общем смысле информационная безопасность представляет собой состояние сохранности информационных ресурсов, баз данных, конфиденциальности, целостности и доступности информации [5]. В контексте государственной информационной политики информационная безопасность представляет собой «состояние защищенности национальных интересов государства в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [4].

Под интересами личности понимается свободный доступ к информации в интересах всестороннего развития личности, защита личных сведений и другие законодательно закрепленные права. Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов граждан, достижении и поддержании социальной стабильности.

К интересам государства можно отнести создание, поддержание и развитие информационной инфраструктуры, обеспечение прав граждан в сфере информации, обеспечение национальной безопасности, суверенитета

государства и социальной, экономической и политической стабильности, а также законности и правопорядка.

При этом в обеспечении национальной безопасности в информационной сфере традиционно выделялось четыре направления:

Первое направление условно можно назвать технологическим, подразумевает развитие современных информационных технологий, создание внутри государства собственной индустрии, обеспечивающей нужды информатизации, телекоммуникационных систем и связи. В современном мире не многие страны могут позволить себе такие наукоемкие отрасли и чаще всего не обладают «технологическим» суверенитетом от США.

Второе направление – защита информационных ресурсов от различного рода кибератак и несанкционированного доступа. Оно включает в себя защиту информационных систем, включая сети связи, информационных систем органов государственной власти, финансовых учреждений, промышленных предприятий, а также систем и средств информатизации вооружения и военной техники, систем управления войсками и оружием, экологически опасными и экономически важными производствами.

Третье направление включает в себя информационное обеспечение государственной политики. Оно связано с доведением до граждан информации о государственной политике, официальной позиции власти по значимым вопросам, поддержанием единого информационного пространства на всей территории государства.

Четвертое – сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала государства. Данное направление подразумевает определенную идеологическую составляющую.

Однако с развитием и повсеместным распространением цифровой передачи данных и Интернета данные направления претерпели существенные изменения. Информация, передаваемая в сети Интернет, виртуальна. Она не имеет конкретного местоположения, зачастую полностью анонимна, за счет свойств сетевого пространства, имеет высокую скорость распространения. Если с технологической точ-

ки зрения борьба с вредоносными вирусами и кибератаками остается актуальным приоритетом государства, то в сфере идеологии позиции государства значительно ослабли. Сама природа сетевой коммуникации ускользает от средств безопасности и защиты, разработанных в среде традиционной коммуникации, которыми в совершенстве владеет государство. Ряд государств пытается сохранить контроль над сетевым пространством, однако прибегает при этом к радикальным мерам, неприемлемым для демократических государств. Например, КНР с 1998 года разрабатывала систему фильтрации содержимого Интернета, а в 2003 году ввела в эксплуатацию систему «Золотой щит», которая представляет собой сеть серверов на Интернет-канале между провайдерами внутри страны и международными сетями передачи информации. Веб-сайты, базирующиеся на территории Китая, не могут ссылаться и публиковать новости, взятые из зарубежных новостных сайтов или СМИ, без специального одобрения, также веб-страницы фильтруются по ключевым словам, связанным с государственной безопасностью, а также по черному списку адресов сайтов.

Другой тенденцией трансформации информационного пространства является *Усиление противоречий и повышение его конкурентности.*

С развитием сетевого пространства возрастает роль горизонтальной коммуникации. Многократно возрастает значение неформальных каналов связи в процессе коммуникации, доверие к официальным источникам и каналам передачи информации снижается. Следствием этого становится учащение случаев ошибок коммуникации, искажения информации и нарастание пассивного протеста участников сетевой коммуникации против сложившейся системы массовой коммуникации.

В качестве примера данной тенденции можно привести неоднократные случаи неточных цитат первых лиц государства, которые при многократном тиражировании в блогах теряли первоначальное значение, превращаясь в информационные поводы для желтой прессы. Также участились случаи «вброса» информации через блоги или сообщения в социальных сетях.

Например, в июне 2013 г. таким способом повсеместно была распространена информация об отставке главы ОАО «РЖД Якунина В.И. Позже стало известно, что новость была отправлена с домена на один символ отличающегося от правительственного.

Следствием многократного увеличения количества информации стало изменение способов обратной связи политической коммуникации. Количество поступающей информации превосходит объективные возможности восприятия человека. Современный человек не может потреблять такое количество информации, в том числе и политического характера. Следствием этого становится формирование пассивной позиции к участию в политической жизни. Снижение значимых контактов власти и общества приводит к нарушению обратной связи. Коммуникация, происходящая посредством официальных каналов связи, таких как средства массовой информации, становится односторонним процессом, снижается доверие населения к таким каналам. Это приводит к повышению конкуренции в информационном пространстве. Различные каналы коммуникации вынуждены бороться не только за внимание аудитории, но и за ее доверие.

При этом можно говорить о тенденции *Монополизации информационного пространства.*

На первый взгляд, кажется, что указанная тенденция противоречит повышению конкуренции в борьбе за потребителя. Данная тенденция относится, в первую очередь, к официальным средствам массовой информации. Так, достоверно известно, что монополия на производство контента средств массовой информации, кино и продуктов поп-культуры принадлежит США. При этом 90% всех каналов информации распределяются между пятью основными американскими корпорациями: Time Warner, News Corporation, The Walt Disney Company, Viacom/CBS Corporation, Comcast/NBC Universal.

Следует подчеркнуть, что все эти медиакорпорации являются американскими лишь по юрисдикции своих головных структур. Многие из указанных компаний имеют дочерние компании и филиалы практически во всех

странах Европы. Например, конгломерату P. Мердока News Corporation в Великобритании принадлежат газеты The Times, The Wall Street Journal Europe, The Sun и The Sunday Times, а также телекомпании SKY Italia (доля 100%), British Sky Broadcasting (39%) и Sky Deutschland (49,9%) [2]. Таким образом, можно говорить о монополизации крупными корпорациями производства медиа-контента и огромной доли традиционных каналов массовой коммуникации. Этот фактор не может не учитываться при формировании государственной информационной политики. Особенно когда речь идет о защите национальных интересов и обеспечении «идеологического» доминирования на территории.

Так, например, многие государства оказались вынуждены поддерживать национальный кинематограф, который не выдерживает конкуренции с популярными голливудскими фильмами. Германия и Великобритания для поддержки национального кинематографа пошли по пути развития государственной поддержки и поощрения финансирования киноиндустрии частными компаниями. Во Франции для оказания государственной поддержки кинопромышленности создан Национальный киноцентр, финансирующий киноиндустрию напрямую. Однако, несмотря на это, Американские фильмы представляют около 65% от всего рынка кинематографа в европейских странах, тогда как доля европейских фильмов составляет около 3% в американском прокате [6].

Еще одной характерной чертой информационного пространства в сфере политической коммуникации стала *Медиатизация политики*.

Под медиатизацией понимается взаимопроникновение политического и медийного пространства, в результате чего происходит переход политических символов и смыслов в виртуально-медийную область» [10].

В целом виртуальная область или виртуальное пространство – это «область технических, технологических и социальных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в процессе использования компьютерной или иной электронной технической сети по поводу информации, информационных

ресурсов, информационных услуг и средств связи» [12]. Виртуальное пространство обладает рядом характеристик: нематериальность воздействия (изображаемое производит эффекты, характерные для вещественного); условность параметров (объекты искусственны и изменяемы); эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования) [7].

Таким образом, виртуальная реальность предполагает взаимодействие человека не с вещами, а с симуляциями (симулякрами). В постмодернизме понятие симулякр подчеркивает творческое начало человека, восприятие образов, оторванных от реальности, относящихся скорее к эмоциональным переживаниям индивида. Симулякр представляет собой образ, утративший связь с реальным объектом. «Мир, таким образом, делается собранием кажимостей, мнимостей, фантомов сознания. В лучшем случае оно оперирует знаками, намекающими на какие-то узнаваемые идеи. Знаковой становится слово, речь, печать, искусство, одежда и даже отдельные люди» [1].

В процессе медиатизации политики политическая реальность переносится в виртуальное пространство и также становится объектом симуляции. Это оказывает воздействие на стратегии реализации государственной информационной политики. В виртуальном пространстве простого донесения информации о политических событиях, аргументации политических решений становится недостаточно для эффективного контроля информационной сферы. Повышается значение образа коммуникатора и языка коммуникации, расширяется символическое пространство политики. Все чаще «под воздействием каналов массовой коммуникации социальные и политические противоречия представляются не как столкновение социальных интересов и соответствующих программ, а как столкновение лидеров; происходит вытеснение программной риторики личностной» [3].

Этому во многом способствуют виртуализация политических событий и расширение символического пространства политики, которые разворачиваются в пространстве СМИ по законам кинематографа. Данная тенденция

получила название «шоу-политики». В 60-е годы XX века Ги Дебор в своей книге «Общество спектакля» говорит о том, что в обществе потребления политика становится частью культуры потребления. При этом СМИ, экономика, политика и культура становятся частью спектакля. «Маркетинговые технологии продвижения, позиционирования, отстройки от конкурентов, привлечения внимания публики посредством рекламных практик, получение прибыли в виде определенной выгоды от успешных продаж делает шоу-политику неотъемлемой частью рыночной потребительской культуры. В пространстве данной культуры символический обмен оборачивается утилитарным обменом: инвестиции в производство шоу, потребляемые массовым зрителем, оказываются выгодным капиталовложением» [9].

Данная тенденция оказывает огромное воздействие на государственную информационную политику, одной из задач которой является донесение информации о текущих политических событиях и поддержание курса правящей элиты. В современном мире простой передачи данных становится недостаточно. Средства массовой информации сегодня не просто транслируют сообщения, в новостных СМИ в режиме реального времени разворачивается политическое шоу, в ходе которого различные спикеры раскрывают сюжет заданной информационной повестки. Это существенно повышает требования к качеству транслируемого контента, а также задает новые критерии деятельности PR-подразделений при органах государственной власти.

Таким образом, можно говорить о том, что с развитием цифровых технологий существенно изменилось информационное пространство. Трансформация информационного пространства выражается в ряде тенденций, таких как: появление новых акторов глобального информационного пространства, актуализация проблем информационной безопасности, повышение конкуренции в данной сфере, монополизация каналов коммуникации и производства медиаконтента, медиатизация политики. Данные изменения оказали воздействие на государство как субъект информационного пространства, суще-

ственно изменив принципы государственной информационной политики. Так, с появлением глобального информационного пространства особую актуальность приобрел вопрос идеологического доминирования на территории, государство утратило абсолютную монополию на контроль информации и право на регулирование в данной сфере. Распространение сетевой коммуникации поставило новые задачи в вопросе обеспечения информационной безопасности. А свойства виртуального пространства изменили форму и содержание транслируемой в СМИ политической информации.

---

1. [Url: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolaeva/culture/6.html](http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolaeva/culture/6.html).

2. [Url: http://www.cisnews.org/world/8539-informacionnaya-voyna-komu-prinadlezhat-mirovye-smi.html](http://www.cisnews.org/world/8539-informacionnaya-voyna-komu-prinadlezhat-mirovye-smi.html).

3. [Url: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul54.htm](http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul54.htm).

4. [Url: http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html](http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html).

5. [Url: http://www.securitylab.ru/news/tags/%E8%ED%F4%EE%F0%EC%E0%F6%E8%EE%ED%ED%E0%FF+%E1%E5%E7%EE%EF%E0%F1%ED%EE%F1%F2%FC/](http://www.securitylab.ru/news/tags/%E8%ED%F4%EE%F0%EC%E0%F6%E8%EE%ED%ED%E0%FF+%E1%E5%E7%EE%EF%E0%F1%ED%EE%F1%F2%FC/).

6. [Url: http://www.studio-videoton.ru/Theory/opitevrova.html](http://www.studio-videoton.ru/Theory/opitevrova.html).

7. Ненашев А.И. Развитие социального виртуального пространства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. № 73–1. С. 335–339.

8. Нисневич Ю.А. Информация и власть. М., 2000. С. 9.

9. Русакова О.Ф. Дискурс шоу-политики // Без темы. Научный общественно-политический журнал. 2008.

10. Русакова О.Ф. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4. С. 42–47.

11. С. Переслегин. То, что достаточно для Геродота – 2002.

12. Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как область правового регулирования // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 42–51.

---

1. [Url: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolaeva/culture/6.html](http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolaeva/culture/6.html).

2. [Url: http://www.cisnews.org/world/8539-informacionnaya-voyna-komu-prinadlezhat-mirovye-smi.html](http://www.cisnews.org/world/8539-informacionnaya-voyna-komu-prinadlezhat-mirovye-smi.html).

3. [Url: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul54.htm](http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul54.htm).

4. [Url: http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html](http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html).

5. [Url: http://www.securitylab.ru/news/tags/%E8%ED%F4%EE%F0%EC%E0%F6%E8%EE%ED%ED%E0%FF+%E1%E5%E7%EE%EF%E0%F1%ED%EE%F1%F2%FC/](http://www.securitylab.ru/news/tags/%E8%ED%F4%EE%F0%EC%E0%F6%E8%EE%ED%ED%E0%FF+%E1%E5%E7%EE%EF%E0%F1%ED%EE%F1%F2%FC/).

6. [Url: http://www.studio-videoton.ru/Theory/opitevrova.html](http://www.studio-videoton.ru/Theory/opitevrova.html).

7. Nenashev A.I. Razvitie social'nogo virtual'nogo prostranstva // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo

- pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2008. № 73–1. S. 335–339.
8. Nisnevich Yu. A. Informaciya i vlast'. M., 2000. S. 9.
9. Ruskova O. F. Diskurs shou-politiki // Bez temy. Nauchnyj obshhestvenno-politicheskij zhurnal. 2008.
10. Ruskova O. F. Konceptual'nye osnovaniya strategii cvetnoj revolyucii: teorii soft power, upravlyаемого хаоса i mediatizacii politiki // Socium i vlast'. 2014. № 4. S. 42–47.
11. S. Pereslegin. To, chto dostatochno dlya Gerodota – 2002.
12. Teleshina N. N. Virtual'noe prostranstvo kak oblast' pravovogo regulirovaniya // Yuridicheskaya texnika. 2013. № 7. S 42–51.

---

UDC 316.7

## STATE INFORMATION POLICY IN THE TRANSFORMATION OF THE INFORMATION SPACE

**Zerkal Daria Anatoljevna,**

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,  
graduate student,  
Ekaterinburg, Russia,  
E-mail: [dasha-zerkal@yandex.ru](mailto:dasha-zerkal@yandex.ru)

### *Annotation*

The article outlines the key trends transforming the information space that occurred as a result of widespread forms of digital communication, computerization and dissemination of global communication networks. These changes significantly affected the role of the state as the subject of the information space, and reflect on the state information policy.

### *Key words:*

the information space, state information policy, information security, mediatization policy.

УДК 327.2

## ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ



**Комлева Наталья Александровна,**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
Профессор кафедры теории и истории политической науки,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: komleva1@yandex.ru

### *Аннотация*

Статья посвящена гендерным аспектам применения «мягкой силы» в геополитическом процессе. Утверждается, что искажение и/или разрушение традиционного гендера мужчины и женщины и отрыв гендера от соответствующего ему биологического пола является одной из технологий разрушения лимитрофа геополитического противника и, следовательно, формой геополитической агрессии. Сущность такой технологии состоит в маргинализации Отечества как проявления гендера мужчины и Родины как проявления гендера женщины.

### *Ключевые слова:*

гендер, биологический пол, геополитическая технология, гендерное Отечество, гендерная Родина.

Разрушение лимитрофов противника является эффективной геополитической практикой. Под лимитрофом в данном случае понимается совокупность акторов как государственной, так и негосударственной природы, находящихся в непосредственной или опосредованной непреложной зависимости от мощного геополитического актора-тьютора. В рамках борьбы с геополитическим противником, для его ослабления, производится разрушение его лимитрофа и перевод лимитрофных государств или лимитрофных негосударственных акторов в лимитроф актора-агрессора. При этом применяется как *hard*, так и *soft power*, причем в течение последней четверти века преобладает технология *soft power*. Современные технологии разрушения лимитрофов геополитических противников анализируются и классифицируются в научной литературе с различных точек зрения. Рискнем предложить исследовательский принцип, по на-

шему разумению, еще не применявшийся при исследовании применения технологий «мягкой силы» в геополитических процессах: изучение процесса разрушения геополитических лимитрофов с позиции различия мужского и женского. В данном случае мы станем рассуждать как о гендере, то есть о совокупности социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [6], так и о социальных практиках, жестко predetermined биологическим полом, понимаемым как совокупность основных физиологических различий мужчины и женщины [6]. Таким образом, методологически мы будем опираться как на теорию гендера, так и на биологический детерминизм. Теория гендера связана с теорией социального конструирования: гендер и гендерная идентичность в значительной степени подвержены целенаправленному формированию [8]. Пол,

точнее говоря, половой диморфизм биологического вида человека, подчиняется законам природы и в собственно природных условиях подвергается переформатированию крайне редко – настолько, что этими редчайшими казусами можно смело пренебречь в рассуждениях о геополитических реалиях. Изменение биологического пола и, как следствие, связанных с ним социальных практик, как правило, происходит именно в рамках социума, причем не ранее 30-х годов XX века (первая операция по смене пола зафиксирована в 1931 г.), и является медицинским следствием гендерных особенностей и гендерной идентификации конкретной личности. Переформатирование гендера, как складывающееся объективно под влиянием общецивилизационных изменений, так и субъективно целенаправленное, происходило на протяжении всего прошлого века и особенно усилилось с наступлением века нынешнего. Геополитический аспект целенаправленного изменения гендера мы и постараемся осветить в данной статье.

Гипотеза наша заключается в следующем: **в процессе разрушения геополитических лимитрофов, в сочетании с прочими технологиями, намеренно противопоставляются друг другу пол и гендер с целенаправленным отрывом определенного гендера от соответствующего биологического пола.**

Для выполнения поставленной исследовательской задачи необходимо разделить гендер (гендерную идентификацию) на условный и безусловный типы. Гендер безусловный, на наш взгляд, это точная корреляция биологических задач пола с его гендерной идентификацией и самоидентификацией. В противоположность данному явлению гендер условный представляет собой результат социального конструирования, выражающийся в «корректировке» гендера безусловного в соответствии с так называемым социальным заказом. Содержание и акторов социального заказа в данном случае сложно дифференцировать четко. Отметим лишь то обстоятельство, что социальный заказ, как и гендер, можно, по нашему мнению, классифицировать по критерию его акторов на условный и безусловный. Применительно к изучаемой проблеме: безусловный социальный заказ формируется объективными обстоя-

тельствами существования пола в социуме, а условный – конкретными целями определенного социального актора-конструктора, исходящего при этом из собственных интересов.

Безусловный гендер базируется на биологически предопределенной функции воспроизводства человека как вида и связанном с этим обстоятельством безусловном социальном заказе. В данном случае гендерная функция женщины – вынашивание и выхаживание детей, а гендерная функция мужчины – защита от социальных уязвимостей<sup>1</sup> как потомства, так и женщины прежде всего в наиболее ответственный период вынашивания и выхаживания женщиной малолетнего ребенка.

### **Безусловный гендер (безусловное Отечество) мужчины**

Визуальным выражением безусловного гендера мужчины является известная скульптура девочки с васильком на Солдатском поле под Волгоградом, где на бетонном воспроизведении «солдатского треугольника», т. е. письма с фронта, находятся строки реального письма фронтовика-отца к пятилетней дочери: «Моя черноглазая Мила! Посылаю тебе василек. Представь себе: идет бой, рвутся вражеские снаряды, кругом воронки, и здесь же растет цветок. И вдруг еще один взрыв, василек сорван. Я поднял его и положил в карман гимнастерки. Цветок рос, тянулся к солнцу, но его сорвало взрывной волной... Мила! Папа Дима будет биться с фашистами до последней капли крови, до последнего вдоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим цветком. Что тебе непонятно, мама объяснит».

Обеспечение защиты от социальных уязвимостей требует наличия стратегического мышления<sup>2</sup>, то есть способности к прогно-

1 Социальная уязвимость в данном случае означает ограниченность или невозможность доступа к жизненно важным биологическим и/или социальным ресурсам. Определения социальной уязвимости см.: Мингазова А.М. Дети-сироты как социально уязвимая группа населения: автореф. дис. ... канд. социол.н. М., 2005. 27 с.

2 Энциклопедия практической психологии «Психологос» дает следующее определение стратегического мышления: «Стратегическое мышление – направленное к цели мышление, основывающееся на прогнозе будущего». См.: Психологос. Энциклопедия практической психологии. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.psychologos.ru/articles/view/strategicheskoe\\_myshlenie](http://www.psychologos.ru/articles/view/strategicheskoe_myshlenie) (дата обращения: 06.08.2014).



Рисунок 1 – «Девочка с васильком»  
на Солдатском поле под Волгоградом

ному определению трендов развития социума в целом, а также трендов социального развития в определенных областях жизнедеятельности. Защита женщины и потомства предполагает и наличие чувства ответственности, т. е. стремления и умения предвидеть последствия как чужих, так и собственных действий, стремления и умения обеспечить необходимый результат, а также принятие на себя вины за несостоявшийся предполагаемый результат. В связи с этим мужчине абсолютно необходимо мышление строго логического типа. Говоря суммарно, **безусловный гендер мужчины состоит в поиске и обретении смыслов существования и функционирования трех взаимосвязанных сущностей: мира в целом, данного социума и конкретной семьи** (общее, особенное, единичное) – и **передача этих смыслов женщинам и детям в необходимой и соответствующей моменту форме, как вербальной,**

**так и поведенческой.** В основном передача смыслов осуществляется в виде формулирования и/или поведенческого представления норм, правил и законов социального поведения. Совокупность найденных смыслов образует, на наш взгляд, индивидуальное безусловное Отечество (производное от слова «отец»), т. е. систему ценностей и поведенческих паттернов, обеспечивающих выживание и развитие потомства мужчины. В данном случае не имеет значения, является ли мужчина отцом в реальности, имеется в виду то «коллективное бессознательное» отцовства, которое заложено в подсознательном мужчины как биологического существа и объективно побуждает его к поиску метафизических и социальных смыслов. Результирующая смысловых поисков мужчин данного социума образует его коллективное (социальное) безусловное Отечество.

Безусловный гендер мужчины, рассматриваемый как фактор развития социума, имеет своим следствием преобладание мужской культуры над женской в ходе исторического развития человечества. Подавляющая часть открытий науки, подавляющая часть социальных технологий, включая технологии политические – произведены мужчинами и являются практическими следствиями мужской культуры. Традиционное общество и традиционная семья – это общество и семья с доминированием мужчины, но не доминированием в его примитивной силовой форме, будь то насилие физическое или психологическое, а с доминированием ментальным и поведенческим. В рамках безусловного гендера мужчина дальше и четче видит необходимые тренды, лучше умеет находить адекватные ответы на риски и уязвимости, более ответственен и предсказуем, нежели женщина. В силу этого условный гендер мужчины – это социальные роли, связанные с экономическим, социальным и политическим доминированием, в том числе с доминированием силового характера, а также с доминированием в сфере духовного производства. Здесь Отечество безусловное переходит в форму Отечества условного, т. е. в систему норм и правил социального поведения, базирующуюся на определенной системе смыслов. Говоря об обществе в целом, отметим, что безусловное и условное социальное

Отечество (система норм и ценностей социума в целом) могут совпадать, но чаще всего функционируют в разных социальных пространствах. Отечество условное прочно подчинено условному социальному заказу, базирующемуся на конкретных интересах определенных социальных акторов. Таким образом, условное Отечество имеет несколько форм существования в рамках одного и того же социума, что предопределяется разницей коренных интересов различных социальных слоев, т. е. наличием в обществе нескольких социальных заказов, исходящих от всех имеющихся в данном обществе социальных групп. Доминирует же среди них все условное Отечество и социальный заказ правящего класса<sup>3</sup>, располагающего наибольшим объемом и качеством экономических, общесоциальных и политических ресурсов воздействия на общественные процессы. Условное Отечество правящего класса преподносится обществу как Отечество всеобщее, общесоциумное.

Безусловное Отечество мужчины в значительной мере совпадает с совокупностью основных норм определенной религии, или Абсолютного Отечества. Для христианской цивилизации это, конечно, десять заповедей, данных Богом пророку Моисею на горе Синай. **Христианское Абсолютное Отечество как совокупность конкретно выраженных и обусловленных канонических смыслов тождественно безусловному Отечеству мужчины, защищающего семью от разрушительных энергий убийства, воровства, прелюбодеяния, ложных кумиров и т. п.** В той же мере это справедливо в отношении любой другой мировой религии.

На наш взгляд, безусловный гендер мужчины в наиболее точной визуальной форме выражен в христианском изображении Отечества как триединства Отца в виде могучего старца с седой бородой, Сына, изображаемого в виде маленького мальчика на коленях Отца,

и Святого духа в виде летящего на зрителя белого голубя. Это изображение так и называется – Отечество. Отец – это источник Логоса, т. е. смысла и закона существования и развития мира, Сын – это Логос, воплощенный в земном выражении, Дух святой – Логос как таковой в его чисто духовной, метафизической форме.



Рисунок 2 – Икона Отечества. Конец XIV в., Государственная Третьяковская галерея

Абсолютно не случайно то, что в мировых религиях все священники – непременно мужчины. Предоставление возможности женщинам занимать должности священников, практикуемое в современном англосаксонском социуме, является не только и не просто отражением борьбы за социальное равенство женщин, но и выражением процесса переформатирования традиционных основ христианской цивилизации, построенной как на безусловном, так и на условном Отечестве мужчины.

Приведем слова Петра Мамонова, на наш взгляд, выражающие суть Отечества мужчины в обеих его формах: «Плюнь ты на чувства. Нельзя по чувствам жить. Сегодня – солнышко. Завтра – дождичек пошел. Упал, ногу сло-

<sup>3</sup> Рассмотрение состава, происхождения и основных функций правящего класса общества см.: Моска Г. Правящий класс. // Социс. 1994. № 10. С. 187–198; Терборн Г. Что делает правящий класс, когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе. // Логос. 2008. № 6. С. 73–92.



Рисунок 3 – Отечество. Роспись купола храма Иконы Божией Матери Казанская, Московская область, Истринский район, село Ламишино

мал – третье чувство. Жить надо по закону: не «Дай», а «На». Привыкли жить навыворот. У нас на голове, если пощупать, образовалось плоское местечко, на котором удобно стоять. Так и живем – вверх ногами. Все, что Богу угодно, презираем. Сильный помощи слабому. У нас – задави. Богатый – отдай. У нас – хапани, да охрану поставь, чтоб не украли. У нас извращенный взгляд на христианство. А это просто. Сколько крови можешь отдать за другого. Потому что написано: «Что сделал одному из малых сих, то ты сделал Мне (Богу)» [9].

Известный лозунг «Отечество в опасности», имплицитно содержит отсылку к системе базовых смыслов, значимых для всех членов социума, не являясь простым призывом к защите лишь территории и населения конкретной страны от внешнего вторжения. Хранителями Отечества, понимаемого как система базовых смыслов и ценностей данного общества, выступают главным образом государство, церковь и система образования. Соответственно, если необходимо ликвидировать или значительно ослабить геополитического противника, нужно разрушить преимущественно данные его институты. Но прежде и помимо перечисленного необходимо разрушение мужественности и отцовства его мужчин, ликвидация их функции создателей и носителей Отечества в обеих его формах, переформатирование их гендера. Мужчина – это Смысл, Логос. **Искажение, раз-**

**рушительное переформатирование гендера мужчины в данном социуме означает, что этот социум лишился своего Логоса и своей защиты еще до фактического падения соответствующего государства.**

**Технологии переформатирования условного гендера (условного Отечества) мужчины**  
Рассмотрим некоторые технологии целенаправленного социального конструирования (переформатирования) Отечества мужчины.

1) Создание и обеспечение беспрепятственного функционирования ЛГБТ-сообщества как специфического социального института, пропаганда и правовая защита гомосексуальных связей между мужчинами. В отличие от Бога, Творца всего сущего, Дьявол **неплоден**, религиозным дискурсом ему приписывается лишь функция производства лжи («отец лжи»), т. е. функция извращения смыслов, составляющих Абсолютное Отечество. Бог от союза с земной женщиной посредством Духа святого произвел Сына для воплощения Абсолютного Отечества на земле. Дьявол же, повторимся, неплоден, и для дел своих вынужден сам принимать форму тварей Божиих (змей в эпизоде с соблазном Евы, свиньи в эпизоде с исцелением бесноватых Христом<sup>4</sup>). Но Дьявол создает Абсолютное Антиотечество в виде совокупностей смыслов и норм разрушения тварного мира и тварей Божиих. «Однополые браки», гомосексуальные и транссексуальные практики неплодны и служат не защите, но разрушению существующего социального Отечества, прежде всего – безусловного Отечества мужчины, заменяя его безусловным Антиотечеством.

2) Распространение культа гедонизма, в том числе гедонизма сексуального, приводит к разрушению таких важных элементов Отечества мужчины, как а) стратегическое

4 Архиепископ Аверкий (Таушев) отмечает: «Нам не настолько известна природа нечистых духов, чтобы понять, почему им необходимо обитать в живых существах» // Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/01a/averky/gospel4/74.html> (дата обращения: 07.08.2014) Полагаем, хоть и самонадеянно, что причина указана нами в тексте выше: неплодность Дьявола и бесов, а также связанное с их природой стремление испортить и разрушить Божий тварный мир и тварей Божиих – в чем и состоит противостояние и противоборство их с Богом.

мышление (лозунги гедонизма «Живи сегодня!» «Живи наслаждаясь!»), б) понятие долга: перед семьей и перед социумом, в) позитивно окрашенной преобразовательной социальной активности (общество должно быть позитивным для моих детей и моей женщины, матери моих детей). Женщина в рамках гедонистических практик перестает восприниматься как потенциальная жена и мать, она становится объектом сексуального наслаждения – и только. Аберрация восприятия женщины мужчиной «автоматически» снимает у него чувство долга перед ней, стремление защищать и спасать от социальных уязвимостей. Сегодня – одна, завтра – другая, какая разница: женщина конечно, наслаждение вечно. Дети в таком случае становятся нежеланным результатом желанного соития, ни о какой семье в ее традиционном понимании нет речи. Никчемной, ничтожной представляется индивидуальная социальная



Рисунок 4 – Мужской журнал не делает тебя мужчиной. В метро Санкт-Петербурга, 2014 г.



Рисунок 5 – Борода не делает тебя мужчиной. В метро Санкт-Петербурга, 2014 г.

активность, направленная на совершенствование параметров социальной системы, включая систему политическую. Важнейшие элементы безусловного гендера и безусловного Отечества мужчины уничтожаются.

Приведенные выше снимки сделаны в метро Санкт-Петербурга и размещены в социальной сети Фэйсбук Кириллом Коробкиным и Романом Соколовым в рамках их проекта «Be a Man / Будь мужчиной» [10]. Характерно, что у одного из мужчин мы видим в руках журнал «Мужские игры», а не «журнал для пап» «Батя», журнал «Счастливые родители» и т. п. издания.

3) Распространение педофилии. В рамках упоминавшейся выше концепции гедонизма сексуальные контакты с детьми рассматриваются всего лишь как одно из возможных наслаждений, но не как преступление против детства. Мужчина, отец становится не защитником ребенка, но агрессором, разрушителем.

В данном случае Отечество мужчины заменяется прямым и откровенным Антиотечеством. Эта замена поддерживается и провоцируется современной психиатрической наукой и некоторыми политическими институтами. В 2013 г. Американская психиатрическая ассоциация в диагностическом и статистическом описании умственных расстройств признала педофилию сексуальной ориентацией [17]. Американские психиатры считают, что педофилы могут осуществлять сексуальные действия над детьми с их согласия. Педофилы в таком случае подпадают под защиту норм, запрещающих дискриминацию по признаку сексуальной ориентации, и закрепленных, в том числе, в международном праве. В 2011 г. канадские психологи при обсуждении в парламенте Канады поправки к закону о педофилии заявили, что педофилия является такой же сексуальной ориентацией, как гомосексуализм или гетеросексуализм, но не преступлением [5]. Против такой точки зрения и против принятия соответствующей поправки к закону выступил и голосовал всего один канадский парламентарий.

4) Возникновение и широкое распространение постмодернистской морали, в рамках которой возможны и оправданы **любые** формы поведения, – объективно ведет к разрушению Отечества как в социуме в целом, так и в безусловном и условном гендере мужчины. Можно не держать слова – ведь обстоятельства меняются. Можно не исполнять долга, в том числе и воинского – ведь любые придуманные людьми понятия – это условность. Можно бросить без всякой помощи женщину с твоим собственным ребенком – ведь чувства к ней уже прошли. И т. п.

5) Борьба против христианской Церкви как института, в том числе борьба против христианского понимания Отечества. Распространение сатанистских культов и сатанистских «церквей». Согласно официальной позиции американской Церкви Сатаны (основана в 1966 г. в Сан-Франциско), чтобы быть сатанистом не обязательно являться членом данной организации и отправлять соответствующие культы, необходимо лишь иметь соответствующее мировоззрение. При этом Сатана воспринимается не как некое божество, которому надо по-

клоняться, а как позитивный символ познания, плотской жизни и изменения [28]. В 1980-е и 1990-е Церковь Сатаны и её члены активно участвовали в выпуске фильмов, музыки и журналов, посвящённых сатанизму. Основные положения учения: человек не должен препятствовать своим плотским желаниям, а напротив, должен всячески потакать им; вся деятельность адепта должна быть направлена на то, чтобы после смерти получить место в аду в качестве служителя дьявола; лучше служить сатане, всемерно исполняя его волю, чем Богу. Сатанизм включает в себя протест против традиционных социальных ценностей, разрешает любые формы антиобщественного поведения, «снимает» понятие и феномен греха. Сатанистские организации распространены по всему миру, в том числе в России и на Украине.

6) Дегероизация воинских подвигов. Борьба против традиционного восприятия армии и воинского долга. Исполнение воинского долга – одна из наивысших точек воплощения Отечества мужчины. Так, в советское время подвиг А. Матросова, закрывшего своим телом вражеский дзот, стал символом мужества и воинской доблести, бесстрашия и любви к Родине. В конце 80-х и в 90-е годы в ряде публикаций высказывалось утверждение о непреднамеренности подвига Александра Матросова. Согласно одной из таких версий, Матросов действительно пробрался к пулемётному гнезду и пытался расстрелять пулемётчика, или хотя бы помешать его стрельбе, но по какой-то причине упал на амбразуру (оступился или был ранен), временно закрыв тем самым пулемётчику обзор. Воспользовавшись этой заминкой, батальон смог продолжить наступление. По другой версии Матросов был убит на крыше дзота, когда пытался закинуть его гранатами. Упав, он своим телом закрыл вентиляционное отверстие для отвода пороховых газов, что и дало передышку бойцам его взвода для броска, пока немцы сбрасывали труп. В других вариантах обсуждалась проблема рациональности попытки закрыть амбразуру своим телом при наличии других способов для подавления вражеского огня. По мнению бывшего командира разведроты Лазаря Лазарева, человеческое тело не могло послужить сколько-нибудь серьёзным пре-

пятствием для пуль немецкого пулемёта. Он также выдвигает версию, что Матросов был сражён пулемётной очередью в момент, когда он приподнялся, чтобы бросить гранату, что для находившихся позади него бойцов выглядело как попытка прикрыть их от огня собственным телом [7].

То есть если нельзя отрицать сам факт, нужно переформатировать его интерпретацию. После «перестроечного» и ельцинского периода «контрпропаганды» в России вообще не осталось героев. Служба в армии была представлена как дело опасное для здоровья и жизни из-за «дедовщины» и офицерской коррупции, как нечто социально неперспективное.

**Социальное конструирование Антиотечества и замещение им Отечества лишает общество гендерных инструментов защиты от геополитической агрессии.**

**Абсолютное Отечество, Отечество социальное и индивидуально-мужское в такой ситуации становятся маргинальными институтами, а Антиотечество – мейнстримом.**

Без «подготовительной работы» по разрушению гендерного Отечества, в частности, невозможно было бы существование современной Украины в качестве лимитрофного государства США, демонстрирующей немужское поведение как ее новых государственных деятелей, так и ее воинства. Первые в буквальном смысле назавтра меняют вводимые «под ситуацию» нормы и правила, в том числе и засвидетельствованные международными посредниками, которые впоследствии не заботились об исполнении заключенного в их присутствии соглашения (соглашение от 21 февраля 2014 г. между президентом Януковичем и лидерами оппозиции Майдана, гаранты выполнения которого выступили министры иностранных дел Германии и Польши, а также представитель МИД Франции [25]), призывают резервистов якобы на сборы, а затем отправляют в действующую армию на Юго-Восток [27], бомбят и подвергают артиллерийскому обстрелу собственные города и их мирное население [24]. Вторые – в условиях нехватки боеприпасов и продовольствия группами, в том числе батальонами, «выходят из окружения» на территорию страны, считающейся неприятельской,

а подкормившись и подлечившись там, возвращаются на собственную территорию [29]. Условное Отечество отрядов специального назначения «Беркут» ломали не один месяц, ставя отряды в ситуацию «непротивления злу насилием», когда мужчины вынуждены были, согласно приказу, безответно терпеть от «майдановцев» жестокие избиения и прицельно бросаемые «коктейли Молотова». Более того, один из отрядов был буквально поставлен на колени и принужден прилюдно просить прощения за то, что выполнял свой воинский долг по уставу [11]. Целям слома Отечества мужчины на Украине служат и пропаганда исторической правоты бандеровцев и украинских отрядов СС, жестоко убивавших «политически неправильное» мирное население, в том числе женщин и детей [3]. Преследование православных священников, попытки захвата лавр и храмов Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП), артиллерийские обстрелы православных храмов в современной Украине [13] – шаги разрушения Абсолютного Отечества как основы и опоры Отечества социального. При этом «цвет украинской интеллигенции» обосновывает и оправдывает эти действия тем, что в УПЦ МП «проповедуется не любовь к Богу и Украине, а ведется политическая пропаганда», благодаря которой «сеется раздор в обществе» и «попирается все украинское» [20].

**Безусловный гендер (безусловная Родина) женщины**

Безусловный гендер Женщины – вынашивание и выхаживание детей, т. е. материнство. Материнство, на наш взгляд, в отличие от отцовства, связано не с феноменом Отечества, но с феноменом Родины.

Если отец представляет Логос (Закон, Порядок), то мать – это Синесфимата (Чувства). Защита семьи и потомства от социальных уязвимостей, предпринимаемая мужчиной в форме социальных практик, женщиной осуществляется, прежде всего, через практики психологические: обеспечение мужу и детям уверенности в том, что мать и жена их любит, что они дороги, абсолютно необходимы при любых условиях и обстоятельствах, что они имеют постоянную внутреннюю опору в неизменности ее добрых чувств к ним. Эти чувства

выражаются в постоянной заботе женщины о физическом и психологическом благополучии семьи: красивый и удобный быт, уютный дом, вкусная и своевременно приготовленная еда, неизменная чистота в доме, свежее постельное, нательное и столовое белье, своевременно сказанное ласковое слово и постоянная психологическая поддержка для мужа и детей.

...Ты одна, голубка-Лада,  
Ты одна винить не станешь,  
Сердцем чутким все поймешь ты,  
Все ты мне простишь [1].

Понятие коллективной, социальной Родины связано прежде всего с чувствами, вызываемыми определенными личными практиками, вписанными в конкретный пейзаж, связанными со взаимодействием с конкретными людьми, с конкретными воспоминаниями. Воинский призыв к атаке: «За Родину!» – это отсылка именно к чувствам, к защите того, что дорого в эмоциональном плане. Момент атаки – это уже не Логос, Логос приводит мужчину к сознательному участию в боевых действиях в целом, атака – это Синесфима (Чувство), концентрированный эмоциональный импульс на совершение именно данного действия в данный конкретный момент.

Если дорог тебе твой дом,  
Где ты русским выкормлен был,  
Под бревенчатым потолком,  
Где ты, в люльке качаясь, плыл;  
Если дороги в доме том  
Тебе стены, печь и углы,  
Дедом, прадедом и отцом  
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад  
С майским цветом, с жужжаньем пчел  
И под липой сто лет назад  
В землю вкопанный дедом стол;  
Если ты не хочешь, чтоб пол  
В твоём доме фашист топтал,  
Чтоб он сел за дедовский стол  
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога –  
Тебя выкормившая грудь,  
Где давно уже нет молока,  
Только можно щекой прильнуть;

Если вынести нету сил,  
Чтоб фашист, к ней постоем став,  
По щекам морщинистым бил,  
Косы на руку намотав...

...

...Если ты фашисту с ружьем  
Не желаешь навек отдать  
Дом, где жил ты, жену и мать,  
Все, что родиной мы зовем,—  
Знай: никто ее не спасет,  
Если ты ее не спасешь;  
Знай: никто его не убьет,  
Если ты его не убьешь.  
И пока его не убил,  
Ты молчи о своей любви,  
Край, где рос ты, и дом, где жил,  
Своей родиной не зови [23].

Гендер женщины – это ее безусловная Родина, т. е. совокупность чувств относительно ее роли жены и матери, а также совокупность чувств, которые она передает (транслирует) мужу и детям. Безусловный гендер и безусловная Родина женщины регулируется природой, но ее условный гендер и условная Родина подвержены социальному конструированию как объективными обстоятельствами, так и целенаправленным воздействием.

### **Технологии переформатирования условного гендера (условной Родины) женщины**

Перечислим некоторые разрушающие воздействия, влияющие на искажение условной Родины женщины.

1) Низведение условного гендера женщины, в рамках гедонистических практик, к роли объекта наслаждения мужчины. Логическое завершение процесса превращения женщины в объект наслаждения – признание проституции разновидностью социальной услуги. Так, в Германии «Закон о проституции» действует с 1 января 2002 года. Официальное признание профессии проститутки внесло существенные изменения в жизнь и карьеру немецких путан. Теперь они могут взыскать с клиента деньги в суде, имеют собственные правозащитные и профсоюзные группы, получают пенсии и платят взносы в пенсионный фонд, платят налоги государству [21]. Считается, что этот закон перевел профессию из разряда аморальных и безнравственных в список официально при-

знанных в стране способов заработка. Женщина в данном случае – товар, подверженный законам рынка, но защищенный законом, определившим правила его использования. Ее безусловная и условная Родина разрушается законодательным разрешением и оправданием разврата.

2) Суррогатное материнство, т. е. вынашивание и рождение ребёнка ради получения материальной выгоды. При этом биологически ребенок не является продолжением самой суррогатной матери, это результат генной инженерии, и женщина вынашивает эмбрион, созданный из клетки другой женщины. Товаром, подверженным законам рынка, в данном случае является не дитя само по себе, но материнская функция женщины, при этом ее безусловная и условная Родина неизменно разрушается, несмотря на соблюдение соответствующего законодательства.

3) Постмодернистский этос лишает Родину женщины такого важнейшего элемента, как чувство долга перед мужем и детьми, что побуждает ее менять сексуальных партнеров и мужей, которые перестали приносить удовольствие и/или социальные блага. Аборт как следствие погони за удовольствиями – также результат разрушения Родины женщины.

4) Социальная (коллективная) Родина разрушается пропагандой тезиса «где лучше – там и Родина», т. е. Родина как совокупность позитивных чувств находится в том месте, где в организме индивида размещаются рецепторы удовольствия, и в той географической местности, где производятся и потребляются блага, приносящие индивиду наибольшие удовольствия.

5) Развенчание выдающихся женщин нации и представление их носительницами порочных (разрушающих) чувств и практик. Так, в «перестроечное» время в России были модны публикации о «порочном любвеобилии» Елизаветы Петровны и Екатерины Великой и их жестоком отношении к соперницам.

6) Распространяется практика *childfree*, т. е. сознательного отказа от рождения детей. В британских школах в рамках специальной программы предохранения от нежелательной беременности на уроки приносят куклу, которая постоянно издает резкие неприятные звуки, по-

хожие на плач младенца. При этом говорится, что при незапланированной беременности возможна именно такая картина: постоянно орущий, грязный от собственных фекалий ребенок, содержание которого к тому же довольно дорого обходится. При изначально благой артикулируемой цели результатом таких школьных уроков часто становится отказ от рождения ребенка, который так и воспринимается – как постоянная помеха в получении жизненных наслаждений и как вечная обуза [4].

7) Восприятие мужчины только как «подателя благ», **обязанного** создавать женщине «сладкую жизнь» по причине ее красоты и обаяния. Разновидность торгового обмена: красота в обмен на социальные блага и удовольствия. Подчеркнем, что в данном случае речь не идет о заботе мужчины о женщине, но именно о торговом обмене, а мужчина и женщина фактически становятся бизнес-партнерами, но не семьей в ее традиционном понимании.

8) Свободное функционирование ЛГБТ-сообщества, оправдание и разрешение обществом лесбийских практик, неплодных, не ведущих к рождению детей и к созданию полноценной традиционной семьи.

9) Борьба против христианской Церкви как института, в том числе борьба против христианского понимания женственности и материнства. Распространение сатанистских культов и сатанистских «церквей» с их извращенными публичными сексуальными практиками.

Таким образом, параллельно формированию Антиотечества мужчины в современном обществе формируется и Антиродина женщины, состоящая из терпимости к разврату и из отрицания традиционной семьи, из эмоциональной глухоты и жестокости.

Молодые девушки и женщины на Майдане в феврале 2014 г., изготовлявшие, разливавшие «коктейли Молотова» и бросавшие их в бойцов «Беркута» [15], разрушали этими действиями, осознанно или нет, свою женскую Родину, которая, вероятно, к тому моменту уже подверглась искажению вследствие вышеперечисленных факторов. Радость некоторых женщин при виде «шашлыка из жареных колорадов» в одесском Доме профсоюзов 2 мая 2014 г. – из того же ряда [16].



Рисунок 6 – Украинские девушки, изготавливающие «коктейли Молотова» [16]

Вышеперечисленные технологии социального конструирования как Антиродины женщины, так и социальной Антиродины, в особенности сатанистские культы, противостоят Абсолютной Родине женщины как метафизической Абсолютной Родине, визуально воплощенной в образе Богородицы.

**Целенаправленное искажение Родины в обеих ее гендерных формах, а также Родины Абсолютной и социальной, превращает их в Родину маргинальную также, как это происходит при тех же обстоятельствах с Отечеством во всех его формах, и делает данное общество, лишенное его гендерной защиты, добычей геополитического противника. Таким образом, целенаправленное искажение гендерных Отечества и Родины является формой геополитической агрессии.**

Украина, разумеется, не является единственной страной мира, испытывающей борьбу гендерных Антиотечества и Антиродины с гендерными Отечеством и Родиной в рамках процесса целенаправленного разрушения лимитрофа бывшего СССР и современной России, это просто пример, ближайший к нам по времени. Точно так же не нужно абсолютизировать приведенные в статье рассуждения. Искражение и слом гендерных Отечества и Родины не является единственной и даже важнейшей причиной геополитического провала или геополитической катастрофы определенного общества. Однако для автора несомненно, что искажение или разрушение этих биосоциальных феноме-



Рисунок 7 – Чудотворная икона Божией Матери Донская (Феофан Грек), поднесенная Дмитрию Донскому после Куликовской битвы. По легенде, этим образом Дмитрия Донского благословил перед Куликовским сражением преподобный Сергей Радонежский. Икона находится в Благовещенском соборе Московского Кремля

нов ведет к геополитическому провалу прямой дорогой, потому что лишает общество в целом и отдельные демографические группы внутри него гендерной опоры и защиты как значимой части системы защиты данного общества от разрушающих воздействий, в том числе – защиты от целенаправленных разрушающих воздействий со стороны геополитического противника. Разрушение геополитических лимитрофов противника также осуществляется, в том числе, с применением технологии разрушения условного гендера и искажения таким способом гендера безусловного, то есть посредством отрыва гендера как социального явления от соответствующего ему биологического пола.

1. Ария князя Игоря из оперы А. Бородина «Князь Игорь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.partita.ru/docs/concert-020d.shtml> (дата обращения: 12.08.2014).
2. Архиепископ Аверкий (Таушев). Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероангелие [Электронный ресурс] // Eparhia-saratov: [сайт]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/01a/averky/gospel4/74.html> (дата обращения: 07.08.2014).
3. Бандеровская антирусская пропаганда учительницы в школе Харькова. [Электронный ресурс] // Антимайдан. Украина: [сайт]. URL: [http://antimaydan.info/2014/04/banderovskaya\\_antiruskaya\\_propaganda\\_uchitelnicy\\_v\\_shkole\\_harkova\\_74643.html](http://antimaydan.info/2014/04/banderovskaya_antiruskaya_propaganda_uchitelnicy_v_shkole_harkova_74643.html) (дата обращения: 12.08.2014).
4. Вадимова А. Чайлдфри: а не мнима ли свобода? [Электронный ресурс] // F-journal.ru: [сайт]. URL: <http://f-journal.ru/chajldfri-2/> (дата обращения: 12.08.2014).
5. В Канаде педофилию признали сексуальной ориентацией. [Электронный ресурс] // Стрингер. Информационное агентство: [сайт]. [23 ноября 2011 г.]. URL: <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=37&PubID=18815> (дата обращения: 11.08.2014).
6. Гендер. [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов: [сайт]. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (дата обращения: 05.08.2014).
7. Герой Советского Союза, рядовой пехоты. [Электронный ресурс] // Александр Матвеевич Матросов: биография. People.su. Интересные истории об известных личностях, биографии, юмористические рассказы, фото и видео: [сайт]. URL: <http://www.people.su/72357> (дата обращения: 12.08.2014).
8. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера. // Социологический журнал. 2003. № 3/4. С. 171–182.
9. ИА Регнум. Фото дня. 5 августа. Пётр Мамонов. [Электронный ресурс] // ИА Регнум: [сайт]. URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100001896730276> (дата обращения: 05.08.2014).
10. Интересный Петербург, пост от 2 августа 2014 г. [Электронный ресурс] // Интересный Петербург: [сайт]. URL: <https://www.facebook.com/joinpiter> (дата обращения: 10.08.2014).
11. Львовский «Беркут» покаялся на коленях перед жителями Львова. [Электронный ресурс] // Lenta.ru: [сайт]. [25 февраля 2014 г.] URL: <http://lenta.ru/news/2014/02/25/bendedknees/> (дата обращения: 12.08.2014).
12. Мингазова А.М. Дети-сироты как социально уязвимая группа населения: автореф. дис. ... канд.социол.н. М., 2005. 27 с.
13. Митрополит Онуфрий: силовики АТО издеваются над православными священниками. [Электронный ресурс] // Новороссия: [сайт]. URL: <http://novorossiya.name/pismo-mitropolita-onufriy-k-poroshenko/> (дата обращения: 12.08.2014).
14. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
15. На Майдане женщины крошат пенопласт для коктейлей Молотова. [Электронный ресурс] // Сегодня. ua: [сайт]. [20 февраля 2014 г.] URL: <http://www.segodnya.ua/hot/rada-protest/na-maydane-zhenshchiny-kroshat-penoplast-dlya-kocteyley-molotova-497310.html> (дата обращения: 12.08.2014).
16. «Онижедети» погибшей Одессы. [Электронный ресурс] // МК.RU: [сайт]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/05/04/onizhedeti-pogibshy-odessyi.html> (дата обращения: 12.08.2014).
17. Педофилия как сексуальная ориентация. [Электронный ресурс] // Русь-фронт. Информационный православный вестник: [сайт]. URL: <http://www.rusfront.ru/6488-pedofiliya-kak-seksualnaya-orientaciya.html> (дата обращения: 11.08.2014).
18. Подробности попытки захвата неонацистами Киево-Печерской лавры. [Электронный ресурс] // С нами Бог. Москва-Третий Рим: [сайт]. URL: <http://3rm.info/43721-podrobnosti-popytki-zahvata-neonacistami-kievo-pecherskoj-lavry.html> (дата обращения: 12.08.2014).
19. Пол человека. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кирилла и Мефодия: [сайт]. URL: <http://megabook.ru/article/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%20%D1%87%D0%B5%D0%BB%D> (дата обращения: 12.08.2014).
20. Попытка идеологически обосновать захват святынь со стороны украинской интеллигенции. [Электронный ресурс] // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба: [сайт]. URL: [http://ruskline.ru/news\\_rl/2014/03/01/popytk\\_ideologichesk\\_i\\_obosnovat\\_zahvat\\_svyatyn\\_so\\_storony\\_ukrainskoj\\_intelligencii/](http://ruskline.ru/news_rl/2014/03/01/popytk_ideologichesk_i_obosnovat_zahvat_svyatyn_so_storony_ukrainskoj_intelligencii/) (дата обращения: 12.08.2014).
21. Проституция в Германии. [Электронный ресурс] // Проституция в Германии. Википедия. Свободная энциклопедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%E8%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF\\_%E2\\_%C3%E5%F0%EC%E0%ED%E8%E8](https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%E8%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF_%E2_%C3%E5%F0%EC%E0%ED%E8%E8) (дата обращения: 12.08.2014).
22. Психологос. Энциклопедия практической психологии. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.psychologos.ru/articles/view/strategicheskoe\\_myshlenie](http://www.psychologos.ru/articles/view/strategicheskoe_myshlenie) (дата обращения: 06.08.2014).
23. Симонов К. Если дорог тебе твой дом. [Электронный ресурс] // Русская поэзия: [сайт]. [Константин Симонов]. URL: <http://rupoem.ru/simonov/esli-dorog-tebe.aspx> (дата обращения: 12.08.2014).
24. СК РФ возбудил уголовное дело по фактам обстрела городов и насилия на Юго-Востоке. [Электронный ресурс] // Русская весна: [сайт]. URL: <http://rusvesna.su/news/1401465398> (дата обращения: 12.08.2014).
25. Соглашение об урегулировании политического кризиса на Украине. Материал из Википедии, свободной энциклопедии. [Электронный ресурс] // Википедия. Интернет-энциклопедия: [сайт]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5\\_%D0%BE%D0%B1\\_%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8\\_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE\\_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%B0\\_%D0%BD%D0%B0\\_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BE%D0%B1_%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%B0_%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5) (дата обращения: 11.08.2014).
26. Терборн Г. Что делает правящий класс, когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе. // Логос. 2008. № 6. С. 73–92.
27. Украинские резервисты голосуют ногами: о каких итогах мобилизации Киев предпочитает молчать. [Электронный ресурс] // С нами Бог. Москва-Третий Рим: [сайт]. URL: <http://3rm.info/48539-ukrainskie-rezervisty-golosuyut-nogami-okakih-itogah-mobilizacii-kiev-predpochitaet-molchat.html> (дата обращения: 11.08.2014).
28. Церковь Сатаны. [Электронный ресурс] // Традиция. Свободная русская энциклопедия: [сайт]. URL: [http://traditio-ru.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C\\_%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B](http://traditio-ru.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B)

0%D0%BD%D1%8B (дата обращения: 11.08.2014).

29. 438 украинских солдат попросили убежища в России. [Электронный ресурс] // Вести дня: [сайт]. [04 августа 2014 г.] URL: <http://newsinmir.com/novosti/ukraine/57288-438-ukrainskih-soldat-poprosili-ubezhischa-v-rossii.html>.

1. Ariya knyazyza Igorya iz opery A. Borodina «Knyaz' Igor'» [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.partita.ru/docs/concert-020d.shtml> (data obrashheniya: 12.08.2014).

2. Arxiepiskop Averkij (Taushev). Rukovodstvo k izucheniyu Svyashhennogo Pisaniya Novogo Zaveta. Chetveroevangelie [E'lektronnyj resurs] // Eparhia-saratov: [sajt]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/01a/averky/gospel4/74.html> (data obrashheniya: 07.08.2014).

3. Banderovskaya antiruskaya propaganda uchitel'nicy v shkole Xar'kova. [E'lektronnyj resurs] // Antimajdan. Ukraina: [sajt]. URL: [http://antimaydan.info/2014/04/banderovskaya\\_antiruskaya\\_propaganda\\_uchitelnicy\\_v\\_shkole\\_harkova\\_74643.html](http://antimaydan.info/2014/04/banderovskaya_antiruskaya_propaganda_uchitelnicy_v_shkole_harkova_74643.html) (data obrashheniya: 12.08.2014).

4. Vadimova A. Chajldfri: a ne mnima li svoboda? [E'lektronnyj resurs] // F-journal.ru: [sajt]. URL: <http://f-journal.ru/chajldfri-2/> (data obrashheniya: 12.08.2014).

5. V Kanade pedofiliyu priznali seksual'noj orientaciej. [E'lektronnyj resurs] // Stringer. Informacionnoe agentstvo: [sajt]. [23 noyabrya 2011 g.]. URL: <http://stringernews.com/publication.mhtml?Part=37&PubID=18815> (data obrashheniya: 11.08.2014).

6. Gender. [E'lektronnyj resurs] // Slovar' gendernyx terminov: [sajt]. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (data obrashheniya: 05.08.2014).

7. Geroj Sovetskogo Soyuza, ryadovoj pexoty. [E'lektronnyj resurs] // Aleksandr Matveevich Matrosov: biografija. People. su. Interesnye istorii ob izvestnyx lichnostyax, biografii, yumoristicheskie rasskazy, foto i video: [sajt]. URL: <http://www.people.su/72357> (data obrashheniya: 12.08.2014).

8. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Social'noe konstruirovaniye gendera. // Sociologicheskij zhurnal. 2003. № 3/4. S. 171–182.

9. IA Regnum. Foto dnya. 5 avgusta. Pyotr Mamonov. [E'lektronnyj resurs] // IA Regnum: [sajt]. URL: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100001896730276> (data obrashheniya: 05.08.2014).

10. Interesnyj Peterburg, post ot 2 avgusta 2014 g. [E'lektronnyj resurs] // Interesnyj Peterburg: [sajt]. URL: <https://www.facebook.com/joinpiter> (data obrashheniya: 10.08.2014).

11. L'vovskij «Berkut» pokayalsya na kolenyax pered zhitelyami L'vova. [E'lektronnyj resurs] // Lenta.ru: [sajt]. [25 fevralya 2014 g.] URL: <http://lenta.ru/news/2014/02/25/bendedknees/> (data obrashheniya: 12.08.2014).

12. Mingazova A.M. Deti-siroty kak social'no uyazvimaya gruppy naseleniya: avtoref. dis. ... kand.sociol.n. M., 2005. 27 s.

13. Mitropolit Onufrij: siloviki ATO izdevayutsya nad pravoslavnyimi svyashhennikami. [E'lektronnyj resurs] // Novorossiya: [sajt]. URL: <http://novorossiya.name/pismo-mitropolita-onufriy-k-poroshenko/> (data obrashheniya: 12.08.2014).

14. Moska G. Pravyashhij klass // Socis. 1994. № 10. S. 187–198.

15. Na Majdane zhenshhiny kroshat penoplast dlya kokteylej Molotova. [E'lektronnyj resurs] // Segodnya. ua: [sajt]. [20 fevralya 2014 g.] URL: <http://www.segodnya.ua/>

hot/rada-protest/na-maydane-zhenshhiny-kroshat-penoplast-dlya-kokteylej-molotova-497310.html (data obrashheniya: 12.08.2014).

16. «Onizhedeti» pogibshej Odessy. [E'lektronnyj resurs] // MK.RU: [sajt]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/05/04/onizhedeti-pogibshey-odessyi.html> (data obrashheniya: 12.08.2014).

17. Pedofiliya kak seksual'naya orientaciya. [E'lektronnyj resurs] // Rus'-front. Informacionnyj pravoslavnyj vestnik: [sajt]. URL: <http://www.rusfront.ru/6488-pedofiliya-kak-seksualnaya-orientaciya.html> (data obrashheniya: 11.08.2014).

18. Podrobnosti popytki zahvata neonacistami Kievo-Pecherskoj lavry. [E'lektronnyj resurs] // S nami Bog. Moskva-Tretij Rim: [sajt]. URL: <http://3rm.info/43721-podrobnosti-popytki-zahvata-neonacistami-kievo-pecherskoj-lavry.html> (data obrashheniya: 12.08.2014).

19. Pol cheloveka. [E'lektronnyj resurs] // E'nciklopediya Kirilla i Mefodiya: [sajt]. URL: <http://megabook.ru/article/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%D1%87%D0%B5%D0%BB%D> (data obrashheniya: 12.08.2014).

20. Popytka ideologicheskii obosnovat' zavvat svyatyn' so storony ukrainskoj intelligencii. [E'lektronnyj resurs] // Russkaya narodnaya liniya. Informacionno-analiticheskaya sluzhba: [sajt]. URL: [http://ruskline.ru/news\\_rl/2014/03/01/popytka\\_ideologicheskii\\_obosnovat\\_zahvat\\_svyatyn\\_so\\_storony\\_ukrainskoj\\_intelligencii/](http://ruskline.ru/news_rl/2014/03/01/popytka_ideologicheskii_obosnovat_zahvat_svyatyn_so_storony_ukrainskoj_intelligencii/) (data obrashheniya: 12.08.2014).

21. Prostituciya v Germanii. [E'lektronnyj resurs] // Prostituciya v Germanii. Vikipediya. Svobodnaya e'nciklopediya: [sajt]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%EE%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF\\_%E2\\_%C3%E5%F0%EC%E0%ED%E8%E8](https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%EE%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF_%E2_%C3%E5%F0%EC%E0%ED%E8%E8) (data obrashheniya: 12.08.2014).

22. Psixologos. E'nciklopediya prakticheskoy psixologii. [E'lektronnyj resurs]. URL: [http://www.psychologos.ru/articles/view/strategicheskoe\\_myshlenie](http://www.psychologos.ru/articles/view/strategicheskoe_myshlenie) (data obrashheniya: 06.08.2014).

23. Simonov K. Esli dorog tebe tvojo dom. [E'lektronnyj resurs] // Russkaya poe'ziya: [sajt]. [Konstantin Simonov]. URL: <http://rupoem.ru/simonov/esli-dorog-tebe.aspx> (data obrashheniya: 12.08.2014).

24. SK RF vzbudil ugovnoe delo po faktam obstrela gorodov i nasiliya na Yugo-Vostokey. [E'lektronnyj resurs] // Russkaya vesna: [sajt]. URL: <http://rusvesna.su/news/1401465398> (data obrashheniya: 12.08.2014).

25. Soglasenie ob uregulirovanii politicheskogo krizisa na Ukraine. Material iz Vikipedii, svobodnoj e'nciklopedii. [E'lektronnyj resurs] // Vikipediya. Internet-e'nciklopediya: [sajt]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5\\_%D0%BE%D0%B1\\_%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8\\_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE\\_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%B0\\_%D0%BD%D0%B0\\_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BE%D0%B1_%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%B0_%D0%BD%D0%B0_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5) (data obrashheniya: 11.08.2014).

26. Terborn G. Chto delaet pravyyashhij klass, kogda on pravit? Nekotorye razmyshleniya o razlichnyx podkhodax k izucheniyu vlasti v obshhestve. // Logos. 2008. № 6. S. 73–92.

27. Ukrainskie rezervisty golosuyut nogami: o kakix itogax mobilizacii Kiev predpochitaet molchat'. [E'lektronnyj

resurs] // S nami Bog. Moskva-Tretij Rim: [sajt]. URL: <http://3rm.info/48539-ukrainskie-rezervisty-golosuyut-nogami-o-kakih-itogah-mobilizacii-kiiev-predpochitaet-molchat.html> (data obrashheniya: 11.08.2014).

28. Cerkov' Satany. [E'lektronnyj resurs] // Tradiciya. Svobodnaya russkaya e'nciklopediya: [sajt]. URL: [http://traditio-ru.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C\\_%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%8B](http://traditio-ru.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%8B) (data obrashheniya: 11.08.2014).

29. 438 ukrainskix soldat poprosili ubezhishha v Rossii. [E'lektronnyj resurs] // Vesti dnya: [sajt]. [04 avgusta 2014 g.] URL: <http://newsinmir.com/novosti/ukraine/57288-438-ukrainskih-soldat-poprosili-ubezhischa-v-rossii.html>.

29. 438 ukrainskix soldat poprosili ubezhishha v Rossii. [E'lektronnyj resurs] // Vesti dnya: [sajt]. [04 avgusta 2014 g.] URL: <http://newsinmir.com/novosti/ukraine/57288-438-ukrainskih-soldat-poprosili-ubezhischa-v-rossii.html>.

---

UDC 327.2

## **GENDER TRANSFORMATION AS A FORM OF THE SOFT POWER IN GEOPOLITICAL PROCESS**

**Komleva Natalia Aleksandrovna,**

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,  
Ekaterinburg, Russia,

E-mail: [komleva1@yandex.ru](mailto:komleva1@yandex.ru)

### *Annotation*

The article deals with gender aspects of soft power implementation in modern geopolitical process. Its actuality bases on the investigational necessity of the phenomenon of the new forms of geopolitical aggresse of our century. The author uses the investigational methods of both gender theory and biological determinism. The author stresses that perversion and/or destruction of traditional gender of man or woman and its tearing off the corresponding biological sex is a technology of geopolitical limitroph destroying and, thus, a technology of geopolitical aggresse. The technology essence is marginalization of Fatherland as a man-gender phenomenon and marginalization of Motherland as a woman-gender phenomenon.

### *Key words:*

gender, biological sex, geopolitical process, gender Fatherland, gender Motherland.

УДК 1(091)+16+17

# ЗНАНИЕ БЫТИЯ И ЗНАНИЕ ЦЕННОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ И АПРИОРНОЕ ЗНАНИЕ В ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ (логические квадраты и гексагоны оппозиции модальностей факта и ценности)



**Лобовиков Владимир,**

Институт философии и права  
Уральского отделения Российской академии наук,  
доктор философских наук, профессор,  
Екатеринбург, Россия,  
E-mail: vlobovikov@mail.ru

## Аннотация

Впервые предпринимается попытка построения такой универсальной концептуальной схемы, в которой есть место и для ценностного безразличия эмпиризма «Трактатов» Юма и Витгенштейна, и для рационалистического априоризма и оптимизма Лейбница и Гегеля. Предлагается графическое представление упомянутой универсальной концептуальной схемы с помощью логических квадратов и гексагонов оппозиции априорного и эмпирического знания. Исследуются различные гипотетические варианты точного определения априорного и эмпирического знания с помощью специфических «смесей» (композиций) эпистемических, алетических, и аксиологических модальностей.

## Ключевые слова:

Витгенштейн, Гегель, Лейбниц, Юм, эпистемическая логика, знание, априорное, эмпирическое, факт, ценность, логический квадрат, логический гексагон.

В философской литературе доктрина *априорного* знания известна очень давно, представлена длинным перечнем весьма уважаемых авторов. Однако и та экстремистская форма сенсуализма и эмпиризма, которая или демонстративно отрицает, или молчаливо (но систематически) игнорирует существование априорного знания, тоже не нова и тоже представлена солидным списком очень популярных имен. В частности, один из очень влиятельных трендов в истории сенсуалистической философии эмпиризма последних нескольких веков тесно связан с британскими и австрийскими мысли-

телями<sup>1</sup> (Беркли [1], Локк [24], Юм [30; 31], Мах [25–28], Витгенштейн [2–5]).

Тем не менее, честный исследователь «знания-вообще», конструируя универсальную концептуальную схему эпистемологии, не может игнорировать факт признания существования *априорного* знания многими выдающимися

<sup>1</sup> Некоторые историки философии, например, Е.С. Черепанова видят особенность австрийской философской традиции (в отличие от германской) в том, что австрийский эмпиризм более последователен и радикален, чем германский (например, кантианский) и, поэтому, австрийские эмпирики гораздо ближе к британским [29].

философами, например, Кантом [10–13]. В действительно универсальной теории знания этот факт должен быть учтен. Но при этом в такой теории должен быть учтен также и тот историко-философский факт, что очень многие эмпирики или «не замечают» существование и важность априорного знания, или демонстративно отрицают его, основываясь на принципиальной несовместимости (взаимоисключении) знания опытного и знания априорного. Если учесть все вышеупомянутые историко-философские факты, то, по моему мнению, универсальную концептуальную схему эпистемологии можно графически представить в виде следующих ниже логических квадрата и гексагона эпистемических модальных высказываний (рис. 1).

Здесь и далее в статье символ «Кр» обозначает эпистемическое модальное высказывание «(у субъекта s) имеется знание, что р» или «субъект s знает, что р» (где р – некое высказывание). Символ «Эр» обозначает эпистемическое модальное высказывание «(у субъекта s) имеется эмпирическое (апостериорное) знание, что р» или «субъект s из опыта знает, что р». «Ар» обозначает эпистемическое модальное высказывание «(у субъекта s) имеется априорное знание, что р» или «субъект (s) a priori знает, что р». Символ «┐» – «неверно, что...».

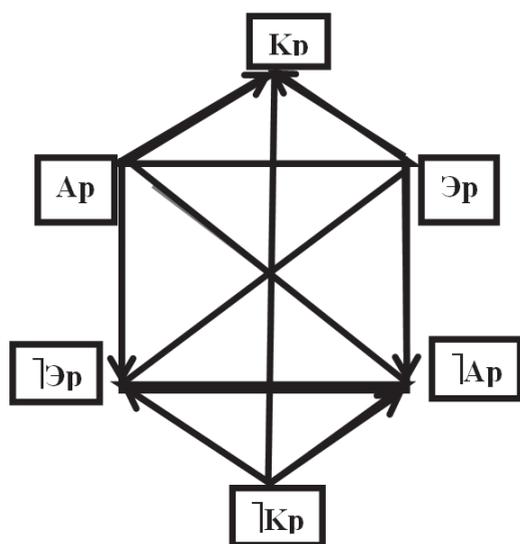


Рисунок 1 – Логические квадрат и гексагон эпистемических модальных высказываний об априорном знании и эмпирическом (апостериорном)

На рис. 1 стрелки обозначают отношение логического следования. Линии, пересекающие квадрат, обозначают отношение контрадикторности. Верхняя горизонтальная линия квадрата – контрарность. Нижняя – суб-контрарность.

Квадрат и содержащий его в себе гексагон, изображенный на рис. 1, мною уже предлагались и обсуждались ранее [23]. Но в данной статье разрабатываемая общая (синтезирующая) концепция логической взаимосвязи априорного и апостериорного знания получает качественно новый импульс для развития. В настоящей статье исследуются возможности включения в комплексную теорию логической взаимосвязи априорного и апостериорного знания очень важной подсистемы эпистемологии – теории логического взаимоотношения знания *бытия* (в частности, знания *случайного бытия*, т. е. *факта*) и знания *ценности*.

Поэтому, к введенным выше обозначениям добавим новые: пусть символ Fp обозначает высказывание «р есть факт», а Vp – «р есть ценность». Символы «&», «∨», «⊂», «↔», «⊃», «┐», и «≡» обозначают, соответственно, конъюнкцию, слабую (неисключающую) дизъюнкцию, сильную (исключающую) дизъюнкцию, эквиваленцию, импликацию, отрицание, и отношение логической равносильности. Используя эти обозначения, представитель доктрины абсолютного противопоставления (взаимоисключения) фактов и ценностей мог бы (в первом приближении) определить модальности «эмпирическое знание» и «априорное знание» следующим образом.

Дефиниция Df1: Эр ≡ (Кр&Fp).

Дефиниция Df2: Ар ≡ (Кр&Vp).

Аксиома AX1: (Fp↔┐Vp). Её можно было бы условно назвать «аксиологическим принципом Трактата Витгенштейна».

Согласно <AX1, Df1, Df2>, представленный выше квадрат (и гексагон) может быть преобразован в следующий ниже (рис. 2).

Квадраты и гексагоны, представленные на рис. 1 и 2, являются вполне адекватными графическими моделями широко распространенной логико-философской парадигмы *взаимоисключения* фактов и ценностей. В рамках этой парадигмы рассуждали, например, Юм [30; 31], Мах [25–28], Витгенштейн [2–5], и др.

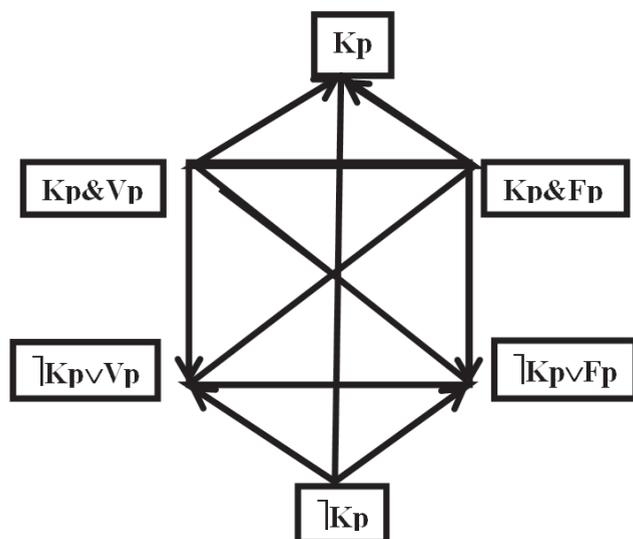


Рисунок 2 – Логические квадрат и гексагон эпистемических модальных высказываний о знании ценности и знании факта, графически моделирующие доктрину, исключающую ценности из мира фактов

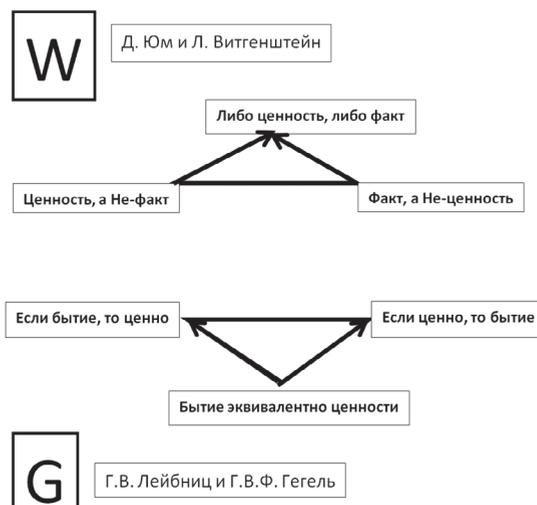


Рисунок 3 – Исключающий ценности эмпиризм и совпадающий с ценностями априоризм как взаимоисключающие парадигмы, «не связанные» друг с другом; развивающиеся «параллельно»

Однако обсуждаемая парадигма оппозиции фактов и ценностей может быть графически представлена также в виде следующего ниже *логического треугольника*, расположенного в верхней части рис. 3, обозначенной символом W, находящемся в левом верхнем углу рис. 3. Горизонтальная черта разделяет рис. 3 на две части: верхнюю (обозначенную буквой W) и нижнюю, обозначенную буквой G. В области G на рис. 3 помещен другой *логический треугольник*, а именно тот, который представляет собой графическую модель философской доктрины рационалистического *оптимизма*, (в конечном счете) *отождествляющей* факты и ценности (Лейбниц [14–16; 43], Гегель [6], и др.).

При первом взгляде на эту схему и на представленную ею логико-философскую проблему кажется, что изображенные на рис. 3 логические треугольники никак не связаны друг с другом: существуют в параллельных мирах. Однако, возможно, это только кажется, что они абсолютно несовместимы. Возможно, это подобно тому, как в течение длительного времени многим людям казалось, что корпускулярная и волновая теории света никак не связаны друг с другом: развиваются параллельно. Но, в конце концов, обе теории света были синтезированы в некой единой теории (квантовой механики). По моему

мнению, нечто аналогичное может произойти и в отношении к вышеупомянутым логико-философским парадигмам, моделируемым выше на рис. 3 двумя логическими треугольниками. На первый взгляд, вдохновившись оригинальными и очень важными результатами в генерировании нестандартных интерпретаций логических треугольников, квадратов и гексагонов (полученными Якоби [40], Сесма [48], Бланше [34–36], Калиновским [42], Бизе [32; 33], Моретти [46], Ясперсом [41], Декле и Паску [37], Дюбуа и Прэйдом [38; 47], Дюфатанье [39], и др.), можно было бы предложить *синтезировать* две обсуждаемые логико-философские парадигмы с помощью *одной* теории, моделируемой ниже на рис. 4 логическим квадратом и гексагоном. На первый взгляд, кажется, что каждый из вышеупомянутых двух логических треугольников по праву занимает в этой графической схеме свое особое место.

Более строго эти *гипотетические* квадрат и гексагон могут быть представлены следующими квадратом и гексагоном (рис. 5).

С точки зрения графического моделирования логических взаимосвязей между бинарными операциями (&, ∨, ⊃, ↔, ⊆) классической алгебры логики высказываний, представленные на рис. 5 логические квадрат и гексагон

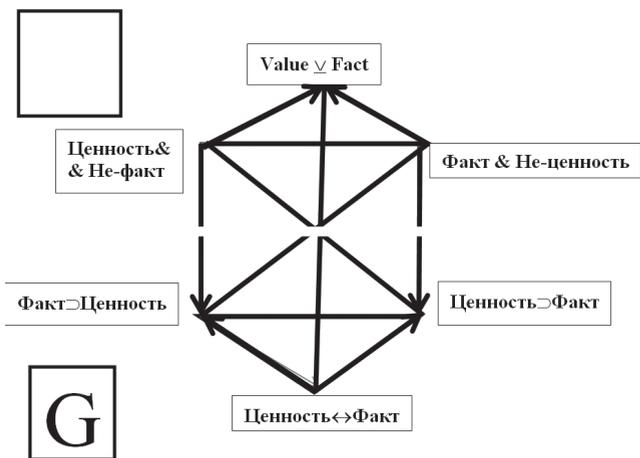


Рисунок 4 – Гипотетические логические квадрат и гексагон взаимоотношения ценности и факта

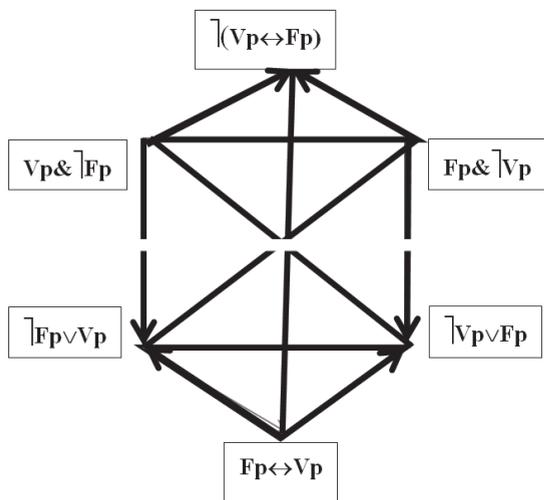


Рисунок 5 – Гипотетические логические квадрат и гексагон модальных высказываний ценности и факта

безупречны. Поэтому, на первый взгляд, *может показаться*, что искомым фундаментальный синтез обсуждаемых якобы несоединимых парадигм завершен: *может показаться*, что они уже соединены выше в одной концептуальной схеме, представляющей собой гексагон (содержащий в себе квадрат). Однако не все так просто, как кажется. Если обратить внимание на упомянутую выше аксиому AX1:  $(Fp \leftrightarrow \neg Vp)$  и согласиться с ней, а не отвергнуть, то нетрудно заметить, что в этом случае нижняя часть квадратов и гексагонов, представленных на рис. 4 и 5 содержит в себе логическое противоречие.

Не случайно поэтому, а вполне закономерно, что Гегель, стремясь быть логически последовательным, погрузился в пучину логических противоречий [7–9]. Складывается впечатление, что представленные выше на рис. 4 и 5 гипотетические квадраты и гексагоны не оправдали надежд и должны быть отброшены. Такая судьба рабочих гипотез в процессе научного поиска – обычное дело. Но куда в таком случае следует обратить взор исследователя? На чем целесообразно сосредоточить внимание, стремясь сконструировать желанный логически непротиворечивый синтез конфликтующих парадигм в одной концептуальной схеме?

По моему мнению, следует обратить особое внимание на то, что в представленном выше тексте остается некоторая неясность, неточность (многозначность), незавершенность систематического обсуждения логической взаимосвязи априорного и опытного знания. В частности, что значит выражение «*p* есть ценность»? На этот вопрос некоторые могли бы ответить так: «*p* есть ценность» представляет собой сокращение для «*p* есть или положительная или отрицательная ценность», где «ценность» – исходное (неопределимое) понятие. Но ситуация в таком случае по-прежнему остается неясной. В частности, что в этом случае обозначает символ «*p*»? Если он обозначает некоторое истинное или ложное высказывание, то к чему относится «есть ценность»: к высказыванию *p* или к его содержанию? Чтобы устранить неясности, введем дополнительные уточнения и соглашения.

Пусть символ  $Gp$  обозначает предложение «*положительноценно*, что *p*» (где *p* – некоторое истинное или ложное высказывание), символ  $Bp$  обозначает предложение «*отрицательноценно*, что *p*», а  $Ip$  – «*аксиологически нейтрально* (безразлично), что *p*». Тогда вышеупомянутое неясное предложение «*p* есть ценность», обозначаемое символом  $Vp$ , можно преобразовать в более ясное предложение «*ценно*, что *p*». После такого прояснения, очевидно, что  $Vp$  определяется позитивистами следующим образом.

Дефиниция Df3:  $Vp \equiv (Gp \vee Bp) \equiv \neg Ip \equiv \neg \neg Fp$ .

В рамках парадигмы абсолютного взаимного исключения фактов и ценностей естествен-

ным дополнением для Df3 является следующее ниже определение.

Дефиниция Df4:  $Fp \equiv (\neg Gp \& \neg Vp) \equiv Ip \equiv \neg Vp$ .

Если определения Df3 и Df4 принимаются, то логическое взаимоотношение ценности и факта моделируется следующей графической схемой (рис. 6).

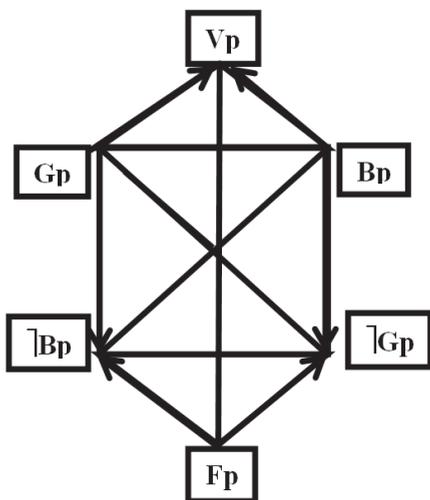


Рисунок 6 – Квадрат и гексагон оппозиции ценности и факта

Однако при всей своей логичности эта концептуальная схема не может полностью удовлетворить того *реалиста*, который считает, что в мире фактов (= случайных событий) может случиться и так, что некое фактически имеющее место событие (факт) оказывается случайно (т. е. фактически) положительно ценным (для некоторого случайного оценщика  $\Sigma$ ). Случайным событием может быть не только существование, но и положительная (или отрицательная) ценность. Но когда ценности случайны, они представляют собой предмет *эмпирического* (опытного) знания, а не *априорного*. Если для изучения логико-аксиологического (оценочного) аспекта эпистемологии на какое-то время отвлечься от ее логико-онтологического аспекта, то можно построить некий логико-аксиологический квадрат (и гексагон) смешанных модальностей, сочетающих в себе модальности эпистемические, аксиологические и алетические.

Используя термины алетической модальной логики и модальность  $Kp$  эпистемической модальной логики, значения рассматриваемых

в данной статье эпистемических *оценочных* модальностей  $AGp$  (априорное знание положительной ценности) и  $\mathcal{E}Gp$  (эмпирическое знание положительной ценности) можно определить следующим образом.

Def-5:  $AGp \equiv (KGp \& \square Gp)$ .

Def-6:  $\mathcal{E}Gp \equiv (KGp \& \neg \square Gp)$ : принцип фальсифицируемости (эмпирических) *оценок*.

Здесь символ  $\square Gp$  обозначает алетическую *необходимость положительной ценности* того положения дел, которое описывается предложением  $p$ . Конкретный пример чего-то *необходимо положительно ценного* – закон двузначной алгебры *формальной аксиологии*, т. е. *тождественно хорошая форма* деятельности – *положительная ценностная функция-константа*. Точное определение и экзemplификация понятия «закон двузначной алгебры *формальной аксиологии*» дается в [17; 18; 20–22; 44; 45]. В свою очередь, символ  $\neg \square Gp$  обозначает здесь алетическую *случайность положительной ценности* того положения дел, которое описывается предложением  $p$ . *Алетически случайные ценности* (как *положительные*, так и *отрицательные*) – собственный предмет *эмпирического* знания ценности. А вот *алетически необходимые ценности* – собственный предмет *априорного* знания (ценности).

Если определения Def-5 и Def-6 принимаются, то система логических взаимоотношений между модальностями  $KGp$ ,  $AGp$ ,  $\mathcal{E}Gp$ ,  $\neg AGp$ ,  $\neg \mathcal{E}Gp$ , и  $\neg KGp$  может быть представлена следующей графической моделью (рис.7).

Если согласиться с тем, что ценности могут быть или случайными или необходимыми, а также с тем, что знание ценности может быть или априорным или эмпирическим, то тогда предложенная выше на рис. 7 графическая модель системы логических взаимосвязей между априорным и апостериорным знанием ценности выглядит, по моему мнению, вполне естественно (подразумевается, что эта естественность ограничена тем, что от логико-онтологического аспекта эпистемологии мы на какое-то время в какой-то мере абстрагировались).

Однако осознавая, что мир, в котором мы живем, полон случайностей и, рассуждая о случаях в самом общем виде, нельзя исключать из предмета обсуждения такой важный

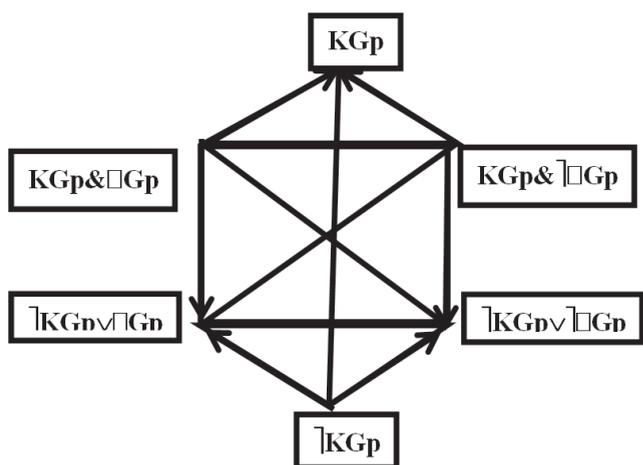


Рисунок 7 – Логический квадрат и гексагон модальностей знания ценности

частный случай, когда *сущее и ценное совпадают*, т. е. когда истинна конъюнкция  $(p \ \& \ \forall p)$ , т. е.  $(p \ \& \ (Gp \vee \forall p))$  и, следовательно,  $((p \ \& \ Gp) \vee (p \ \& \ \forall p))$ .

Рассуждая о бытии (существующем) в самом общем виде следует признать, что *совпадение бытия и ценности* может быть либо случайным, либо необходимым. Если совпадение бытия и ценности необходимо, то оно – предмет знания априорного. А если совпадение бытия и ценности случайно, то оно – предмет знания эмпирического (апостериорного). Но тогда, на мой взгляд, естественно предложить следующую ниже графическую модель системы логических взаимосвязей между априорным и апостериорным знанием совпадения бытия и ценности.

В квадрате и гексагоне на рис. 8 выражение  $(p \ \& \ Gp)$  обозначает совпадение бытия и положительной ценности, а  $K(p \ \& \ Gp)$  – знание, что такое совпадение существует.  $A(p \ \& \ Gp)$  – априорное знание, что имеет место совпадение бытия и положительной ценности.  $\exists(p \ \& \ Gp)$  – эмпирическое знание, что бытие и положительная ценность совпадают. Значения выражений  $A(p \ \& \ Gp)$  и  $\exists(p \ \& \ Gp)$  определяются следующим образом.

Дефиниция Def-7:  $A(p \ \& \ Gp) \equiv K(p \ \& \ Gp) \ \& \ (\Box(p \ \supset \ Gp) \ \& \ \Box(Gp \ \supset \ p))$ .

Дефиниция Def-8:  $\exists(p \ \& \ Gp) \equiv K(p \ \& \ Gp) \ \& \ (\neg\Box(p \ \supset \ Gp) \ \& \ \neg\Box(Gp \ \supset \ p))$ .

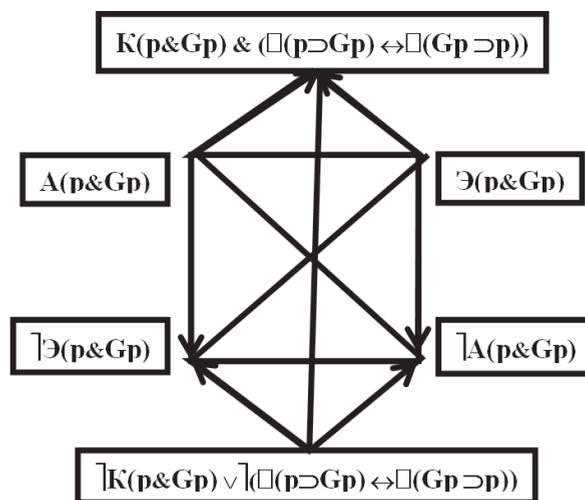


Рисунок 8 – Логический квадрат и гексагон оппозиции априорного и эмпирического знания совпадения бытия и положительной ценности

Конъюнкт  $(\Box(p \ \supset \ Gp) \ \& \ \Box(Gp \ \supset \ p))$  в дефиниции Def-8 представляет собой принцип логической автономии сущего и ценного (иногда условно именуемый «Гильотиной Юма» [19; 22; 30]). Согласно этому принципу, нет отношения следования положительной ценности из бытия, и нет отношения следования бытия из положительной ценности. Согласно дефинициям Def-7 и Def-8, такой принцип автономии справедлив только в отношении эмпирического знания случайных ценностей и фактов, а не вообще. Согласно указанным определениям, этот принцип не абсолютно универсален, так как по отношению к априорному знанию необходимости бытия и положительной ценности он неверен. В истории логики и философии претензия парадигмы эмпиризма на монопольное положение проявлялась в стремлении придать принципу логической автономии сущего и ценного статус (абсолютно) универсального закона. Но если сказанное выше принимается, то претензия парадигмы эмпиризма на монопольное положение в теории знания оказывается необоснованной. Априоризм в теории знания тоже имеет (ограниченное) право на существование, и в формально определенных выше границах сферы своей адекватной применимости он или сознательно или бессознательно (подсознатель-

но, инстинктивно) руководствуется принципом, который в дефиниции Def-7 представлен конъюнктом ( $\square (p \supset Gr) \ \& \ \square (Gr \supset p)$ ).

Если вышеупомянутые положения принять в качестве гипотезы для изучения множества вытекающих из нее логических следствий с помощью гипотетико-дедуктивного метода, то, по моему мнению, серьезное отношение к такой гипотезе и ее систематическое изучение могут оказаться эвристически ценными. Они могут привести к ясному осознанию и систематическому использованию *формально определенного ограничения* области применимости *принципа логической автономии* (сущего<sup>2</sup> и ценного), который был уточнен, существенно обобщен, и в самом общем виде точно сформулирован на искусственном языке двузначной алгебры формальной аксиологии в работах [17–19; 21; 22; 44; 45]. В свою очередь, гипотетическое формально определенное ограничение сферы применимости *принципа логической независимости сущего и ценного* может дать возможность вполне рационально объяснить загадочный факт существования формально-аксиологического обоснования закона сохранения энергии [20], который (закон) многими эмпириками считается законом мира фактов и *только* фактов. Пока упомянутый загадочный факт можно интерпретировать как чисто случайное совпадение комбинаций слов естественного языка физики и метафизики как формальной аксиологии. Абстрактно говоря, такое случайное событие тоже возможно,

2 Существоющее (бытие) и факт, вообще говоря, не полностью совпадают. Факт – частный случай существующего (бытия), которое может быть и не случайно, а необходимо сущим и, следовательно, не фактом. Поэтому, принцип автономии фактов и случайных ценностей не тождественен принципу автономии сущего и ценного. Знание ценности и эмпирическое знание ценности, т.е. знание случайной ценности, тоже, вообще говоря, не полностью совпадают, так как ценное может быть и не случайно, а необходимо ценным. Конкретный пример необходимо положительно ценного – закон двузначной алгебры формальной аксиологии, в частности, закон двузначной алгебры формальной этики и естественного права [17; 18], представляющий собой положительную морально-правовую ценностную функцию-константу, которая принимает значение «хорошо» при любых возможных комбинациях морально-правовых значений (из множества {«хорошо», «плохо»}) своих ценностных переменных и, поэтому, не зависит от случайностей

и игнорировать такую возможность нельзя. Но в случае формально определенного ограничения области применимости обсуждаемого *принципа автономии*, упомянутое удивительное совпадение словосочетаний естественного языка физики и метафизики (как формальной аксиологии) может быть интерпретировано еще и как проявление некой необходимости.

1. Беркли Дж. Соч. М.: Мысль, 2000. 556 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 133 с.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 407–492.
4. Витгенштейн Л. Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 92 с.
5. Витгенштейн Л. Лекция об этике // Людвиг Витгенштейн. Дневники 1914–1916. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 330–342.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.; 1971. Т. 2. 248 с.; 1972. Т. 3. 371 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. В 3-х книгах. СПб.: Наука, 1993. Кн.1.350 с.; 1994. Кн.2. 423 с.; 1999. Кн.3. 582 с.
10. Кант И. Пролегомены. М. – Л.: Гос. соц. – эк. изд., 1934. 379 с.
11. Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999, 1472 с.
12. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2012. 736 с.
13. Кант И. Критика практического разума // Соч. в 6 т. Т. 4. Ч.1. М.: Мысль, 1965. С. 311–523.
14. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М. – Л.: Гос. соц. – эк. изд., 1936, 484 с.
15. Лейбниц Г.В. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с.
16. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати божией, свободе человека и начале зла // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 49–556 с.
17. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург: ИФП УрО РАН, 2007. 408 с.
18. Лобовиков В.О. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой»: Дискретная математическая модель нищезанской философии сознания, религии, морали, права и преступления. Екатеринбург: ИФП УрО РАН, 2009. с. 468.
19. Лобовиков В.О. Учение Парменида и Мелисса о небытии движения и «гильотина Д. Юма» с точки зрения двузначной алгебры метафизики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2011, № 2 (14). С. 130–138.
20. Лобовиков В.О. От финитизма в математике

к финитизму в физике (Физика элеатов, принцип невозможности вечного двигателя, закон сохранения энергии и следствие теоремы Эмми Нётер с точки зрения двузначной алгебры метафизики) // *Философия науки*. 2012. № 4. С. 36–48.

21. Лобовиков В.О. От формальной логики к формальной этике (От учения Джона Остина о перформативах к двузначной алгебре формальной аксиологии) // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2012. № 4. С. 17–31.

22. Лобовиков В.О. К объяснению одного курьезного факта из истории логики: учение Э. Энчмена о «необходимости отмирания логики» как результат грубой ошибки при переходе от формальной аксиологии ценностей к формальной логике фактов // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. 2013. № 2 (115). С. 74–88.

23. Лобовиков В.О. Логический квадрат и гексагон эпистемических понятий (Эволюционная эпистемология как явный абсурд с точки зрения древнегреческой философии абсолютного знания, и загадочная абсурдность этой древнегреческой онтологии и философии знания с точки зрения современной логики, методологии и философии науки: о возможности логически непротиворечивого «снятия» конфликта двух парадигм) // *Эпистемы: Сб. науч. статей. Вып. 9.: Аспекты аналитической традиции*. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2014. С. 57–68.

24. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Дж. Локк. Избранные философские произведения в 2 т. Т. 1. М.: Изд. Соц-эк. Лит., 1960, 731 с.

25. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: «Территория будущего», 2005. 304 с.

26. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ, 2003. 456 с.

27. Мах Э. Философское и естественнонаучное мышление // *Новые идеи в философии*. Вып. 1. СПб: Изд-во «Образование», 1912. С. 93–118.

28. Мах Э. Основные идеи моей естественнонаучной теории познания и отношение к ней моих современников // *Новые идеи в философии*. Вып. 2. СПб: Изд-во «Образование», 1912. С. 125–188.

29. Черепанова Е.С. Влияние идей Д. Юма на философию в Австрии: специфика философской эволюции или особенность австрийской традиции // *Известия Уральского Федерального Университета*. 2012 № 1. С. 143–151.

30. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: Попурри, 1998. 720 с.

31. Юм Д. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. 927 с.

32. Beziau J. – Y. The New Rising of the Square of Opposition // *Around and Beyond the Square of Opposition/ Beziau J. – Y.; Jacquette D. (eds.). Basel: Birkhäuser*. 2012. P. 3–19.

33. Beziau J. – Y. The Power of the Hexagon // *Logica Universalis*. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P.1–43.

34. Blanché R. Sur la structuration du tableau des connectifs interpositionnels binaires // *J. Symb. Log.* 1957. 22 (1). P. 17–18.

35. Blanché R. Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts, Paris: Vrin, 1966. 151 p.

36. Blanché R. Sur le système des connecteurs interpositionnels // *Cahiers pour l'Analyse*. 1969. Vol. 10.

P. 131–149.

37. Desclés J. – P. and Pasca A. The Cube Generalizing Aristotle's Square in Logic of Determination of Objects // *Around and Beyond the Square of Opposition / Beziau J. – Y.; Jacquette D. (eds.). Basel: Birkhäuser*. 2012. P. 277–291.

38. Dubois D. and Prade H. From Blanché's Hexagonal Organization of Concepts to Formal Concept Analysis and Possibility Theory // *Logica Universalis*. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 149–169.

39. Dufatanye A. – A. From the Logical Square to Blanché's Hexagon: Formalization, Applicability and the Idea of the Normative Structure of Thought // *Logica Universalis*. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 45–67.

40. Jacoby P. A Triangle of Opposites for Types of Propositions in Aristotelian Logic // *The New Scholasticism*. 1950. Vol. 24 (1). P. 32–56.

41. Jaspers D. Logic and Color // *Logica Universalis*. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 227–248.

42. Kalinowski G. La Logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 218 p.

43. Leibniz G.W. *Elementa Juris Naturalis* // G.W. Leibniz. *Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672)*. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. S. 431–485.

44. Lobovikov V. Algebra of Morality and Formal Ethics // *Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues*. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.

45. Lobovikov V. Squares and hexagons of formal-ethical opposition in two-valued algebra of formal ethics. An algebraic system of moral-evaluation-functions: «Being», «Knowing», «Faith», «Love», et al // *Aporia – Revista Internacional de Investigaciones Filosóficas / Santiago de Chile*. 2014. № 8. P. 4–22.

46. Moretti A. Why the Logical Hexagon? // *Logica Universalis*. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 69–107.

47. Prade H. A Hexagonal View of Artificial Intelligence // *Handbook of the World Congress on the Square of Opposition IV (May 5–9, 2014, Pontifical Lateran University, Vatican)* / Eds: Jean-Yves Beziau and Katarzyna Gan-Krzywoszyńska. Poznan-Poland: Publishing House «Kontext», 2014. P. 22.

48. Sesmat A. *Logique. Volumes I, II*. Paris: Hermann, 1950–51. 772 p.

1. Berkli Dzh. *Soch. M.: Mysl'*, 2000. 556 s.

2. Vitgenshtejn L. *Logiko-filosofskij traktat. M.: Izd-vo inostr. lit., 1958. 133 s.*

3. Vitgenshtejn L. *Kul'tura i cennost' // Filosofskie raboty. Chast' I.M.: Gnozis, 1994. S. 407–492.*

4. Vitgenshtejn L. *Lekcii i besedy ob e'stetikey, psixologii i religii. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1999. 92 s.*

5. Vitgenshtejn L. *Lekciya ob e'tike // Lyudvig Vtgenshtejn. Dnevnik 1914–1916. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2009. S. 330–342.*

6. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava. M.: Mysl'*, 1990. 524 s.

7. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki. V 3-x tomax. M.: Mysl'*, 1970. T. 1. 501 s.; 1971. T. 2. 248 s.; 1972. T. 3. 371 s.

8. Gegel' G.V.F. *E'nciklopediya filosofskix nauk. T. 2. Filosofiya prirody. M.: Mysl'*, 1975. 695 s.

9. Gegel' G.V.F. *Lekcii po istorii filosofii. V 3-x knigax. SPb.: Nauka, 1993. Kn.1.350 s.; 1994. Kn.2. 423 s.;*

1999. Kn.3. 582 s.
10. Kant I. Prolegomeny. M. – L.: Gos. soc. – e'k. iz, 1934. 379 s.
11. Kant I. Osnovy metafiziki нравstvennosti. M.: Mysl', 1999, 1472 s.
12. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: E'ksmo, 2012. 736 s.
13. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma // Soch. v 6 t. T. 4. Ch.1. M.: Mysl', 1965. S. 311–523.
14. Lejbnic G.V. Novye opyty o chelovecheskom razume. M. – L.: Gos. soc. – e'k. izd., 1936, 484 s.
15. Lejbnic G.V. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. 734 s.
16. Lejbnic G.V. Opyty teodicei o blagosti bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1989. 49–556 s.
17. Lobovikov V.O. Matematicheskaya e'tika, metafizika i estestvennoe pravo (Algebra metafiziki kak algebra formal'noj aksiologii). Ekaterinburg: IFIP UrO RAN, 2007. 408 s.
18. Lobovikov V.O. «Nicsshetafilosofii» i ee preodolenie «cifrovoj metafizikoj»: Diskretnaya matematicheskaya model' nicsheanskoj filosofii soznaniya, religii, morali, prava i prestupleniya. Ekaterinburg: IFIP UrO RAN, 2009. s. 468.
19. Lobovikov V.O. Uchenie Parmenida i Melissa o nebytii dvizheniya i «gil'otina D. Yuma» s tochki zreniya dvuznachnoj algebrы metafiziki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya, 2011, № 2 (14). S. 130–138.
20. Lobovikov V.O. Ot finitizma v matematike k finitizmu v fizike (Fizika e'leatov, princip nevozmozhnosti vechnogo dvigatelya, zakon soxraneniya e'nergii i sledstvie teoremy E'mmi Nyoter s tochki zreniya dvuznachnoj algebrы metafiziki) // Filosofiya nauki. 2012. № 4. S. 36–48.
21. Lobovikov V.O. Ot formal'noj logiki k formal'noj e'tike (Ot ucheniya Dzhona Ostina o performativax k dvuznachnoj algebre formal'noj aksiologii) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennyye nauki. 2012. № 4. S. 17–31.
22. Lobovikov V.O. K ob'yasneniyu odnogo kur'eznogo fakta iz istorii logiki: uchenie E'. Enchmena o «neobxodimosti otmiraniya logiki» kak rezul'tat gruboj oshibki pri perexode ot formal'noj aksiologii cennostej k formal'noj logike faktov // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennyye nauki. 2013. № 2 (115). S. 74–88.
23. Lobovikov V.O. Logicheskij kvadrat i geksagon e'pistemicheskix ponyatij (E'volucionnaya e'pistemologiya kak yavnyj absurd s tochki zreniya drevnegrecheskoj filosofii absolyutnogo znaniya, i zagadochnaya absurdnost' e'toj drevnegrecheskoj ontologii i filosofii znaniya s tochki zreniya sovremennoj logiki, metodologii i filosofii nauki: o vozmozhnosti logicheski neprotivorechivogo «snyatiya» konflikta dvux paradigim) // E'pistemy: Sb. nauch. statej. Vyp. 9.: Aspekty analiticheskoy tradicii. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Azhur», 2014. S. 57–68.
24. Lohk Dzh. Opyt o chelovecheskom razume // Dzh. Lohk. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 2 t. T. 1. M.: Izd. Soc-e'k. Lit., 1960, 731 s.
25. Max E'. Analiz oshhushhenij i otnoshenie fizicheskogo k psicheskomu. M.: «Territoriya budushhego», 2005. 304 s.
26. Max E'. Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psichologii issledovaniya. M.: BINOM, 2003. 456 s.
27. Max E'. Filosofskoe i estestvennonauchnoe myshlenie // Novye idei v filosofii. Vyp. 1. SPb: Izd-vo «Obrazovanie», 1912. S. 93–118.
28. Max E'. Osnovnye idei moej estestvennonauchnoj teorii poznaniya i otnoshenie k nej moix sovremennikov // Novye idei v filosofii. Vyp. 2. SPb: Izd-vo «Obrazovanie», 1912. S. 125–188.
29. Cherepanova E.S. Vliyanie idej D. Yuma na filosofiyu v Avstrii: specifika filosofskoj e'volucii ili osobennost' avstrijskoj tradicii // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. 2012 № 1. S. 143–151.
30. Yum D. Traktat o chelovecheskoj prirode. Minsk: Popurri, 1998. 720 s.
31. Yum D. Soch. V 2 t. T. 2. M.: Mysl', 1965. 927 s.
32. Beziau J. – Y. The New Rising of the Square of Opposition // Around and Beyond the Square of Opposition/ Beziau J. – Y.; Jacquette D. (eds.). Basel: Birkhäuser. 2012. P. 3–19.
33. Beziau J. – Y. The Power of the Hexagon // Logica Universalis. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P.1–43.
34. Blanché R. Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaires // J. Symb. Log. 1957. 22 (1). P. 17–18.
35. Blanché R. Structures intellectuelles. Essai sur l'organisation systématique des concepts, Paris: Vrin, 1966. 151 p.
36. Blanché R. Sur le système des connecteurs interpropositionnels // Cahiers pour l'Analyse. 1969. Vol. 10. P. 131–149.
37. Desclés J. – P. and Pascu A. The Cube Generalizing Aristotle's Square in Logic of Determination of Objects // Around and Beyond the Square of Oppositon/ Beziau J. – Y.; Jacquette D. (eds.). Basel: Birkhäuser. 2012. P. 277–291.
38. Dubois D. and Prade H. From Blanché's Hexagonal Organization of Concepts to Formal Concept Analysis and Possibility Theory // Logica Universalis. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 149–169.
39. Dufatanye A. – A. From the Logical Square to Blanché's Hexagon: Formalization, Applicability and the Idea of the Normative Structure of Thought // Logica Universalis. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 45–67.
40. Jacoby P. A Triangle of Opposites for Types of Propositions in Aristotelian Logic // The New Scholasticism. 1950. Vol. 24 (1). P. 32–56.
41. Jaspers D. Logic and Color // Logica Universalis. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 227–248.
42. Kalinowski G. La Logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 218 p.
43. Leibniz G.W. Elementa Juris Naturalis // G.W. Leibniz. Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672). Berlin: Akademie-Verlag, 1971. S. 431–485.
44. Lobovikov V. Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.
45. Lobovikov V. Squares and hexagons of formal-ethical opposition in two-valued algebra of formal ethics. An algebraic system of moral-evaluation-functions: «Being», «Knowing», «Faith», «Love», et al // Aporia – Revista Internacional de Investigaciones Filosóficas / Santiago de Chile. 2014. № 8. P. 4–22.
46. Moretti A. Why the Logical Hexagon? // Logica Universalis. 2012. Vol. 6. No. 1–2. P. 69–107.

47. Prade H. A Hexagonal View of Artificial Intelligence // Handbook of the World Congress on the Square of Opposition IV (May 5–9, 2014, Pontifical Lateran University, Vatican) / Eds: Jean-Yves Beziau and Katarzyna

Gan-Krzywoszynska. Poznan-Poland: Publishing House «Kontext», 2014. P. 22.

48. Sesmat A. Logique. Volumes I, II. Paris: Hermann, 1950–51. 772 p.

---

UDC 1 (091) +16 + 17

# **KNOWLEDGE OF BEING AND KNOWLEDGE OF VALUE: EMPIRICAL KNOWLEDGE AND A-PRIORI ONE IN EPISTEMIC MODAL LOGIC (Logical Squares and Hexagons of Opposition of Mixed Modalities Containing Epistemic, Alethic and Axiological Ones)**

**Vladimir Lobovikov,**

Institute of Philosophy and Law,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Yekaterinburg, Russia,  
E-mail: vlobovikov@mail.ru

## *Annotation*

For the first time in the logical-philosophical literature the paper submits an attempt to construct such a universal conceptual scheme which has a room for both: the evaluative indifference of the empiricism of «Treatises» of Hume and Wittgenstein, and the rationalistic apriorism and optimism of Leibniz and Hegel. The author has constructed and discussed a graphic representation of the mentioned universal conceptual scheme by means of logical squares and hexagons of opposition of a-priori knowledge and empirical one. The paper submits an attempt to give precise definitions of a-priori knowledge and of empirical one by means of specific compositions of epistemic, alethic, and axiological modalities.

## *Key words:*

Wittgenstein, Hegel, Leibniz, Hume. epistemic-logic, knowledge, a-priori, empirical, fact, value, logical-square. logical-hexagon.

## ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ»

## Статьи

А. В. Олянич

## АВТОМОБИЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Автомобильный дискурс – дуальный коммуникативный феномен, относящийся к институционально-персональному типу интеракции. В нём осуществляются: а) речевое взаимодействие персон-участников дорожного движения, подчиняющихся или намеренно не подчиняющихся институционально одобренным федеральным правительством любой страны Правилам поведения на участках передвижения транспортных средств; взаимодействие, состоящее в обмене языковыми знаками; б) актуализация сугубо семиотического (невербального) подчинения / неподчинения регулятивным правилам передвижения по дорожному полотну, отраженным в знаках дорожного движения; в случае ситуации неподчинения правилам дорожного движения можно говорить также о дискурсе намеренного препятствования обеспечению безопасности в автомобильной поездке.

Сегодня дискурсология уже сформировала определенное представление о конститутивных признаках дискурса как коммуникативного феномена; можно сказать, что в современном языкознании выработана хорошо «работающая» модель такого – признакового – изучения дискурса, обладающая вполне мощной объяснительной силой. Эта модель положена в основу концепции дискурсивной теории, автором которой является проф. В. И. Карасик; приведем алгоритм структуризации такой модели изучения дискурсивных феноменов, им выработанный: конститутивные признаки дискурса <...> включают участников, условия, способы и материал общения, т. е. людей в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения, знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки).

Итак, в центре модели располагаются участники – агенты и клиенты автомобильного дискурса, определяющие его институционально-персональный статус. Речь идет о модели российского автомобильного дискурса: его национальная / этническая специфика детерминирует все последующие рассуждения. К участникам автомобильного дискурса следует отнести следующие категории персон, вовлеченных в автомобильную коммуникацию и ситуацию дорожного движения: водители автомобилей и прочих транспортных средств; пассажиры автотранспорта; пешеходы; животные, участвующие в движении или создающие ему помеху; институционалы-регуляторы дорожного движения (дорожная полиция, сотрудники патрульно-постовой службы государственной инспекции безопасности дорожного движения – ГИБДД; военные – сотрудники военной государственной инспекции – ВАИ – те, кто регулируют движение транспорта Министерства обороны РФ; работники сферы услуг для обеспечения технической безопасности движущегося средства – пунктов автосервиса, шиномонтажа, бензозаправок; работники придорожного сервиса – пунктов питания, торговли, обеспечения комфортного ночлега, служащие медпунктов; работники дорожных служб, следящие за сохранностью дорожного полотна, занимающиеся его ремонтом и отвечающие за его надлежащее состояние.

Между всеми участниками автомобильного дискурса существуют определенные семиотические взаимосвязи. В центре взаимодействия располагается водитель как основной субъект дорожного движения. Его потребностям подчинена активность всех остальных участников дискурса. Инспекторы ГИБДД осуществляют управление, контроль и регулирование дорожного движения в целом,



Только смеяться – над ситуацией, над жизнью, над собой и над другими... Так в автомобильном общении возникает лингвосемиотическое явление карнавализации – феномена, обладающего также лингво-психологическими, лингвокультурными и социокультурными свойствами. Этот феномен, будучи внедрен в когнитивную сферу человеческого сознания, становится прекрасной панелью исследования поведенческих стратегий социума в ситуациях экстремально-го столкновения с агрессивной реальностью. Карнавальность в автомобильном дискурсе актуализируется при помощи псевдо-дорожных

знаков, украшающих автомобиль, а также текстов в жанрах дорожной байки и анекдота, героями которых выступают, главным образом, институционалы, неумелые водители, «дальнобойщики» и водители-женщины.

#### Литература:

1. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
2. Олянич А.В., Некрасова Т.Н. Лингвосемиотика автомобильного путешествия: монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013. – 160 с.

## ВАКХИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Вакхическая лингвокультура представляет собой систему коммуникативных знаков, связанных с производством и потреблением алкоголя, тематически организованных в виде концептосферы «Питие», дискурсивно представленных как совокупность коммуникативных жанров и ритуальных действий, фиксирующих этнокультурный опыт поведения языковых личностей и социальных институтов применительно к производству и хранению спиртного, оценке качества, дегустации, застольным традициям, ритуалам и обычаям распития спиртных напитков. Концептосфера «Питие» представляет собой сложный социокультурный и этнокультурный феномен, тематически организованный в виде лингвосемиотической системы, включающей 1) питейные знаки, 2) знаки-локативы, 3) знаки-инструментативы, 4) знаки-персоналии, 5) знаки-квалификаторы, 6) дегустационные знаки (цвет, аромат и вкус).

Вакхический дискурс является сложным жанровым образованием и включает в себя застольный, производственный, ритуальный и другие дискурсивные жанры, взаимосвязанные друг с другом. Лингвосемиотическая система вакхического дискурса представлена вербальными и невербальными знаками, выполняющими иконическую, директивную, квалификативно-оценочную и презентационную функции. Анализ вакхических знаков, вакхических номинаций, лингвосемиотических особенностей питейных традиций и предпочте-

ний в различных культурах, предопределяет поиск сходств и различий, касающиеся семиотики их бытования в пространстве вакхического дискурса. Ключевыми понятиями, детерминирующими определение специфики и содержания вакхического дискурса являются: *вакхическая культура* – обширная область человеческой деятельности, которая проявляется в различных сферах и порождает такие феномены, как производство и хранение спиртного, оценка качества, дегустация, застольные традиции, ритуалы и обычаи распития спиртных напитков; *вакхическая коммуникация* – общение, связанное с традициями производства спиртного, правилами хранения, искусством виноделов, культурой потребления и подачи спиртного; *вакхические номинации* – лингвистические знаки вакхической культуры, рефлектирующие процессы производства и потребления спиртного, традиции и ритуалы застолья, питейные предпочтения.

Потребление спиртного – не просто физиологический процесс, но есть также система ценностей, реализующаяся в традициях, застолье, ритуалах, преемственности культуры, в празднествах, играх. Она имеет универсальный характер для любой лингвокультуры, учитывающей этнические, исторические, социокультурные питейные предпочтения этносов. Вакхическая культура – одна из наименее изолированных частей национальной культуры любого этноса. Она создается национальной общностью

людей и общностью свойственных им особенностей питейных предпочтений. Вакхические культуры разных этносов представляют собой лингвосомиотическую систему вакхических знаков, характеризующуюся лингвокультурными и этническими особенностями вакхических номинаций. Вакхические знаки исполняют следующие коммуникативные функции: а) иконическую или денотативную, закрепляющую в сознании коммуникантов образ спиртных напитков, вкус, запах, качество, технологии приготовления, а также субъектов действий, связанных с употреблением и приготовлением спиртных напитков; б) директивную или инструктивную, описывающую технологии процесса приготовления и производства спиртных напитков и регулирующей его качественные, количественные, разрешительные и запретительные характеристики; в) квалификационно-оценочную, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления спиртных напитков; г) презентационную, связанную с ритуализацией и драматизацией процесса вакхической коммуникации.

Иконической, или денотативной, семиотической нагрузкой наделены следующие типы языковых знаков: 1) питейные знаки, знаки-локативы (название спиртного напитка; место его производства); 2) инструментативы (давление винограда); 3) знаки-персоналии и знаки-квалификаторы (винодел, хозяин винодельческого предприятия, винодельни; специалист-технолог по пивоварению и производству вина); 4) знаки цвета вина или пива (бледно-розовый, розовый, бледно-красный, светло-красный, бледно-рубиновый), знаки аромата (пряный, «цветистый», «с нотками ванили»); 5) знаки вкуса (приятное слабоградусное; с легким медовым вкусом).

За директивными знаками-процессивами закреплена функция описания процесса производства и приготовления спиртного, его ход, этапы, стадии. В вакхическую семиотическую систему включены четыре типа таких знаков: а) *знаки-дескрипторы* (номинации этапов подготовки спиртных продуктов к производству: разведение чистой культуры дрожжей; номинации процесса производства: подготовка солода; предикаты процесса презентации спиртного

к потреблению: откупоривать, разливать по фужерам, бокалам; предикаты подготовки к производству спиртного: давить, молот, собирать виноград; предикаты производства спиртного: затирать солод, фильтровать пивной затор); б) *знаки-комментативы* и *регулятивы* (номинации условий для получения качественного спиртного: охладите пиво перед розливом, чтобы оно не превратилось в пену); в) *знаки-пермиссивы*, *знаки-лимитаторы* (номинации ограничения и запрета: отстоянное пиво, или пивные остатки запрещены для потребления).

Выделяются такие разновидности вакхического дискурса, как *застольный*, *производственный* и *ритуальный*. Эти типы дискурса пересекаются и взаимодействуют, выполняя определенные коммуникативные цели. Вакхический дискурс является личностно ориентированным, что проявляется в бытовой сфере общения. Участники застолья хорошо знают друг друга, их коммуникация тем успешнее, чем больше доля личностного компонента, у них не возникает необходимости объяснять друг другу очевидное. Застольная коммуникация ведется при помощи кода, который имеет высокую контекстную зависимость.

Вакхический дискурс также является статусно-ориентированным, представляет собой специализированную клишированную разновидность общения. Такое общение носит ритуальный характер, обусловлено социальными функциями партнеров, которые требуют определенного общения, предписанного канонами социума и правилами застолья этого социума. Ритуализированный характер застольной коммуникации диктует особенности взаимодействия участников в застольном коммуникативном акте: чем меньше коммуниканты знают друг друга, особенности характера друг друга, социальное положение, и чем более официальной является обстановка общения, тем более ритуализированный характер приобретает форма взаимодействия партнеров. Ритуальность проявляется в «распределении ролей» застолья: «виновник торжества», «гвоздь программы», «именинник», «хозяин праздника» – участники застолья, в честь которых принято произносить торжественную речь, желать только положительное и обращаться к ним соответствующим

образом, т. е. здесь представлена клишированная коммуникация. Застольная коммуникация представляет собой особую форму общения, когда за общим столом создается ценностная для участников атмосфера, в которой происходит общение, обмен определенной информацией и человеческими чувствами.

В застольном дискурсе вакхической культуры разных этносов присутствуют прецедентные тексты застольной коммуникации – тосты, тексты застольных песен, пословицы, поговорки, афоризмы, определенные клише, типичные для речи участников застолья. Сюда же относятся определенные модели коммуникативной тональности: общение может быть как официальным, например, при презентации вина дегустатором, так и неофициальным (празднование какого-либо события, распитие спиртного в теплой атмосфере).

Языковая личность выступает базовой категорией лингвокультурологии, отражающей менталитет носителей различных языков и культур, и обладает определенными лингвосемиотическими параметрами в вакхической коммуникации. Выявлены лингвосемиотические параметры поведения языковой личности, выраженные в определенных статусных отношениях между участниками застолья с детерминацией их ролей. Статусные отношения, или роли участников застолья, могут быть выражены в оппозициях: «хозяин–гость», *возрастная оппозиция*, *социальная оппозиция*, *гендерная оппозиция*. Приоритеты застолья находят лексическую фиксацию в виде пословиц и поговорок в лингвокультурном пространстве вакхического застольного дискурса. Будучи

устойчивыми афористическими изречениями, они отображают разнообразные явления общественной жизни хотя и в краткой, но образной и выразительной форме. Лингвокультуры застольного дискурса особенно богаты пословицами и поговорками поучительного характера, четко отражающими этнические особенности застольного процесса. Среди других значимых средств реализации ценностей застольного дискурса выделен фразеологический фонд. Фразеологизмы способствуют полноценному дискурсоразвертыванию.

В дискурсивном пространстве вакхической культуры выделяется также ритуальный дискурс. Ритуальность вакхического дискурса характеризуется конститутивными признаками, такими как структурированность, запланированность, распределение ролей, сценарность, драматургичность, ритуальность, локативность, темпоральность, символичность. Вакхический дискурс имеет ролевую структуру, которая также определяет его принадлежность не только к личностно ориентированному, но и институциональному типу дискурса. Вакхический дискурс относится к «мягкой» форме исполнения ритуала: целью вакхической ритуальной коммуникации является сохранение традиций и формирование новых, создание положительного общественного мнения, поддержание плодотворных отношений среди участников.

#### Литература:

Олянич А.В., Реймер Ю.В. Лингвосемиотика вакхического дискурса: немецко-русские параллели. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013. – 180 с.

## ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Гастрономический дискурс представляет собой личностно-ориентированный тип так называемой *глуттонической* коммуникации (от лат. *gluttonare* – есть, питаться, пожирать, объедаться), носящей институциональный характер. Гастрономический дискурс напрямую ассоциирован с концептосферой «Пища, еда». Их единство представляет собой знаковую систему, в которой сконцентрированы «культурный

капитал», национальная самоидентификация, персональная идентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые). Лингвосемиотическое пространство гастрономического дискурса организовано в соответствии с вышеперечисленными параметрами.

Гастрономическая / глуттоническая коммуникативная среда интенсивно изучается как

этнокультурный феномен в рамках концептологии, дискурсологии и лингвосемиотики с самого начала третьего тысячелетия, при этом спектр интересов исследователей чрезвычайно широк. Приведем здесь лишь несколько направлений такого изучения. Так, анализируется концептосфера «Продукты питания» в русской национальной языковой картине мира; исследуется концептосфера «еда» в русском национальном сознании, при этом выявляются базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации. Пища также рассматривается как лингвокультурный концепт немецкоязычной и франкофонной лингвокультуры; исследуется в сопоставлении калмыцко- и русскоязычной, немецко-, калмыцко- и русскоязычной этнолингвокультур. Производится внимательное обследование этнолингвокультурных характеристик гастрономического дискурса – англоязычного, немецкоязычного и тюркоязычного. Детальному анализу подвергается гастрономический дискурс в целом и его семантико-семиотические характеристики в системе массовой коммуникации; описывается актуализация темы «питание» как в диалектном дискурсе, так и в городской полиэтнической дискурсивной среде. Исследователи анализируют проблему определения лингвистических аспектов исследования языковой репрезентации архетипической категории вкуса как основы гастрономического дискурса, а также проблемы классификации вербализованной категории вкуса; отмечается, что восприятие вкуса находится в различной лексико-семантической сочетаемости и обладает спецификой имплицитного и эксплицитного выражения в разных лингвокультурах. Гастрономический дискурс изучается также в его лингвокультурологическом и переводческом аспектах, а также как центральный элемент жанрового пространства постмодернистского романа.

Гастрономический (глуттонический) дискурс подвергается описанию также со стороны его внутренней (языковой) структуры и прагматической направленности языковых элементов: например, очень тщательно исследована его метафорическая составляющая; рассмотрена семантика прагматонимов в глуттонической коммуникации; исследованы и перечислены

особенности функционирования языковых реалий с семантикой 'пища' в произведениях русских и английских писателей; изучена в целом тема пищи в повседневной разговорной речи и перечислены характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений. Гастрономический дискурс также подробно исследуется в аспекте текстовой прецедентности. Особенно подробно и последовательно изучены знаки и знаковые комплексы гастрономии (глуттонии): в данном исследовательском ресурсе важное место занимают работы по диахронной лингвосемиотике; изучается семиотическая (семантическая) изотопия «еда» в русском художественном тексте. Особое место также занимает исследование лингвосемиотики вакхического (питейного) дискурса русских и немцев в сопоставительном освещении.

В общем и целом наиболее плодотворным и доминирующим представляется лингвосемиотический подход к изучению данного феномена. Благодаря такому аспекту рассмотрения гастрономии удалось установить, что лингвистические знаки гастрономического дискурса формируют значимости (значения), складывающиеся в особую семантическую систему, структурируемую в кластеры значимостей, которые в коммуникативных целях презентации расчленяются языковым этносознанием и хранятся в нем в виде национально специфичных директивных сообщений (рецепты, меню, эстетические образы блюд, правила поведения за столом, ритуалы потребления пищи и т. д.).

В массовой коммуникации одно из важнейших мест занимает коммуникация, связанная с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления, обозначаемая нами глуттонической. Средством транспортировки лингвосемиотической информации о пище, продуктах, способах переработки и потребления в иноязычный социум выступает массово-информационный дискурс в его глуттонической функции – в виде гастрономического дискурса, в задачи которого входят 1) воздействие на потребителя в смысле выбора его пищевых предпочтений; 2) формирование самих предпочтений и культурных доминант, связанных с поддержанием жизни посредством потребления пищи. Гастрономический дискурс – это

смешанный тип коммуникации, личностно-ориентированный, проявляемый в бытовой сфере общения, и статусно-ориентированный, носящий институциональный характер.

*Участниками* гастрономического дискурса является базовая пара коммуникантов – служащий заведения общественного питания и посетитель. В гастрономическом дискурсе также имеет место общение служащих и посетителей друг с другом и между собой. При посещении ресторана – это беседа официанта с посетителем, посетителей между собой; в условиях кухни – это общение поваров, общение официантов, метрдотелей с поварами, подсобными работниками, поставщиками и т. п. гастрономический дискурс имеет также бытовой уровень: он возникает в среде домочадцев в момент приема ими пищи. Гастрономический дискурс формируется языковой личностью, стремящейся удовлетворить свои базовые потребности. Процесс дискурсообразования осуществляется на основе структуризации концептосферы «пища» в особом лингвосемиотическом пространстве как комплексной системе, состоящей из знаков глоттонии. Языковая глоттоническая личность отражает менталитет обобщенного носителя языка в потребностной сфере коммуникации и обладает специфическими лингвосемиотическими параметрами.

*Хронотопом* глоттонического дискурса выступают: время, в течение которого осуществляется приготовление пищи (кулинарный производственный процесс); время, отведенное на обслуживание посетителей заведения общественного питания (дневное, вечернее, ночное, круглосуточное в зависимости от типа заведения); место, где происходит соответствующая работа по приготовлению пищи; место, где происходит обслуживание посетителей (локус общественного питания – столовая, бар, закусочная, кафе, ресторан, клуб, бистро, уличный вагончик стрит-вендора с «быстрой едой»); место, где принимают пищу резиденты (домашняя кухня, домашняя столовая).

*Цель* глоттонического дискурса состоит в формировании как пищевых предпочтений потребителя, так и культурных доминант (столовый этикет, правила поведения за столом и т. д.), связанных с поддержанием жизни посредством

потребления пищи. Иными словами, целью данного типа дискурса является формирование ценностей, прежде всего, исходя из главной задачи глоттонической коммуникации: питание является одним из необходимых условий биологического выживания, поскольку, для того, чтобы жить, прежде всего, нужно есть. Количество, качество, ассортимент потребляемых пищевых продуктов, своевременность и регулярность приема пищи решающим образом влияют на жизнедеятельность организма. *Ценности* гастрономического (глоттонического) дискурса выражаются также в воспитании этических и эстетических норм поведения потребителей.

Иноязычный гастрономический дискурс представлен *прецедентными текстами* кулинарных рецептов, отражающих специфику национальной культуры, обладающих социальными и гендерными характеристиками, являющихся особым видом коммуникации, при котором используются определенные профессионально-ориентированные знаки – терминология, устойчивые обороты, характерные морфосинтаксические структуры. В качестве основного источника реализации текста кулинарного рецепта обычно выступает поваренная книга как гипертекст, являющийся не только практическим специальным текстом, но и семиотическим образованием, т. к. постоянные изменения в способах приготовления блюд делают его бесценным культурно-историческим свидетелем, в котором также получают свое отражение языковые изменения.

#### *Литература:*

1. Олянич А. В., Головницкая Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: монография. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. – 180 с.
2. Олянич А. В., Реймер Ю. В. Лингвосемиотика вакхического дискурса: немецко-русские параллели. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2013. – 180 с.
3. Олянич А. В. Интертекстуальность в гастрономическом дискурсе // Интертекстуальность и фигуры интертекстов в дискурсах разных типов: коллективная монография. – Глава 2. – М.: Наука-Флинта, 2014. – 352 с.
4. Олянич А. В., Бараташвили Э. Э. Очерк 6. Лингвосемиотика тюркоязычной глоттонической коммуникации // Очерки по этнолингвосемиотике потребностной коммуникации: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014. – 344 с.
5. Олянич А. В. Очерк 9. Лингвосемиотика виски или

лингвокультура эмоций «под градусом» // Очерки по этнолингвистике потребности коммуникации: коллективная монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2014. – 344 с.

6. Олянич А.В., Земскова А.Ю. Лингвистика

англоязычного гастрономического дискурса: монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. – 392 с.

7. Олянич А.В. Лингвистика французской гастрономии: монография. – Волгоград: ИПК Волгоградского ГАУ «Нива», 2015. – 180 с.

## ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Искусствоведческий дискурс, получивший наиболее глубокое осмысление в научной литературе, уже своим наименованием как нельзя более точно отражает свою сущность – какой бы ни был текст, как правило, его автор стремится «ведать искусством», понять и объяснить его смысл, предложить свою версию позиции художника и в этом смысле отождествить себя с ним, ведь даже споря с творцом произведения искусства, автор текста часто «говорит» за художника, приписывая ему те или иные интенции (У.А. Жаркова). Искусствоведческий дискурс толкуется в контексте культурологического дискурса, при этом искусство – своего рода объект культурологического дискурса. Искусствоведческий дискурс актуализируется в научном и публицистическом стилях (дискурсах). Он фиксируется как в литературно-эстетических трудах, так и в дискурсе масс-медиа – в журнальных, газетных статьях, в Интернет-коммуникации.

Особость говорения об артефактах искусства обусловлена самодостаточностью, нередуцируемостью последнего: в отличие от науки, имеющей заданный предмет познания, сфера искусства – согласно закону своего основания – данный предмет генерирует. Очевидно, что разные формы интеллектуальной деятельности предопределяют и порождают видовое многообразие дискурсивных практик. Иными словами, в общей картине мира статус искусства – творческого процесса, «заканчивающегося» созданием художественного образа – верифицируется как продолжающееся (воспроизводимое, осмысляемое и интерпретируемое) миротворение, конституирующее иные возможности познания (понимания) бытия. Способы говорения о творчестве вполне поддаются словесно-понятийной строгости, а теоретический уровень художественно-эстетической аналитики обуславливается профессионализ-

мом искусствоведов. «Смысл» и «понимание» сопряжены с проблемой «диалога», объективирующего социальную и достаточно объемную территорию научно-исследовательских интересов. Однако, проблема дискурсивной обозначаемости в сфере искусства (длящегося миротворения) – в своих самых существенных интенциях – стимулирует смысловые усилия человека в культуре, позволяя сбываться его высшему духовному предназначению.

Искусствоведческий дискурс понимается исследователями как виртуальный, постоянно разворачивающийся во времени и в пространстве корпус высказываний на тему искусства, реализуемых в рамках искусствоведческих наук в различных типах текста, коммуникативных сферах и в ходе рассмотрения отдельных вопросов в русле основной темы. Данный дискурс рассматривается как частный дискурс по отношению к общему дискурсу на тему искусства и является вторичным способом представления искусства с помощью его анализа и интерпретации. Искусствоведческий дискурс обеспечивает посредничество между автором произведения искусства и реципиентом (зрителем/слушателем). Художник через образные знаки (образы, формы, линии, технику и т. д.) создаёт невербальное сообщение, которое искусствовед должен декодировать. Таким образом, искусствовед выступает в роли посредника между художником и адресатом.

Когда произведения искусства становятся предметом произведений вербальных, совокупность, взаимодействие и функционирование последних становится особым видом дискурса – искусствоведческим. Исследователи постулируют принципиальную интерпретативную природу текста о произведении искусства: «... невербальный вид художественного творчества постигается субъектом посредством включения механизма рецепции,

оценивается, переводится в вербальный код и тем самым интерпретируется <...> Любое письменное представление изображенного объекта – это уже его интерпретация <...> Уровень описания... высший, наиболее сложный уровень интерпретации изображенного объекта...» (Е. А. Елина). Значимым представляется выделение исследователями трех уровней интерпретации – денотативного (низшего, номинативного), коннотативного (предполагающего введение эмотивнооценочного, характеризующего и потому более субъективного, менее достоверного комментария) и символического (высшего, на котором изображению придается значение и значимость символа, метафоры).

В ряде работ ключевым для дискурсивного подхода к исследуемым текстам становится понятие стратегии: «... дискурс понимается как вербализованная и используемая для коммуникации совокупность соответствующих языковых знаний и стратегий» (А. П. Булатова). В числе основных называют стратегии авторитета, оценочности, деконструкции представленного как целое, «приоритетного» восприятия некоторых аспектов объекта, стратегия ассоциативно-расширенного восприятия, высокого стиля, конкретно-объективирующая стратегия и стратегия моделирования ситуации восприятия. Очевидно, что интерпретация, в традиционном смысле понимаемая как истолкование, объяснение, в данной концепции не рассматривается как сколько-нибудь значимая стратегия искусствоведческого дискурса.

Не любое изображение является произведением искусства. Последнее отличает концептуальная нагруженность: искусство является наглядно-образной, символической формой познания мира, и то или иное полотно или рисунок воплощает (возможно, частично) авторскую концепцию мироустройства. В этом смысле произведение искусства можно считать знаком сродни словесному, в котором означающее и означаемое тесно взаимосвязаны. Если понимать под означающим форму, изобразительный ряд, совокупность «фигур», а под означаемым авторское послание, смысл, то вопрос об интерпретативной составляющей искусствоведческого текста решается более

или менее последовательно: описание означающего не есть интерпретация, объяснение означаемого, напротив, реализует стратегию интерпретации. С этим удачно коррелирует определение интерпретации, принятое в логике: приписывание некоторого смысла, значения символам и формулам формальной системы; в результате формальная система превращается в язык, описывающий ту или иную предметную область. Впрочем, необходимо признать, что описание и интерпретация не составляют специфику искусствоведческого дискурса, в отличие от передачи впечатления от артефакта, тех самых «коннотативного» уровня описания, стратегии оценочности и ассоциативного расширения (У. А. Жаркова).

Искусствоведческий дискурс есть целенаправленная коммуникативная деятельность, связанная с интерпретацией произведения (или произведений) искусства, осуществляемая ее участниками в форме устной и письменной речи, в соответствии с принятыми в обществе правилами, нормами, стандартами. Из определения следует, что указанный тип дискурса представляет собой полноценную коммуникацию, имеющую свою специфику и неповторимость. Говоря о природе дискурса искусствоведа, отметим ее двойственный характер, поскольку коммуникация в сфере искусства может проходить как невербально, так и вербально. Сказанное дает нам основания выделить невербальный и вербальный искусствоведческий дискурс. В случае невербальной коммуникации в искусстве художник как создатель произведения искусства отправляет информацию, зашифрованную посредством образов, символов и др., адресату в лице зрителя/критика. Темой и формой обозначенного типа коммуникации служит непосредственно произведение искусства, вернее – вид его материализации (полотно, поэма, пьеса, скульптура, фильм и др.). Основной посыл при этом передается при помощи символов, образов, иконических знаков. В силу того, что процесс коммуникации в невербальном искусствоведческом дискурсе носит, соответственно, исключительно *семиотический характер*, единственно возможным каналом связи выступает зрительное вос-

приятие информации. На этапе коммуникации в сфере искусства, когда актуализируется вербальный тип рассматриваемого дискурса, зритель/критик, пытаясь понять посыл автора произведения искусства, интерпретирует его посредством языковых знаков (текста), «домысливая» то, что намеревался выразить мастер, то есть адресант в лице критика/зрителя/художника отправляет декодированную информацию (текст) адресату, в качестве которого выступает читатель, вербально воздействуя на его психическое и эмоциональное состояние. Коммуникация здесь погружается в пространство *лингвосемиотики*.

#### Литература:

1. Булатова А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 4. С. 34–49.
2. Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2003.
3. Жаркова У.А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 49–52.
4. Фадеева Г.М. Искусствоведческий дискурс с позиции концепции М. Юнга // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Выпуск 6 (639). Языкознание. Москва, ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012.

## КИНОДИСКУРС

**Кинодискурс** – комплексный лингвосемиотический коммуникативный феномен культуры, относящийся к цивилизационным ценностям, накапливаемым человечеством с конца XIX – начала XX столетий по сегодняшний день. Более того, векторно его развитие направлено в далекое будущее в связи с безостановочным развитием информационных технологий (цифровые мультимедийные средства визуализации информации, искусства в том числе) и нарастающей виртуализацией существования *Homo sapiens*.

Семиотичность и креолизационность данного типа дискурса подчеркивается в большом количестве лингвистических исследований данного феномена, правда, не всегда: так, А.И. Казакова понимает кинодискурс весьма обобщенно, как «... кинотекст, а также как сам кинофильм, интерпретация фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили в него создатели кинофильма, режиссеры и сценаристы» [Казакова, 2014]; в этом определении семиотические характеристики автором никак не высвечены или «спрятаны» в глубине довольно поверхностной и малолингвистичной дефиниции. Для А.Н. Зарецкой кинодискурс, напротив, феномен сугубой лингвосемиотики – это «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, такими как креолизованное обра-

зование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем). К экстралингвистическим факторам относятся разнообразные культурно-исторические фоновые знания адресата, экстралингвистический контекст – обстановка, время и место, к которым относится фильм, различные невербальные средства: рисунки, жесты, мимика, которые важны при создании и восприятии кинофильма» [Зарецкая, 2010].

Очень подробно исследован кинодискурс И.Н. Лавриненко: исследователь дает развернутое определение явлению и характеризует кинодискурс как «... поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном единстве, которое характеризуется связностью, цельностью, завершенностью, адресатностью. Кинодискурс выражается при помощи вербальных, невербальных (в том числе кинематографических) знаков в соответствии с замыслом коллективного автора и структурируется средствами мены коммуникативных ролей; он зафиксирован на материальном носителе и предназначен для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [Лавриненко, 2012]. Обратим внимание на введение в исследовательское поле метадискурсивной категории мены коммуникатив-

ных ролей как системы стратегий, тактик и приемов, которая «... контролирует процесс диалогического общения с помощью вербальных и/или невербальных средств взятия, сохранения или передачи одному из участников интеракции права на речевой вклад, указывая на точку потенциального перехода или точку релевантного перехода. Структурно регулятивная метадискурсивная природа этой системы проявляется в ее сопутствующем характере относительно иных дискурсивных категорий и наличии специализированных тактик и приемов мены ролей» [Лавриненко, 2012].

Кинодискурс понимается С. С. Назмутдиновой как «семиотически осложненный, динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности», а так же как «... форма вербально-иконического поведения, соотносимая с определенной ситуацией, культурой, временем, пространством и обладающую основными функциями, присущими языку, – информативной, коммуникативной, регулятивной, художественно-эстетической» [Назмутдинова, 2008]. В приведенном определении вводятся понятия адресата и адресанта (агента и клиента дискурса); кроме того, оно ценно тем, что помимо семиотичности феномена в дефиниции высвечены его прагма-когнитивный и поведенческий аспекты.

Кинодискурс (кинотекст в терминологии Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой) – это «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных и невербальных знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [Слышкин, Ефремова, 2004]. Эти исследователи, во-первых, обратили внимание на его кодированную природу, а, во-вторых, предложили лингвoseмиотическую классификацию кинотекстов, согласно которой дифференциация

кинотекстов определяется на невербальном уровне доминированием индексальных или иконических знаков, а на вербальном – речевым стилем. Также они выделяют художественный (игровой) и документальный (неигровой) кинотекст и классифицируют кинодискурс по жанрам.

К единицам кинодискурса относят разные сущности: так, кинематографисты оперируют термином *кадр* (ср. теорию монтажа С. М. Эйзенштейна, согласно которой целое в кино получается путем сопоставления кадров при монтаже, и каждый кадр должен нести в себе какой-то элемент общей темы, которая «пронизывает» их все). С. Уорт предлагает различать операторский кадр (*кадема*), образующийся в результате непрерывного действия киноаппарата с момента начала съемки до ее окончания, и монтажный кадр (*эдема*) – та часть кадемы, которая реально используется в фильме [Уорт, 1984]. Ю. М. Лотман сравнивает кадр со словом в его функции по отношению к целому. Несмотря на то, что он может быть разложен на более мелкие детали, и можно также рассматривать более крупный отрезок – последовательность кадров (как и в естественном языке есть более мелкие и более крупные чем слово единицы смысла), все же кадр является основным, хоть и не единственным носителем значений киноязыка. Особенностью кадра является то, что он не статический, как фотография или картина; он допускает в своих пределах движение, т. е. кадр – явление динамическое [Лотман 1973]. Ю. Г. Цивьян полагает, что единицей кинотекста всегда является пара ядерных кадров, которую автор называет базовой цепочкой, или синтагмой кинотекста. Под *ядерным кадром* Ю. Г. Цивьян понимает непрерывный сегмент кинотекста, в котором выделяются два элемента: «предмет» съемки (персонаж и пр.) и «пространство», в котором находится или по отношению к которому движется этот предмет. Сообщение кинотекста может быть выявлено только лишь при рассмотрении как минимум двух ядерных кадров [Цивьян, 1984].

К. Метц рассматривает *план* как минимальную единицу кино [Метц, 1993/1994]. П. П. Пазолини использует термин *образ-знак* [Пазолини, 1984]. Ж. Делёз выделяет *образ-движение* как первое измерение семиотики кино и из образа-движения выводит шесть типов образов: образ-перцепция, образ-эмоция, образ-импульс, образ-действие,

образ-рефлексия и образ-отношение [Делез, 2004]. У. Эко считает, что минимальной единицей кинематографического кода является *иконический знак*, однако, не как объект, представляющий реальность, так как в фильмах объекты в кадре часто приобретают смысл только благодаря накапливающемуся в ходе повествования ожиданию увидеть что-то определенное – это и заставляет зрителя узнать в объекте то, что в отдельно взятом кадре было бы не узнано [Эко www].

Наиболее полную характеристику кинодискурса как знаковой системы дает С.С. Зайченко. Приведем ниже ее постулаты.

1. Кинодискурс относится одновременно к оптическим (воспринимаемым зрением) и слуховым (воспринимаемым слухом) знаковым системам.

2. Кинодискурс является небиологической (культурной) естественной семиотикой, возникновение которой не является спланированным или организованным.

3. Кинодискурс относится к сложным многоуровневым семиотикам. Он имеет подсистемы знаков, которые образуют определенную иерархию. Знаки в такой семиотике комбинируются по определенным правилам, и меняя порядок расположения одного знака мы меняем значение всей комбинации знаков.

4. Кинодискурс – это открытая семиотика, которая обладает способностью взаимодействовать с окружающей средой.

5. В зависимости от подхода к исследованию, единицами кинодискурса могут считаться минимальные недискретные единицы изображения; крупные отрезки (кадр, план), которые помимо визуального компонента включают в себя движение, звук и пр.; цепочки кадров.

6. Кинодискурс – это поликодовая семиотика, которая опирается на несколько кодов, функционирующих внутри каждой образующей системы. Существуют также коды, которые управляют сочетанием разных семиотических систем в кинофильме и работают на их стыке.

7. К семиотическим функциям кинодискурса относят передачу актуальной информации, передачу прошлого опыта, участие в продуцировании нового знания, регулятивную функцию, эмотивную функцию, эстетическую функцию, метаязыковую и фатическую функции [Зайченко, 2011].

С точки зрения художественного аспекта лингвокультурологии кинодискурс представляет собой также и коммуникативное пространство культуры, которое подразумевает наличие *интеракции персонажей* (протагониста и героев на ролях второго плана, участников эпизодов), различных *процессов* (например, сюжетной линии, трансформации судеб героев, документированных событий в случае документального жанра), *жанровой эмотивности и эмоциогенности* (драма, комедия, трагедия, триллер и т.п.), художественного *хронотопа* в виде временной перспективы и ретроспективы (футурологический фильм, историческая драма) и локализации событий – как вымышленных, так и реально существующих (инопланетное бытие и события заброшенного Богом тexasского городка).

Кинодискурс рефлектирует также этнокультурные специфические особенности как создателей самого кинофильма, так и хабитата в купе с социокультурной средой их художественных созданий.

Наконец, кинодискурс содержит концепты, на базе которых формируется отчетливая ценностная составляющая мессиджа режиссера, оператора и сценариста – мастеров образа и слова в одном лице. Их формированию способствует также образное мировидение художников кинокартины – генерального и его помощников (декораторы и художники по костюмам, гриму и т.п.).

#### Литература:

1. Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратов. М.: Ад Маргинем, 2004. 624 с.
2. Зайченко С.С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 4 (11). Тамбов: Грамота, 2011. С. 82–86
3. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
4. Казакова А.И. Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства. Дисс. канд. филол. наук. Астрахань, 2014. 231 с.
5. Лавриненко И.Н. Критерии классификации кинодискурса. – Вестник Харьковского национального университета. – Дискурсология: семантика и прагматика. № 1003, 2012. С. 41–44.
6. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетике. Таллинн: Ээсти Раамат, 1973. 140 с.
7. Метц К. Кино: язык или речь? / пер. с фр. М.Б. Ямпольский // Киноведческие записки: историко-теоретический журнал. 1993/1994. № 20. С. 54–90.

8. Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса). Автореф. дисс. канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 18 с.

9. Пазолини П.П. Поэтическое кино / пер. с ит. Н. Нушинова // Структура фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана: сборник статей. М.: Радуга, 1984. С. 45–66.

10. Слышкин Г.Г. Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

11. Уорт С. Разработка семиотики кино / пер. с англ.

Н. Разлогова // Структура фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана: сборник статей. М.: Радуга, 1984. С. 134–175.

12. Цивьян Ю.Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Труды по знаковым системам: ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1984. Вып. XVII. С. 109–121.

13. Эко У. О членениях кинематографического кода [Электронный ресурс]: URL: <http://kinoseminar.livejournal.com/234358.html> (дата обращения: 19.07.2015).

## МИЛИТАРНЫЙ (ВОЕННЫЙ) ДИСКУРС

Милитарный (военный) дискурс представляет собой «... особый вид речевой организации картины мира военнослужащих, обладающий такими свойствами, как соотносительность с речевой военной ситуацией, окружающей обстановкой военной сферы; специфической военной хромотопностью; интенциональностью; целостностью используемых речевых элементов; связностью; военно-фактологической информативностью; процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников; антропоцентричностью военной картины мира; способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа» (А.В. Уланов). Институциональный военный дискурс рефлектирует «... структурные особенности армии как социального института и характеризуется специфической «милитарной» коммуникацией, склонностью к постоянной динамике; гендероцентрическим (мужским) характером; усиленной хромотопностью, тенденцией к регионализации (закрепленностью за отдельной территорией), с одной стороны, универсальностью (по отношению ко всему государству) – с другой; тесной взаимосвязью с определенными типами институционального дискурса (деловым, политическим, учебным, техническим, экономическим), отражающими ситуации соприкосновения военной сферы и других сфер жизнедеятельности военнослужащих; усиленной иерархичностью и номенклатурностью в языковом выражении» (А.В. Уланов).

Военный дискурс – «особо регламентированное институциональное речеобразование, характерное для ВС в совокупности всех комму-

никативных реализаций и в единстве с социокультурными, прагматическими, психологическими факторами, т. е. с теми факторами, которые перманентно влияют на его вербализацию и восприятие в рамках института Вооруженных Сил» (Ю.Н. Сдобнова). Исследователи отмечают такие особенности военного или милитарного дискурса, как его межвременной актуальный характер (речь военнослужащих имела место во все времена, в каждый период она обладала свойственной тому времени колоритом); его ярко выраженная маскулинность семантики (служба в армии и участие в боевых действиях считалось проявлением мужественности); его тесная связь с другими, смежными видами дискурса (военно-политическим, военно-патриотическим, с теми видами дискурса, с которым военный дискурс связан на лингвистическом уровне (метафорическими моделями, метафоризацией – например, спортивный дискурс).

Как это ни прискорбно, но сегодняшние лингвокультуры существуют в рамках когнитивно освоенной дуалистической милитаристской модели бытия: пребывание в постоянной борьбе, противопоставленной кратковременному мирному (невоенному, неконфликтному) состоянию, активизирует такую потребность человека, как стремление обладать ценностями или их репрезентантами путем захвата и завоевания, что соответственно отражается как в собственно захватнической интенции, так и в интенции отобразить ее языковыми средствами. Так мир отражается языком человека-воина, и соответственно даже сугубо «гражданская» – «цивильная» концептосфера приобретает милитаристский характер и стано-

вится дуалистически оппозиционной, разделяя бытие на «свое / чужое», а коммуникантов внутри всеобщего бытия на «своих» и «чужих». Воистину, до сих пор актуально высказывание Марка Аврелия – «*Vivere militare est*» («Жить – значит воевать»)! Как представляется, справедлива точка зрения А. Г. Максапетяна по поводу того, что «военный язык как ключевой моделирующий язык для воинов, изначальными пользователями которого они являются (язык воина), и дуально-антагонистическая милитаристская модель, как базовая модель Мира для воинов, изначальными носителями которой они являются (модель воина), во многом обуславливают как преимущественную или приоритетную жизненную идеологию и стратегию воина в целом, т. е. соответствующий тип мышления и поведения вообще, так и уже вполне реальное поведение воина в иных, невоенных, ситуациях, вплоть до практического применения собственного военного опыта в других мирах, в том числе – в сфере межчеловеческих отношений...» (А. Г. Максапетян). Иными словами, военный смотрит на мир глазами военного и номинирует мир милитаристскими языковыми средствами, экстраполируя свой специфический военный дискурс на дискурс общечеловеческий, внося дух борьбы в жизнь и в общение, вовлекая в коммуникацию концепт «война».

Концепт «война» является одним из важнейших элементов лингвокультуры человечества именно в силу своей тотальной операбельности: конфликтность бытия предопределяет конфликтность коммуникации, поскольку человек всегда считает необходимым и оправданным стремление реализовать свои потребности за счет своего социального окружения, за счет среды обитания и, соответственно, вступает в конфликт со средой. Биологическое противостояние живых существ оборачивается противостоянием социальным в рамках оппозиции «свой – чужой», что немедленно сказывается на коммуникативном пространстве, создаваемом человеком. Так уж парадоксально устроено бытие, что даже потребность в мире реализуется через войну и соответственно отражается в «мирном» дискурсе – ср. например, такие метафорические фигуры, как «*борьба за мир*»,

«*трудовые битвы*», «*битва за урожай*», «*бороться за жизнь*», «*бороться за демократию*», «*трудовые подвиги*», «*трудовые победы*», «*борьба со стихией*» и т. п. Концепт «война» реализуется в эстетически структурированном лингвосемиотическом пространстве и имеет давнюю презентационную (эстетическую) историю. Армейская среда «наиболее богата эстетически проработанными знаками с жестко закрепленными значениями» (А. Левинсон). Военная геральдика, знаки различия, знамена, ордена и прочее предназначены внешним наблюдателям (считается, что противнику, но практически, конечно – «своим» штатским); существует также ряд относящихся к военному обиходу утилитарных, незнаковых предметов, которые, тем не менее, становятся знаками и символами. Таких символов немало пришло из прошлого, а в современности ими бывают силуэты знаменитых кораблей, популярные марки военных автомобилей и т. п. Отметим один из объектов с уникальной семиотической биографией – автомат Калашникова. Ему даже довелось присутствовать в качестве элемента в гербе одной из африканских стран. Известный своими характерными очертаниями сотням миллионов людей, он не только метка распространения «советского влияния», но знак массовой культуры для маркирования принадлежности к общностям и людям определенного склада. Часть объектов является «интимно-военными», т. е. их не наблюдает ничей взгляд извне. Таковы технические устройства, документы, помещения и пр., специально охраняемые военной тайной. Но есть и не секретные объекты, которые, тем не менее, скрыты от посторонних. Таковы многие военные машины и приборы, но также и детали обмундирования, предметы военного быта. Они все значимым образом отличаются от своих «штатских» аналогов (если таковые есть), и эта значимость адресована не штатским людям как таковым, а тому, что осталось от штатских в душах кадровых военных и проходящих срочную службу.

Эвфемизация типична для данного типа дискурса: она является одним из способов номинации кодовых названий военных операций, вследствие того, что основной задачей при названии военных действий является полная

конфиденциальность. Военно-политический эвфемизм составляет сегодня языковую основу такого дискурса: это касается любой лингвокультуры нашего времени. Сами военные действия именуется не иначе, как «кампания», «операция», «конфликт», «зачистка» и т. п. Можно смело говорить о внезапной языковой революции в Вооруженных Силах СССР и России в середине 90-х гг. уже ушедшего в историю XX в. Из нашего военного лексикона незаметно ушли простые и ясные понятия – *рассечь, окружить, разгромить, истребить, принудить к безоговорочной капитуляции*. Взамен появились и пустили прочные корни обтекаемо-округлые «маниловские» словосочетания: *пресечение любого вооруженного насилия, прекращение войны на возможно более ранней стадии и восстановление справедливого и прочного мира, создание предпосылок для урегулирования конфликта путем переговоров на приемлемых условиях, локализовать, нейтрализовать, стабилизировать и, наконец, вытеснить*.

Важным свойством военного или военного дискурса является то, что он драматургичен по своей сути: театральность изначально присутствует в нем как основополагающий элемент феномена войны и всего ее лингво-семиотического пространства. Не случайна и показательна стертая метафора «театр военных действий»: всякая война имеет своих сценаристов и режиссеров (штаб), ведущих актеров (генералитет, офицерский состав), массовку (действующая армия, солдаты, матросы), реквизит (форма, вооружение),

службы обеспечения спектакля (изготовители вооружений, униформы, символов и артефактов противоборствующих сторон – знамена, знаки отличия), музыкального сопровождения (военный оркестр), службы рекламы (военная пропаганда), театральных критиков (военные аналитики и военные корреспонденты) и даже заказчиков и спонсоров, в роли которых выступают государственная власть и сочувственно настроенный к ней бизнес. Аналогия с театром может быть усмотрена даже в наличии собственных средств освещения событий (ср. издание «Театральная жизнь», «Театральное обозрение» – «Военное обозрение», «Soldiers of Fortune», информационные передачи о театре на телевидении – телеобозрение «Военный магазин», «Защита отечества», и т. п.). Иными словами, военный конфликт обретает культурную форму, которая закрепляется в сознании масс путем ее многократного и подробного трансформирования через средства масс-медиа.

#### Литература:

1. Левинсон А. Об эстетике насилия: армия и общество в СССР / России за последние 10 лет // Неприкосновенный запас. 1999. № 2 (4). С. 34–52.
2. Максапетян А. Г. Язык и метафизика. Мир и языки его описания. Монография. Ереван, 2001. Электронная версия <http://www.philosophy.ru>.
3. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
4. Сдобнова Ю. Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе вооруженных сил Франции. Дисс. канд. филол. наук. М., 2014. 218 с.
5. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция. Дисс. доктора филол. наук. Омск, 2014. 494 с.

## НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Человек разумный (*Homo sapiens*), он же Человек говорящий (*Homo loquens*) никогда не прекратит экспериментировать со своими языковыми способностями: лингвистическая креативность как его онтологическое свойство в крови человечества как биологического вида. Пытаясь заглянуть в будущее как можно дальше, мы пытаемся представить его как можно более четко, при этом апплицируем к этому будущему свой рациональный – сегодняшний

или вчерашний – опыт. Фантазируя, мы формируем особый язык и особый дискурс, который принято именовать *научно-фантастическим дискурсом*.

Научно-фантастический (НФ) дискурс есть не что иное как особый тип художественно-литературного дискурса, доминирующая черта которого – репрезентация фантастической реальности в целях адекватной передачи этоса, логоса и пафоса литературной личности для

воплощения ее идеалов и ценностей в причудливых и неожиданных формах «возможных миров» с целью художественного воздействия на читателя. В рамках НФ дискурса моделируется «возможный мир в квадрате» (статус художественного вымысла умножается на статус фантастического вымысла): если художественная реальность – это уже «возможный мир», то в художественной фантастической реальности аспекты языка как орудия риторического конструирования картины мира, вариативной интерпретации действительности значительно усиливают свое действие.

Научно-фантастический дискурс может рассматриваться как уникальное дискурсивное образование пророческого характера, претерпевшее значительные изменения под влиянием социально-политических событий и научных достижений второй половины XX столетия <...> Научно-фантастический дискурс представляет собой совокупность реализованных в научно-фантастических произведениях высказываний на тему будущего, согласующихся с определенными правилами их построения и имеющих своей целью развлечение, размышление, моделирование, предостережение, побуждение к развитию той или иной научной сферы.

В НФ-дискурсе следует выделять четыре субжанра: инвентивный, развлекательный, инвентивно-социальный и формально-стилевой научно-фантастический, причем наиболее информативным исследователи полагают инвентивно-социальный фантастический дискурс, который сочетает в себе три компонента – диспозитивный, инвентивный, социальный – и реализуется (актуализируется) при помощи словесного, синтаксического, сверхфразового, текстуального и «внетекстуального» способов.

Дискурс научно-фантастических произведений обладает определенным набором элементов как на структурно-композиционном, так и на идейно-смысловом уровнях. В процессе творческой эволюции этот дискурс претерпевает определенные изменения, обогащаясь и усложняясь, но неизменно сохраняет устойчивое ядро. Облик научно-фантастического дискурса в значительной мере определяется и его специфической лексикой, которая связана

с освоением космоса, космическими полетами, экстрополяцией в будущее и научными открытиями. Научно-фантастический дискурс является особой разновидностью художественного дискурса, который объективируется в текстах, отражающих фантастические модели реальности, которые используются автором для осуществления художественного воздействия на читателя. Научная фантастика определяется как жанр в литературе и кино, где события происходят в мире, отличающемся от современной или исторической реальности, по крайней мере, в одном значимом отношении. Отличие может быть технологическим, физическим, историческим, социологическим и так далее, но не магическим.

В научную фантастику вовлекаются знания из фундаментальных, прикладных и гуманитарных наук и адаптируются к пониманию читателя с целью описать идею, выходящую за рамки реализма. Это механизм функции научной фантастики, исторически возникшей раньше всех: прогнозирование того, что может дать человеку прогресс. Функция прогнозирования долгое время сосуществовала с другой: осмыслением места техники и технологии в обществе. Они сохраняли свою актуальность до времен, пока люди верили в прогресс, бесконечное поступательное развитие и в то, что технологический прогресс приносит только блага. Миф о всемогуществе науки и техники идет рука об руку с научной фантастикой: НФ культивирует и подпитывает этот миф, а сам миф стимулирует интерес к НФ. Он до сих пор является принадлежностью «твердой» НФ и, в целом, остается актуальным.

В течение XX века вера в научно-технический прогресс перестала быть абсолютной; в НФ-литературе же разочарование в прогрессе привело к появлению новых функций. Литература стала инструментом адаптации техники и технологии к человеческому бытию, переосмыслению их роли. Иначе говоря, новое открытие, новое изобретение, новая машина уже не были центром произведения. Они остались, но стали дополнением к проблемам самого человека: как с их помощью меняется жизнь, что они могут дать, какую выгоду из них можно извлечь. В настоящее время существует богатый

пласт фантастической литературы, которая выполняет моделирование возможных вариантов применения технологий, уже прошедших пик своего развития. Это узкотематическая литература, на которую поспешили навесить слишком много жанровых ярлыков. Она образовалась как подражание *киберпанку* – фантастике, в которой повышенное внимание уделяется информационным технологиям.

Моделирование возможных вариантов развития технологий плавно примыкает к еще одной функции фантастики: моделированию возможных вариантов развития истории. Это направление фантастики известно под названием «альтернативная история» и отличается от вышеупомянутого «киберпанка» тем, что технология не является главенствующим фактором, изменяющим историю (хотя она легко меняется авторами «киберпанка»). Моделируются события, оставшиеся в реальной истории вероятностями, а технология – если из сбывшейся вероятности получается альтернативная технология – это допускается на страницах жанровых произведений. Моделирование истории и моделирование технологий – это два пересекающихся, но остающихся разными множества. Поскольку альтернативная история немыслима без точки опоры – истории реальной, то авторы вынуждены делать отсылки к произошедшим в объективной реальности событиям или хотя бы их версиям. И, если отсылки достаточно объемны и подробны, если художественное мастерство автора достаточно высоко, чтобы пробудить любопытство читателя и его желание узнать больше о прочитанном, возникает побочная функция: стимулирование интереса читателей к изучению истории.

Научно-фантастический дискурс включает в себя довольно много разновидностей выражения человеческой мысли. Научно-фантастический дискурс, как любой дискурс, «текст, погруженный в жизнь», существует во множестве форм, находящихся в постоянном взаимодействии между собой и другими видами дискурса. Как известно, дискурсы всегда было принято делить на устный и письменный. Научно-фантастический дискурс не исключение. Письменный научно-фантастический дискурс включает в себя все формы сохранения

текста, изобретенные на настоящий момент, и классификация его форм совпадает с формами существования любых художественных произведений в литературе. Что же касается устных форм НФ-дискурса, то его единственными формами на сегодняшний день представляются формы кинофильма и телесериала в разнообразных жанрах – от межпланетных путешествий до детектива и боевика.

НФ-дискурс строится на рациональной основе. При моделировании возможных миров его продуцент не выходит за пределы реального опыта известной ему материальной действительности, по-новому комбинируя свойства когда-то им виденных и узанных реальных предметов и явлений, экстраполируя реалии современной ему жизни и культуры на область изображаемого фантастического бытия. Контаминация реального и фантастического миров создается при помощи определенных лексических единиц, которые в когнитивном плане являются полуагнонимами, поскольку содержат в своей семантике компоненты известного и неизвестного. Полуагнонимы могут быть структурно мотивированными (составные номинации, слова-композиции) или контекстуально мотивированными (узуальные лексемы в окказиональном значении, окказиональные «варваризмы» в семантизируемом контексте). Родовые номинации (лексемы типа существо, животное, предмет, вещество, металл и т. п.) в научно-фантастическом дискурсе выступают полуагнонимами в референциальном плане при описании неопределенных объектов и явлений.

Лингвосомиотическая креативность на грани языкового эксперимента в произведениях научно-фантастического дискурса проявляется в части формирования особой – ирреальной – языковой и дискурсивной среды, где создается новая и вымышленная коммуникация, правда, главным образом по законам коммуникации реальной и рациональной, т. е. «земной», общечеловеческой. Киноязык научной фантастики, вследствие наличия в современных условиях широких возможностей кино- и телевизионной техники для воссоздания разнообразных ирреальных миров далекого будущего, позволяет создателям видеопроизведения на научно-фантастическую тему экспери-

ментировать не только с образами этих миров, но и с языковыми знаками, порождая вымышленные способы интеракции и коммуникации, создавая искусственные языки, которые их создатели выстраивают по нормам реального, их собственного языка. Контаминация реального и фантастического миров в таких искусственных языках воссоздается при помощи определенных инновационных лексических единиц – полуаггномимов, когнитивно содержащих в своей семантике компоненты известного и неизвестного, реального и ирреального, возможного и невозможного.

#### Литература:

1. Выродова Т.П. Научно-фантастический дискурс Айзека Азимова: структурная организация и идейно-смысловое содержание. Автореф. дисс. канд. филол. наук. 10.02.04. Литература зарубежных стран. Выродова Татьяна

Петровна. Харьков, 2003. 4 с.

2. Иняшкин С.Г. Американский научно-фантастический дискурс XX века // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. Вып. 1.

3. Иняшкин С.Г. Лингводискурсивные особенности американской научной фантастики середины XX века. Автореф. дисс. канд. филол. наук. 10.02.04. Германские языки. Иняшкин Станислав Геннадьевич. М., 2013. 22 с.

4. Медведева Е.В. Фантастический дискурс: сочетание антропоморфных и зооморфных характеристик в образе персонажей. Вестник КемГУ, 2012. № 4 (52). Т. 4. С. 55–58.

5. Рыльщикова Л.М. Письменные формы существования научно-фантастического дискурса. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов: [электронный ресурс]. URL: <http://www.jurnal.org/articles/fil12.html> (дата обращения: 10.03.2015).

6. Рыльщикова Л.М., Худяков К.В. Функции научно-фантастического дискурса. Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал Российской академии естествознания. М., 2014. № 6.

7. Стасива Г.Д. Русский научно-фантастический дискурс XX в. как лингвориторический конструкт. Автореф. дисс. канд. филол. наук. 10.02.19 Теория языка. Стасива Галина Дмитриевна. Нальчик, 2010. 24 с.

## ОХОТНИЧИЙ ДИСКУРС

Охотничий дискурс является феноменом реализации разнообразных потребностей человека, первоочередной из которых оказывается потребность к выживанию. Он обладает институциональным статусом, определяемым такими его важнейшими функциями, как легислативная, презентационная, рекреативная и сугубо потребностная (глуттоническая). Институциональный характер охотничьего дискурса поддерживает «работу» этих функций при помощи вербальных и невербальных знаков разного качества. Охотничий дискурс тесно взаимосвязан с прочими типами коммуникации; эта взаимосвязь носит не хаотический, а системный характер, детерминированный стержневой семантикой преследования и захвата как каузации и посессивности.

Охотничий дискурс представляет собой особый тип общения и протекает в обширном лингвосемиотическом пространстве; он характеризуется весьма разнообразным хронотопом; представляет собой специальный тип профессионального общения его участников; содержит целый ряд ритуалов, которые образны, ценностно- и презентационно-маркированы. Наконец, охотничий дискурс, помимо профессиональной

направленности, характеризуется также особой риторикой, проявляющейся в разнообразии жанров. Поиск пищи для пропитания оказался стимулом для особой организации человеческой речи, в структуре которой отразились с древнейших времен бытийное пространство Человека охотящегося (*Homo venationis*), знаки окружающей его природы, животных и растений как объектов охоты, инструменты преследования, убийства, обработки для потребления и собственно потребления охотничьих объектов. В коммуникации охотников на протяжении длительной истории постепенно зарождались и оязыковлялись алгоритмы действий, направленных на удовлетворение потребности в выживании, закреплялись звукосемиотические, визуально-семиотические, хроно- и топо-семиотические, сцентально-семиотические, а также лингвосемиотические (вербальные) компоненты охотничьего дискурса.

Охота в принципе может быть приравнена к потребности: одно из значений слова «охота» – это нужда, желание («охота к перемене мест», «а мне летать охота»). Если в древности охота представляла собой процесс поиска, нахождения и овладения объектом потребности

вплоть до его умерщвления с целью потребления, т. е. нужда в чистом виде, то с усовершенствованием цивилизации к этой функции охоты прибавились другие функции – 1) *рекреативная*, превратившая охоту в одну из разновидностей игры как чистого преследования; 2) *эстетическая* как костюмированное представление (презентация) элиты общества; 3) *институциональная*, как неперемное занятие властных персон (царствующих особ, лидеров государства и т. п.); 4) смыкающаяся с институциональной *воспитательно-образовательная* как способ выработки стратегических и тактических навыков и умений у властных персон и их наследников с целью привития способностей к применению власти к подданным.

Связь охоты с игрой просматривается в англоязычном наименовании *game*: так называют англичане и дичь – животных как объект охоты, и собственно саму процедуру преследования зверя. Как известно, древнеанглийское слово *game*, первоначально означавшее трофей на охоте, впоследствии получило значение «игра». Признак институциональности существует в любом типе коммуникации; он есть не что иное, как обусловленность разнообразных типов общения определенной социокультурной ситуацией, с одной стороны, и способность (в определенных пределах) вызывать изменения этой ситуации – с другой, что как раз определяет особенности соответствующего типа коммуникации. Потребовались долгие века на то, чтобы сформировались ритуалы и сценарии совершения этих действий как статусная надстройка над биологическим результатом семиотики и вербалики; чтобы охота, все так же оставаясь народным средством обеспечения пропитанием и «крестьянской забавой, молодецким веселием» (Владимир Даль).

Институциональная презентационность своеобразно преломляется в семиозисе охотничьего дискурса в виде разнообразной системы знаков, вовлекаемых в лингвосемиотическое пространство институциональной охотничьей коммуникации. В нее включены институциональные аудиальные, scentальные и визуальные знаки.

Звукосемиотический компонент охотничьей коммуникации посредством роговых

сигналов во времена монархической власти становился институциональным в том случае, когда в (презентационных) ситуациях охоты властных персон специальные сигналы рога сообщали об участии в гоне властной персоны (например, сюзерена или именитого хозяина лесных угодий). Сегодня эта традиция утрачена; тем не менее, институциональность звукосемиотического компонента современной охотничьей коммуникации проявляется в том, что старший загонщик проявляет власть и уводит особым роговым сигналом команду охотников из зоны охоты по экстраординарным причинам. Институциональность в звукосемиотике королевской охоты Англии XVI столетия реализовывалась не только в аудиознаках присутствия на охоте короля и свиты, но и в командах главного егеря (*master of the game*), подаваемых венценосным охотникам для совершения ими того или иного действия, требуемого в процессе гона дичи.

При многообразных взаимодействиях живых существ с материальным миром фундаментальные формы информации, передающие экзистенциальность собственно живого организма (*endosomatic information*), вызывают к жизни так называемую экзосоматическую информацию (*exosomatic*), позволяющую живому существу как производить подстройку собственного бытия к условиям своего обитания, так и использовать ее в целях выживания и реализации соответствующих потребностей. Концепция взаимодействия фундаментальных форм информации представляется вполне релевантной для лингвосемиотического описания некоторых базовых (естественных) феноменов или качеств живых существ, предопределяющих их потребности и способы выживания. Такая естественная информация, как эндосоматического, так и экзосоматического свойства, в семиозисе живой природы в значительной степени зависит от экспликации ольфакторного или scentального компонента, т. е. от запаха, представляющего собой особые компоненты веществ-феромонов, оставляемых живыми существами для семиотического информирования о своем присутствии в материальном мире. Знаки природы вовлекаются в алгоритм охоты и становятся частью охотничьей

коммуникации, своеобразным охотничьим языком и дискурсом. Запах – один из важнейших элементов такого «охотничьего диалога», выступающий, главным образом, в *презентационной функции*, исполняемой обоюдосторонне – феномен *воздействия* как субъектов, так и объектов охоты. В цепочке реализации этой функции запах несет в себе как когнитивную информацию (идентификация живого существа в локусе природы), так и информацию репрезентативную, как правило, имеющую два качества – *дистракционное* (отгалкивающее) и *аттракционное* (привлекающее). Таким образом, запах в семиотическом и лингвосемиотическом смысле (если мы говорим о «языке» природы) может быть представлен как особый тип презентем – *сцентальный*.

Запах как объект идентификации связан со способностями субъектов охоты его идентифицировать, отсюда в охотничьей коммуникации используются лексемы «чутье» («*природное чутье*», «*звериное чутье, охотничье чутье, собачье чутье*»), «*почуять*», «*учуять*», « [тонкий] *нюх*», «*унюхать*». Разная степень точности определения объекта преследования, которому этот запах принадлежит, характеризует опытность как самого охотника, так и его помощника – собаки, так и матерость преследуемого зверя, мастерски уходящего от погони вследствие годами вырабатываемого умения идентифицировать запах опасности (запах чужого). Умение идентификации объекта охоты по запаху в русскоязычной охотничьей коммуникации номинировано словосочетаниями «*взять след*», «*идти по следу*», и, наоборот, ошибка в идентификации отражается, например, в номинации «*скол*» – потеря гончими собаками следа, да и собственно в вербалии «*потерять след*».

*Рекреативность* институциональной охотничьей коммуникации обусловлена наличием в ее лингвосемиотическом пространстве *участников-институционалов*. Типология участников-институционалов охотничьего дискурса представляется многоуровневой и распадается на ряд категорий. Во-первых, это сами *властные персоны*, которые инициируют легитимность собственного участия в охотни-

чьих действиях и охотничьей коммуникации. Во-вторых, это *юристы* – лица, которые обслуживают процесс легитимизации права властных персон на ведение ими охоты. В-третьих, в типологии особое место занимают институциональные *агенты* властных персон, которые обеспечивают власть комфортабельным участием в процедурах охоты. В-четвертых, в семиотику охоты вовлекаются *егеря и их помощники* – лица, обслуживающие собственно процедуру охоты. Наконец, к институционалам на охоте следовало бы отнести тех, кто обслуживает эмоциосферу охоты – *историографы* и *репортеры*, отражающие и фиксирующие успехи институционалов, *повара* и прочие специалисты в области гастрономии, обслуживающие кулинарные пристрастия институционалов в связи с пойманными трофеями.

Помимо институциональности, системообразующие признаки охотничьего дискурса включают также в себя *ритуальность (театральность)* и *речевые жанры* охотничьей байки (случаи на охоте) и анекдота, рефлектирующие его *ценности*. Ритуалы охотничьего дискурса связаны с *ценностной составляющей* концепта «охота», которая вербализована в этических максимах, напрямую характеризующих языковую личность «благородного охотника». Презентационность охотничьего дискурса в ее базовой составляющей – *нарочитой театральности*, как это было показано выше, проявляется, прежде всего, сугубо *семиотически* (визуально, превращая охоту институционала в своеобразное представление). В то же время нарочитая театральность актуализируется в охотничьей коммуникации *дискурсивно-риторически*, например, как гипертрофированное преувеличение охотничьих успехов, которое допускают охотники во время бивуака (в хрестоматийной российской живописи это выражено визуально – см. картину В.Г. Перова «Охотники на привале»).

#### *Литература:*

Олянич А.В., Васильченко Ю.А. Лингвосемиотика охотничьей коммуникации: монография / Ю.В. Васильченко, А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ: Волгоград, 2014. 140 с.

## РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС

Рекламный дискурс как вид институционального общения представляет собой сложный социокультурный феномен, является составляющей более широкого социального взаимодействия, охватывает многие сферы жизни современного социума и, таким образом, оказывается связанным с разнообразными видами человеческой деятельности. Его научное освещение в лингвистике весьма обширно, однако рекламный дискурс как коммуникативный феномен продолжает вызывать интерес исследователей и изучается в русле ряда проблем: теории коммуникации; теории воздействия; презентационной теории дискурса; теории политической коммуникации; структурной организации рекламного текста в связи с социальной (гендерной, возрастной) и психологической дифференциацией.

При определении способов и средств реализации прагматической установки рекламного дискурса учитывается то, в рамках какой коммуникативной стратегии осуществляется манипулирование предполагаемым адресатом. В качестве основных *целей* рекламного дискурса могут быть выделены следующие: *воздействующая*, которая направлена на создание определенных стереотипов поведения, перестройку или закрепление ценностных ориентиров в сознании личности; *социальная*, которая призвана способствовать коммуникационным связям в обществе, формировать общественное сознание, содействовать улучшению качества жизни; *информационная*, суть которой заключается в том, чтобы распространять в массовом масштабе информацию о товаре или услуге, их характере и месте продажи, выделять товар определенной фирмы; *экономическая*, которая заключается в стимулировании распространения товаров и услуг.

Выделяют пять фундаментальных институтов в человеческом обществе, предназначение которых заключается в удовлетворении важнейших жизненных потребностей коллектива или общества: институт семьи и брака (потребность в воспроизводстве рода);

политические институты, государство (потребность в безопасности и социальном порядке); экономические институты, производство (потребность в средствах существования); институты образования, наука и культура (потребность в получении знаний, в социализации подрастающего поколения, в подготовке кадров); институт религии (потребность решения духовных проблем, смысла жизни). Внутри социальных институтов может быть выделена группа институтов сферы культуры, такие как коммуникационные (или коммуникативные) институты – социальные инструменты, с помощью которых общество продуцирует и распространяет сведения, выраженные символически и семиотически. Как раз к таким институтам относится реклама, обеспечивающая распространение информации, которая отражает деятельность различных социальных институтов. Реклама является также стимулирующим звеном развития рынка, направленным на продвижение товаров и услуг, следовательно, она обслуживает экономический институт, функционируя в сферах торговли и производства. Таким образом, реклама объединяет свойства коммуникативных и экономических институтов, подчиняется существующим в них нормам, оказывает влияние на вербальную деятельность участников коммуникации внутри этих институтов.

Выделяют также следующие институциональные характеристики дискурса, свойственные и рекламе: *ориентацию на собственную структуру, наличие максимума речевых ограничений, фиксированные роли участников, обусловленность контекстом, доминирование глобальных целей организации*. Являясь видом институционального общения, рекламный дискурс имеет ряд *легислативных (правовых) ограничений*: достоверность предлагаемых сведений, отсутствие прямой критики в адрес конкурирующих товаров или услуг и неиспользование информации, запрещенной законом (вторжение в частную жизнь граждан, использование рекламных инстру-

ментов, вызывающих отторжение социума). Еще одной важной характеристикой рекламы является ее *ограниченность во времени*. Исследователи отмечают, что реклама воспринимается в едином информационном потоке, как правило, без четкой установки адресата на восприятие. Рекламный текст не подлежит внимательному анализирующему чтению, которое характерно для книжной культуры. Адресат рекламы не обладает достаточным количеством времени, чтобы рассмотреть объект с точки зрения его достоинств и недостатков. Однако, несмотря на темпоральную ограниченность, рекламный дискурс имеет перлокутивный эффект: экономические исследования показывают, что успешно продаются именно рекламируемые товары и услуги.

Рекламный дискурс функционирует в социально-экономической сфере, характеризуется стандартным *структурно-композиционным построением рекламного текста* как своего продукта. В него на правах факультативности включены важные в коммуникативном отношении компоненты – зачин, обращение, основной текст, слоган, контактная информация. Рекламная речь характеризуется рядом *объективных лимитаций*, детерминированных спецификой коммуникативной ситуации: лимитированностью высказывания временными рамками, границами пространства, правовым регулированием; спецификой каналов связи; преобладанием прагматической цели популяризации объекта рекламирования; спецификой свойств товара; особенностями вербальной структуризации продуцируемого рекламного сообщения; потребителем потенциалом товара, зависящим от характеристик участников.

Рекламный дискурс лингвосомиотически параметризован, разворачивается в соответствующем стилистическом пространстве и обладает специфической лингвосомиотикой, актуализируемой разнообразными средствами. Рекламное сообщение обычно выстраивается по стандартной модели, включающей зачин, основной текст, заключение, слоган, контактный адрес. Эта модель, однако, в связи с определенными целями и в конкретной

коммуникативной ситуации может изменяться через опущение и добавление некоторых структурных частей.

*Ценности* рекламного дискурса определяются его прагматической установкой, направленной на социально-экономическое регулирование, воздействие на различные группы адресатов. Манипулирование в рекламе заключается в использовании системы институциональных и общечеловеческих потребностей, наиболее релевантных «многоликому» адресату, которые являются отражением социально-культурного развития общества. Реклама предлагает товары и услуги и, помещая их в определенный социальный контекст, переводит их в сферу ценностей, формируя соответствующий образ, стиль жизни, понимаемый как конкретная ситуация ритуальных предписаний, господствующих в данной социальной сфере, символические модели поведения во всех сферах жизнедеятельности людей: в потреблении, отношении к искусству, политике, религии, общественным организациям и т. д.

В зависимости от главенствующей коммуникативной цели, господствующего мотива потенциального адресата и его потребностей и соответственно используемых вербальных средств рекламный дискурс может содержать признаки как одного, так и нескольких *ситуативно-доминирующих жанров – информативного, императивного, оценочного, аргументирующего*. По выполняемым функциям и целям рекламный дискурс характеризуется перформативными жанровыми признаками, поскольку вызывает реальные (экономические, социальные, психологические, эмоциональные) изменения как у отдельных адресатов, так и в обществе в целом, модифицирует глобальные (социальные) и частные (ценностные установки в сознании адресата). Учитывая направленность рекламного дискурса на манипулирование поведением адресата и реализацию прагматической установки через стимулирование определенного вида деятельности (приобретение объекта рекламирования) с помощью некоторых вербальных средств, можно сказать, что рекла-

ма содержит императивные (регулятивные) жанровые признаки. Прямая императивность в рекламном дискурсе отсутствует, в связи с чем у адресата создается иллюзия независимости принятия решения. Императивные конструкции, побуждающие к какому-либо действию, например приобретению объекта рекламирования, вызывают настороженное отношение адресата или даже приводят к противоположному эффекту. Императивность завуалирована или используется как элемент языковой игры, выразительного средства воздействия. Повелительные конструкции являются средствами вербальной выразительности, воздействуют на адресата в комплексе с визуальной семиотикой (изображением, шрифтами), создают целостный креолизованный продукт. Императивность в рекламном дискурсе выражается не только в ее вербальных средствах (например, императивных конструкциях), но и в выполняемых частных функциях. Ориентация всей смысловой структуры сообщения на провокацию некоторого поведения адресата, композиционная взаимосвязь лингвосемиотических инструментов воздействия позволяют отнести любое рекламное сообщение к императивному высказыванию.

Используя типичные средства реализации презентационных целей, продуценты рекламного дискурса часто создают рекламные сообщения, в большей мере обладающие оценочными (модальными) жанровыми признаками при продвижении товара на рынке, формировании его имиджа, создании стимулов приобретения. Для создания оценки используются эпитеты, лексика с положительной коннотацией, сравнительная и превосходная степени сравнения прилагательных и наречий; лексические единицы, манифестирующие высокую степень свойств объекта рекламирования. Кроме того, для оценочного высказывания характерен экспрессивный синтаксис (восклицательные предложения, вопросно-ответные конструкции и др.).

Успешность рекламной информации во многом определяется правильным вы-

бором стратегий коммуникативного воздействия в конкретных прагматических условиях и при наличии у воздействующего – агента рекламного дискурса – знания о *хронотопе*, в котором существует клиент, и его *хабитусе* (образ жизни, вкусы, привычки, повадки потребителя рекламы или клиента рекламного дискурса – термин П. Бурдьё). Под коммуникативным воздействием обычно понимается воздействие на знания, отношения и намерения адресата в нужном для адресанта направлении (в соответствии с этим принято различать когнитивные, аффективные и поведенческие эффекты). В дискурсе (и в рекламном в том числе) коммуникативные стратегии сводятся исключительно к *презентации* с элементами *манипуляции* и *конвенции*. Последние встраиваются в презентацию в качестве «подручных средств» реализации целей и намерений осуществляемой коммуникации. Таким образом, речь может идти только о *презентационных стратегиях*, которые представляют собой *способ производства коммуникативного пространства и способ представления этого коммуникативного пространства в среде коммуникации за счет работы по изменению структуры этой среды*. Действия субъекта воздействия направлены на решение двух групп задач: первая группа – задача организации общения (привлечение и удержание внимания, создание благоприятной атмосферы, эмоционального настроения и т. д.), вторая группа задач связана с оказанием собственно воздействия – побуждение объекта воздействия к некоторой деятельности (указание на имеющуюся потребность, демонстрация предмета-мотива, указание на деятельность, осуществление которой приведет к удовлетворению имеющейся потребности).

#### Литература:

Олянич А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / Науч. ред. Т. Н. Колокольцева. М.: Флинта – Наука, 2011. 296 с. Глава 1. С. 10–38.

## ТЕАТРАЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Театральность сквозь призму лингвосомиотики рассматривается в тесном соприкосновении с дискурсом. В религиозном дискурсе она проявляется как обряд и ритуал, которые неотделимы от воздейственного слова проповедника. Педагогический дискурс также театрален в том смысле, что обучающая ситуация урока или лекции требует *театроподобной* среды выступления учителя (преподавателя) перед обучающимися, где наличествует сценарий (план урока или лекции), имеется свое семиотизированное пространство (класс), структурированное по театральному типу (кафедра – сцена, пространство у классной доски – сцена, ряды ученических столов или расположенные амфитеатром места студентов – зрительный зал). Вспомним школьные годы: кто из нас не стремился попасть «за кулисы» – в подсобку кабинета химии, где хранились те самые реактивы и химикаты, которые преподаватель применял для эффектных спектаклей-демонстраций перевоплощения реактивов на уроке? Наконец, звук школьного звонка, призывающего на урок – это звонок, сигнализирующий о начале представления. В дискурсе глуттоническом (гастрономическом) театральность проявляется также в театроподобной семиотической среде кухни как закулисной театральной деятельности и в ресторане как презентационном пространстве сцены для демонстрации результатов творчества (блюда) повара (драматурга и режиссера) и официанта (актера) публике (посетители ресторана). Театральный характер приготовления и подачи еды в сегодняшней визуализированной среде массовой коммуникации утверждается наличием на телевидении многих стран телевизионных шоу наподобие «Смака» с Андреем Макаревичем, «Кулинарного поединка» (НТВ), «Готовим утром» (НТВ с актрисой Юлией Высоцкой), «Chef School» (Reality TV). Театральность подчеркивается участием в этих шоу настоящих звезд шоу-бизнеса – персон театра и кино.

Наиболее последовательно рассматриваемая проблема театральности как лингво-

семиотического основания для развития коммуникации развивается в «идее театральности жизни» Н. Евреинова, известного режиссера и теоретика театра России 20-х годов XX века. Н. Евреинов не связывает театральность лишь с искусством, считая, что театральность свойственна каждому человеку и является важным элементом жизни как отдельного человека, так и общества.

Театральность как феномен политической коммуникации представляет собой лингвосомиотическую категорию, выполняющую функции презентации и самопрезентации политических акторов для воздействия на широкий социум с целью обретения, укрепления и удержания политической власти. Театрализация и режиссирование политической действительности имеют большую значимость для современного политического процесса, когда восприятие политических событий через призму зрелищности и развлекательности, «конструирование» политической действительности при помощи СМИ приобретают всё новые формы и масштабы. Политическая театральность представляет собой совокупность театральных приемов, перенесенных на «политическую сцену», является неотъемлемым свойством политики, дает возможность, используя театральную основу, воздействовать на публику для достижения политических целей. Политическая театральность – это своеобразный лингвосомиотический «инструмент», способствующий точно рассчитанной реализации политических субъектов в формировании удобной для своего существования властной среды и коммуникации; инструмент, включающий механизмы презентации и самопрезентации как необходимых элементов коммуникативного воздействия на среду и социум. Базовые характеристики театральности как лингвосомиотической и прагматической категории, обеспечивающей презентационность дискурса, присутствуют во всех типах и жанрах политического нарратива.

В политическом нарративе система вербальных и невербальных знаков театральности

реализуется в виде лингвокреативных элементов, продуцируемых политической языковой личностью с прагматической целью эффективного воздействия на социум. Лингвосемиотика театральности характеризуется такими параметрами, как сценарность, ритуальность, игра («игра на публику»), символичность, презентационная эмоциогенность, которые репрезентированы в текстах политического нарратива как номинации локализации приложения политической власти, амплуа акторов, дескрипции сюжетной линии политического события, аттракции зрительского внимания, оценки действий политического актора, риторических категорий логоса, пафоса, этоса и политической агональности. Полное сходство процесса политической коммуникации с театром заключается в том, что оба феномена конструируют свою вербальную сферу в презентационных целях так, чтобы вызвать аплодисменты и овацию. «Игра» политика, его маски и роли в пространстве политического события (партийный съезд, речь при открытии публичного здания или института, встреча с избирателями, высокими гостями), его публичные монологи (официальные речи) и диалоги (предвыборные дебаты) столь же апеллятивно провокационны, сколь и захватывающее театральное действие. Провокационная театрализованная инспиративность, вызывающая эмоции аудитории, обеспечивается в англоязычном политическом нарративе при помощи обширного лингвосемиотического инструментария, среди которого ведущим является риторическое манипулирование национально значимыми концептами, сопровождаемое такими семиотически обусловленными компонентами театральной коммуникации, как инспиративная жестикуляция и патетическая голосовая модуляция.

Дискурсивная организация политического нарратива поддерживается разнообразными театральными жанрами, при этом определено, что максимальным потенциалом воздействия обладает жанр политической мелодрамы. Использование мелодраматического жанра в политических целях, проявляющееся как игра патриотическими чувствами электората и манипулирование диадой «свои – чужие» является типичной театрализованной формой

политического воздействия, призванного исказить реалии мира, при помощи «жонглирования» моральными и прочими ценностями закамouflировать маловразумительную политику и неразумное управление страной.

Итак, театральность, выступая как лингвосемиотическая категория, репрезентированная в языке и речи системой знаков, способствует точно рассчитанной реализации намерений субъектов политики по достижению политических целей, оказывается эффективным способом коммуникативного воздействия на широкую аудиторию через вербальные и невербальные механизмы презентации и самопрезентации.

Актуализация данной категории эффективно реализуется именно в политическом дискурсе и политическом нарративе: именно в лингвосемиотическом пространстве политической коммуникации система вербальных и невербальных знаков театральности получает нарративную реализацию в виде лингвокреативных элементов, продуцируемых политической языковой личностью с прагматической целью эффективного воздействия на социум. В политическом нарративе лингвосемиотика театральности характеризуется такими параметрами, как сценарность / ритуальность, игра, символичность, презентационная эмоциогенность. Лингвосемиотическая категория политической театральности структурирована системой невербальных и вербальных знаков, представленных в текстах политического нарратива как номинации локализации приложения политической власти, амплуа акторов, дескрипции сюжетной линии политического события, аттракции зрительского внимания, оценки действий политического актора, риторических категорий логоса, пафоса, этоса и политической агональности. Система знаков исполняет в политическом нарративе функции презентации и самопрезентации политических субъектов. Текстопорождение в политическом нарративе осуществляется при помощи широкого применения стилистических средств, ведущим из которых является театральная метафора, основанная на номинациях театрального устройства и театрального процесса. Яркость и образность являются неотъемлемой

характеристикой политической театральности; в политическом нарративе они достигаются с помощью стилистических приемов лексико-синтаксического уровня (повторы, градация, аллюзии, сравнения, антитеза). Ведущим стилистическим средством политического воздействия является театральная метафора. В процессе метафоризации политического нарратива номинации театра эксплуатируются по-разному, с разной интенсивностью употребления. Наиболее частотными театральными метафорами в политической коммуникации

оказались образные единицы, сформированные на базе номинаций театральности как явления, театральные жанры и номинации театрального процесса.

#### Литература:

1. Олянич А.В., Распаев А.А. Лингвосемиотика театральности в англоязычном политическом общении: монография / А.В. Олянич, А.А. Распаев. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2015. 212 с.
2. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография, М.: Гнозис, 2007. 407 с.

А.В. Олянич, Е.А. Сухова

## АГРО- ИЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

Агродискурс или сельскохозяйственный дискурс представляет собой личностно-ориентированный и институциональный типы коммуникации в сфере взаимодействия производителей сельскохозяйственной продукции как участников агросферы – одной из областей производства, обработки и потребления сельскохозяйственной продукции (агрономия, растениеводство, садоводство, ветеринария, зоотехния, механизация и электрификация сельского хозяйства, мелиорация и орошение сельскохозяйственных земель, экология почв и водной среды, аква- и ихтиокультура).

Когнитивная модель данного типа дискурса цементирует весь пласт *агрикультуры* как семиотического образования, составляющего значительную часть общечеловеческой культуры (не путать с *агрокультурой* – научным агрономическим термином, обозначающим классификационный тип или вид возделываемого человеком растения – злака, огородных или садовых растительных культур), и включает в себя соответствующий хронотоп, участников (агенты и клиенты – производители и потребители агропродукции), инструменты, объекты и условия выращивания, добычи, переработки и потребления. В рамках этой модели в дискурсе происходит лингвосемиотическая актуализация *знаков-прагматонимов*,

образующих систему концептов и номинаций агропромышленной тематики.

К знакам-прагматонимам, получающим лингвосемиотическую актуализацию в агро- или сельскохозяйственном дискурсе, относятся следующие, вербально эксплицированные образования.

Во-первых, это собственно прагмаконцепт «Земля», который представляет собой универсальный концепт, содержащий топографические (территория посевов, огородов, садов, зоны выращивания и культивирования аква- и ихтиокультур, выпаса скота), агрономические (культивация растений) и институциональные (легитимность прав собственности на землю). Он фиксирует, с одной стороны, общечеловеческие ценности, связанные с существованием *Homo sapiens* как биологического вида в ракурсе его потребности в выживании, а с другой – этноспецифичность ценностей и своеобразие той или иной этнокультуры в целом, рефлектируя особенности ментальности того или иного этноса, что позволило считать данный концепт универсальным, общецивилизационным и этноспецифическим концептом, ключевым для любой лингвокультуры. Кроме того, он является ключевым для объемного участка картины мира, исследуемого и осваиваемого

этносоциумами. Его номинативными экспликациями выступают такие прагматонимы, как *поле, пашня, почва, луг, выпас, борозда, грядка, ряд, чеки* и т. п. Данный концепт входит своей частью в топос описываемого здесь дискурса.

Во-вторых, это знаки-ресурсонимы, денотирующие производимые в ходе функционирования сельскохозяйственных организаций и объединений (фермерских хозяйств, частных и государственных владений земель) продовольственные продукты. К ним относятся: а) агрикультурные номинации продовольственных растений (*зерно, рис, пшеница, рожь, просо, горох, нут, сорго, чечевица, фасоль, бобовые, ячмень, овёс* и т. д.); б) агрикультурные номинации плодово-овощных агрикультур (*яблоки, сливы, виноград, абрикосы, морковь, капуста, баклажаны, томаты, огурцы, арбузы, тыква, кабачки* и т. п.); в) номинации *сельскохозяйственных животных*, выращиваемых для мясной и молочной промышленности по переработке мяса и молока, а также птицы, выращиваемой для производства и переработки мяса и получения яиц; г) номинации *рыб, моллюсков и ракообразных*, вылавливаемых в естественных и разводимых в искусственных условиях для продовольственного потребления; д) номинации видов производств, на которых хранится, обрабатывается и производится продукция агропромышленного комплекса (*элеватор, ферма, птицефабрика, ток, цех, бойня, молокозавод* и т. п.).

В-третьих, это знаки-инструментативы как номинации инструментов обработки земли и производства сельскохозяйственной продукции. К ним относятся: а) инструменты и механизмы подготовки почвы к севу, сева зерновых и сбора их урожая (*борона, сеялка, комбайн, трактор, культиватор, картофелеборщик, плуг, грабли, тяпка* и т. п.); б) инструменты для дойки коров и последующей переработки молока и создания молочных продуктов (*дойный аппарат, сепаратор* и т. п.); в) электрооборудование для выполнения сельхозработ; г) лекарственные средства для лечения и ухода за сельскохозяйственными

животными; д) теплицы для выращивания и культивирования сельскохозяйственных растений и цветов; е) бассейны и аппаратура для выращивания молоди рыб, моллюсков, ракообразных и лягушек на экспорт во Францию; ж) ульи и оборудование для промышленных пасек как средств производства мёда; з) удобрения и средства химической обработки растений против насекомых-вредителей, диких птиц и грызунов; и) оборудование для полива посевов и гидромелиоративное оборудование; к) винодельческое оборудование (орудия обработки виноградников и средства производства вина и коньяка – *бочки, давилни, прессы, перегонные кубы* и пр.).

В-четвертых, в агрикультурном дискурсообразовании и дискурсоразвертывании участвуют знаки экономического кластера; они используются для ведения учета доходов и расходов в агрикультурной сфере.

В-пятых, участниками агрикультурного дискурсообразования и дискурсоразвертывания выступают его агенты – работники агросферы (*комбайнеры, водители, операторы машинного доения, птичники, ихтиологи, агрономы, механики, электрики, сотрудники биохимических лабораторий, ветеринары, зоотехники, сенозаготовители, экономисты, руководящий состав ферм и государственных предприятий*, ранее в советское время имевших наименование колхозов и совхозов, а в пост-перестроечный период в России получивших статус акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью). В определенном смысле участниками агрикультурного дискурсообразования и дискурсоразвертывания выступают *дачники* – население городов, имеющие участки земли в садоводческих и огороднических товариществах. Клиентами данного типа дискурса выступают сами *потребители* сельскохозяйственной продукции и *работники торговых предприятий*, осуществляющих поставку и продажу сельскохозяйственной продукции потребителям.

В рамках российского агрикультурного общения интенсивно эксплуатируются диалектные формы речевого взаимодействия

жителей той или сельской местности, где они ведут свою трудовую деятельность. В русскоязычный агрикультурный дискурс повсеместно сегодня вовлекаются креативные элементы народного устного творчества (байки, частушки, народные песни, присказки, народные сказы и сказки, мифы и легенды), предрассудочные феномены, народные приметы и предубеждения, а также художественные народные элементы (народные ремесла, народные танцы, одежда), формы сельского досуга (сбор ягод и грибов, рыбалка и охота, посещение сельского клуба или дискотеки, «хождение в гости», «посиделки на завалинке» и т. п.) и гастрономическая (глуттоническая) составляющая (крестьянская еда, народные блюда).

У агро- или сельскохозяйственного дискурса наличествуют тесные связи с *научным дискурсом*, поскольку в сельском хозяйстве и агрофере в целом присутствуют и когнитив-

но осваиваются знания о земле, её биосфере, почве, природных ресурсах, экономике хозяйствования и гуманитарного аспекта проживания в сельской местности. Кроме того, в последнее время прослеживается взаимосвязь с *туристическим дискурсом*, поскольку в сельской местности стали открываться маршруты агротуризма и сельского туризма, появились сельские гостевые дома и крестьянские этносады. Любопытство посещающих эти маршруты провоцирует также гастрономическое этнодискурсоразвертывание, поскольку велик интерес к блюдам, приготовляемым в конкретной сельской местности и из специфических для нее продуктов.

#### Литература:

Олянич А.В., Сухова Е.А. Концептосфера «Земля» в англоязычной агрикультуре: монография. Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. 184 с.

Т.А. Островская, З.Р. Хачмафова

## ДИСКУРС ЭЛИТЫ

**Дискурс элиты** представляет собой один из видов над-институционального общения и рассматривается, с одной стороны, как тип речевого поведения элитарной личности, детерминированного пространственно-временными параметрами, с другой стороны – как вербализация когнитивного стереотипа понятия «элита» (стандартного представления носителей языка), существующего в дискурсивно-когнитивном пространстве и определяемого социально-историческими условиями. Дискурс элиты определяется как правила порождения смыслов элитарной языковой личностью; как определенный тип высказывания, присущий элитарной личности; как когнитивное пространство, образованное вокруг макроконцепта ЭЛИТА, предопределяющего и создающего предметную сферу дискурса элиты, его смысловое содержание, включающее в себя информацию о субъектах, объектах, обстоятельствах и пространственно-

временных координатах, отражающих окружающий мир и создающих присущий элите способ видения мира и упорядочения действительности; это вербализация элитарной ментальности, отражающей окружающий мир и создающей присущий элите способ видения мира и упорядочения действительности; это отражение понятия «элита» в когнитивном сознании носителей языка в виде когнитивных стереотипов.

Дискурс элиты относится к дискурсу объекта, т. е. дискурсу определенной социальной группы, в которую входят элитарные личности, принадлежащие к различным социальным институтам. Дискурс элиты, как и любого социального института, является средством хранения, передачи и регуляции знаний при формировании локальных дискурсивных практик, которые интегрированы во все социокультурные институты. Признаки элитарности проявляются, прежде всего, в элитарном

речевом поведении, т. е. в дискурсивных практиках, характерных для элитарной языковой личности. Исследование дискурса элиты привело к выделению его функций, к которым относятся: социокультурная функция, функция хранения, передачи и регуляции действий при формировании локальных дискурсивных практик, функция реализации дисциплинарных практик. К конститутивным признакам дискурса элиты относятся: репродуктивность, пролиферация, наличие онтологического параметра, семиотичность, конвенциональность, институциональность, идеологичность, прагматичность и интертекстуальность.

На содержание дискурсообразующих концептов элиты оказывают влияние вербальные, невербальные и транс-вербальные знаки, что позволяет выявить семиотическую сущность рассматриваемого дискурса. Дискурсивная элитарная личность наиболее полно характеризуется при рассмотрении ее вербальных, невербальных и транс-вербальных составляющих, т. е. совокупности ее речеповеденческих моделей и невербальных поведенческих паттернов, формирующих дискурс элитарной языковой личности. Модификация дискурсивных практик современной элитарной личности происходит в направлении «омассовления», «маргинализации» элиты.

Экстралингвистическими факторами, влияющими на формирование и изменение дискурсивных практик элиты, являются глобализационные и другие социокультурные и лингвокультурные процессы, происходящие в эпоху постмодерна, люмпенизация духа (омассовление) в эпоху постмодерна, тенденция опрощения онтологических феноменов, исторические традиции (предпосылки), существующие в постиндустриальном лингвокультурном обществе, особенности концептуализации эпохи постмодерна, эмоциональный фактор. К системообразующим элементам дискурса элиты относятся следующие признаки: наличие участников, представление о социальной миссии, наличие цели, социальные практики, стратегии и тактики общения, базовые ценности элиты, реализуемые в дискурсе функции,

дискурсивные формулы, особая прецедентность, жанры, хронотоп.

**Участниками дискурса элиты** являются представители различных социальных институтов, т. е. дискурсивные элитарные личности, исполняющие определенные коммуникативные роли для реализации различных интенций в рамках дискурсивных практик элиты. Основная **социальная миссия** элиты – быть «репрезентативным обществом», моделью целого в массивизирующемся обществе, целого, взятого в своих наивысших достижениях и, исходя из этого, определять политический курс государства. Следовательно, дискурсивные практики языковой элитарной личности нацелены на производство текстов, в которых проявляются интенции участников дискурса на реализацию основной социальной миссии дискурса элиты – интеграцию общества.

**Цель дискурса элиты** определяется предполагаемым результатом коммуникации, т. е. ради чего создавался и реализовывался дискурс. Сущность элиты состоит в доминировании, реализации определенной идеологии, следовательно, очевидны и цели дискурса элиты – реализация стратегии доминирования. Таким образом, основным системообразующим критерием для выделения дискурса элиты служит тематический определитель цели – доминирование.

В дискурсе элиты **способ общения** обусловлен многими факторами и целями – от просветительской до агональной – и обусловлен тем, к какой элите относится данная элитарная языковая личность, поэтому выбираемые стратегии и тактики носят гибкий характер.

**Социальные практики дискурса** элиты реализуются благодаря наличию таких имманентных особенностей элиты, как статусные характеристики (высокие социальные позиции), функциональные характеристики (элита делает все эффективно, задает образцы, утверждает общие моральные представления и правовые нормы).

**Базовые ценности элиты** – это совокупность нравственных установок, имеющих наибольшую значимость для элитарных личностей, обуславливающих существование дискурса

элиты. «Ценностный» критерий элиты опирается на представление об определенных качествах личности, присущих дискурсивной элитарной личности: поведенческих эталонах, высоком уровне интеллектуального развития, моральных качествах и степени «аристократичности» в повседневной культуре. Особенно важно, что эти «ценностные» критерии связаны с вопросом об «истинности», «подлинности» той группы, которая считается или сама себя считает элитой, а также с представлением об элитарности как о качестве, которое передается по наследству.

**Реализуемые функции**, т. е. назначение любого дискурса объекта, тесно связаны с «воссозданием социальной реальности». Формирование дискурса элиты как коллективной идентичности происходит путем навязывания базовых ценностей новым участникам дискурса. Таким образом, формирование коллективной идентичности является главной функцией дискурса элиты, без нее невозможна реализация остальных функций, связанных с базовыми ценностями элиты.

**Дискурсивные формулы** являются инструментом реализации тактики речевого общения. Они могут быть особым видом языка, понятным только членам определенной социальной группы – так называемой, особой прецедентностью, к которой относятся прецедентные тексты, представляющие собой цитаты элитарных художественных произведений, инклюзии выражений и терминов на латыни или других языках и пр., т. е. такие тексты, которые объединяют всех представителей данного социума и позволяют провести грань между «своим-чужим». С другой стороны, в зависимости от социального уровня субъектов речевого действия, языковая элитарная личность может адаптировать цитаты, сложные фразеологизмы, афоризмы до уровня понимания их субъектами речевого действия. Такая стратегия является примером «игры на понижение». К дискурсивным формулам также относятся невербальные и транс-вербальные знаки дискурса элиты: стиль жизни, стиль поведения, вещное окружение, в том числе мода, жилище, автомобили, домашние питомцы и пр.

Определение **жанров** дискурса элиты представляет сложность в виду над-институциональности исследуемого дискурса. Поскольку дискурс элиты – это симбиоз различных институциональных дискурсов, каждый со своей элитой, то жанры следует рассматривать индивидуально при проведении дискурсивного анализа отдельного дискурса.

**Хронотоп.** Дискурсивная элитарная личность определяется совокупностью признаков, присущих элите как макросоциальной группе в целом, но с учетом особенностей, обусловленным хронотопными характеристиками дискурса элиты. Его дискурсивное пространство охватывает практически все виды социальной деятельности человека, так как в каждой макросоциальной группе присутствует своя элита. Описание жанров дискурса элиты дифференцируется в зависимости от того, какой тип элиты находится в фокусе внимания исследователя. Базовыми концептами для всех типов элит являются концепты «доминирование», «власть», «социальное сплочение общества» «цинизм».

#### *Литература:*

1. Островская Т.А. Дискурс элиты и дискурс элит: методологические подходы к исследованию // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Випуск 101. Серія: Педагогічні науки. Чернігів, 2012. С. 246–249.
2. Островская Т.А. Общегуманитарные подходы к исследованию дискурса элит // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. Вып. 17. С. 135–140.
3. Островская Т.А. Концепт «дискурс» как объект лингвистического исследования // Известия Сочинского государственного университета. Сочи: Известия СГУ, 2013. № 2 (25), 222с. С. 203–206.
4. Островская Т.А. Дискурсообразующие концепты дискурса элиты // Вестник АГУ. Сер 2. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. Вып. 4. С. 76–83.
5. Островская Т.А. Дискурсообразующие концепты современной меритократической элиты Британии и Ирландии. Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 173–179.
6. Островская Т.А., Хачмафова З.Р. К вопросу изучения дискурсивного пространства эрзац-элиты в синергетической парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 10. Ч. 3. С. 146–149.
7. Островская Т.А. Актуализация концепта ГИБКСТЬ МЫШЛЕНИЯ в современном британском дискурсе элиты // Лингвокультурология: Научное издание. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический, 2014. № 8. С. 138–141.

## КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИСКУРС

Компьютерная коммуникация представляет собой общение посредством компьютера и имеет, как минимум, три измерения – тематическое (разговор о компьютерах), персоналогическое (разговор специалистов в сфере информационных технологий между собой или с другими людьми) и инструментальное (разговор посредством компьютера). Инструментальное измерение общения является по своей сути лингвосомиотическим и в наибольшей мере раскрывает природу компьютерной коммуникации.

Изучение компьютерной коммуникации привлекает к себе внимание многих ученых. Исследуется лингвистический статус Интернет-общения как особого типа дискурса; анализируются технические параметры компьютерной коммуникации – электронная форма существования текста, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность и др.; описываются структурно-семантические особенности Интернет-вокабуляра. Специальному анализу подвергаются особенности компьютерного сленга и жанры компьютерного общения (Интернет-конференция, форум, чат, Интернет-дневник, персональные объявления в Интернете). Исследователи обращают внимание на лингвокультурные особенности компьютерного общения на материале разных языков. Обсуждаются функционально-игровые характеристики компьютерного дискурса. Дискуссионными являются вопросы знаковой организации и жанровой системы компьютерного общения.

В общем и целом наиболее плодотворным и доминирующим представляется социолингвистический подход к изучению данного феномена. Благодаря такому аспекту рассмотрения удалось установить, что *сущность компьютерной коммуникации* состоит в специфическом единстве и взаимовлиянии ее основных модулей – актуальной и сетевой

коммуникации. *Актуальная компьютерная коммуникация* является исходным типом общения, в ходе которого его участники осуществляют обиходное и специализированное информационно-эмоциональное взаимодействие в реальных жизненных ситуациях. На базе актуальной коммуникации возникает *сетевое общение*, участники которого представляют собой неопределенное множество реальных и потенциальных пользователей сети, образуя в своей совокупности ноосферу, о которой писал В.И. Вернадский. При этом между этими типами общения нет непреодолимой границы – каждый участник компьютерной коммуникации может выступать в любой из ипостасей пользователя сети.

Компьютерная коммуникация характеризуется следующими конститутивными признаками: *бимодальностью* – возможностью вести коммуникацию в двух режимах: актуальном и сетевом; *металинеарностью* – наличием системы гипертекстуальных связей данного текста с другими текстами и информационными ресурсами; *креолизуемостью* – существованием сигнально-иконического единства вербального ряда и мультимедийных рядов в компьютерном тексте. Эти признаки меняют наши представления о языке как средстве общения, о человеке в языке и о филологическом знании. Наряду с конститутивными признаками, компьютерная коммуникация характеризуется аддитивными признаками: *американизация* – внедрение норм поведения американской культуры как основного источника культуры глобализационной; *ювенилизация* – ориентация на нормы игрового молодежного поведения как доминирующего образца современной массовой культуры; *виртуализация* – восприятие размытого времени, сближение пространства, множественная самоидентификация; *презентационность* – акцентирование своего имиджа для продвижения своего контента как товара или продукта, уподобляемого товару;

*фетишизация* – оценочная трансформация картины мира под влиянием представлений об уподоблении мира компьютеру, обусловленная перенесением характеристик инструмента на субъектов, использующих инструмент.

*Модель компьютерного общения* включает в себя его участников, режим и канал, при этом определяющим компонентом является канал как способ ведения актуального либо сетевого диалога. В актуальном диалоге наиболее важной ролевой характеристикой участников является противопоставление профессионалов и непрофессионалов в сфере информационных технологий, в сетевом диалоге ролевые характеристики коммуникантов определяются их самопрезентацией. *Режим общения* сводится к эпистолярному либо инсталляционному способу коммуникации. Эпистолярный способ компьютерной коммуникации представлен жанрами деловой и личной корреспонденции, первая реализуется в актуальном диалоге, вторая – в актуальном и сетевом. Инсталляционный способ компьютерной коммуникации представляет собой разыгрывание действия, обусловлен стереотипами рекламного поведения и включает в себя три основных типа – фатическое, смеховое и агрессивное сетевое общение.

*Металинеарность и креолизуемость компьютерной коммуникации* способствуют стремительному разрастанию ее жанров, при этом ее сетевое направление развивается более активно, чем актуальное. Эти же признаки приводят к упрощению языковых способов выражения идей под влиянием возрастающей доли визуализации информации. Аддитивный признак американизации в компьютерной коммуникации проявляется в специфической трансформации этикета, присущего среднему классу западной цивилизации, в нормы и правила поведения в компьютерной сети – сетевой этикет / нетикет. Аддитивные признаки ювенилизации и презентационности приводят к высокой степени коммуникативной креативности в сетевом общении, постоянному поиску новых экспрессивных способов самовыражения и самопродвижения.

*Знаковое пространство компьютерной коммуникации* представлено разнородными сигнальными и иконическими образованиями. В ряду первых выделяются терминологические единицы, обозначающие устройство компьютера, информационные технологии, организацию сети, вторые распадаются на различные визуальные и аудиальные образы, органически включенные в текст. Компьютерная коммуникация высоко терминологизирована. Терминология, представленная в тезаурусе актуальной компьютерной коммуникации, образует следующие обширные лексико-семантические группы: номинации устройства (аппаратной части) компьютера; номинации действий и операций, совершаемых компьютером; номинации технологических средств работы на компьютере. В сетевой компьютерной коммуникации широко представлены общелитературные слова, которые в компьютерной коммуникации приобрели особое терминологическое значение.

*Для актуальной компьютерной коммуникации* характерна репрезентация ее концептосферы преимущественно через *антропоморфные* и близкие к ним *аксиологические метафоры*, базирующиеся на уподоблении состояний и действий компьютера человеческим, содержащие в себе компоненты позитивной и негативной оценки компьютера и его применения. Значительный вклад в репрезентацию концептосферы актуальной компьютерной коммуникации вносят *инструментальные метафоры*, маркирующие вспомогательный характер действий компьютера для деятельности человека, а также *фито- и фауноморфные метафоры*, базирующиеся на концептах окружающего человека мира живой природы. *Для сетевой компьютерной коммуникации* важна репрезентация концептов через образ общения как глобального киберпространства, что реализуется посредством *пространственных метафор*, связывающих среду обитания человека и компьютера во временном промежутке их совместного существования. Представление о киберпространстве как обитаемой среде представлено через *социумно ориентированные метафоры*, базирующиеся

на идее объединения компьютеров и людей в сообщества.

*Жанровое пространство компьютерной коммуникации* представляет собой стремительно меняющуюся систему разнородных коммуникативных образований, при этом одни ее текстотипы сориентированы на обиходное общение, другие – на массово-информационное, третьи – на деловое, четвертые – на игровое, при этом их признаки зачастую пересекаются и размываются. Наиболее ярко проявляются жанры сетевого персонального общения, поэтому может сложиться впечатление, что вся компьютерная коммуникация сводится к системе именно этих жанров. Однако сегодня активно развиваются жанры актуальной компьютерной коммуникации в виде общения профессионалов между собой, так и с непрофессионалами. Кроме того, формируются жанры институциональной сетевой коммуникации в виде официальных сайтов властных струк-

тур, учреждений и организаций, новостных порталов и др.

#### *Литература:*

1. Галичкина, Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: монография. Волгоград: Парадигма, 2012. 322 с.
2. Галичкина, Е.Н. Номинативные процессы в актуальной компьютерной коммуникации // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Тематический выпуск. 2011. Т. 13. № 2 (3). С. 655–660.
3. Галичкина, Е.Н. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: кол. моногр. / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА-Наука, 2012. Гл. 2. С. 53–71.
4. Галичкина, Е.Н. Лингвистический статус компьютерной коммуникации // European Social Science Journal / Европейский журнал социальных наук. 2013. № 12 (39). Том 2. Москва. С. 232–238.
5. Галичкина, Е.Н. Введение в компьютерную коммуникацию: учебное пособие. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2014. 132 с.

О.А. Леонтович

## МЕТОД ДИСКУРС-АНАЛИЗА

**Определение.** Дискурс-анализ представляет собой обширную группу разнообразных по своей сути, лингвистически ориентированных подходов. М.Л. Макаров определяет его как «интегральную сферу изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности» [Макаров, 2003, с. 99].

**Теоретические основы.** Понятие дискурс-анализа было впервые введено в научный обиход З. Хэррисом в 1952 г. [Harris, 1952a; 1952b]. Ключевые положения метода восходят к трудам ученых из разных дисциплин: антропологии [Hymes, 1972; Bauman & Sherzer, 1974; Duranti, 2001], лингвистики [van Dijk, 1972; Grimes, 1975; Fairclough, 2003; Демьянков, 1982; Степанов, 1995], прагматики [Austin, 1962; Searle, 1969; Wunderlich, 1976], семиотики [Barthes, 1964; Eco, 1976; Kress & Leeuwen, 1990], социолингвистики [Labov,

1972; Gamperz, 1974; Карасик, 2004], когнитивной психологии [Wodak & Meyer, 2001].

Т.А. ван Дейк полагает, что возникновение междисциплинарного поля исследования дискурса обусловлено следующими причинами: 1) интересом к естественному использованию языка в противовес абстрактным языковым системам и придуманным примерам; 2) необходимостью исследовать более крупные единицы, нежели изолированные слова и предложения – тексты, дискурсы, коммуникативные события; 3) включением в сферу лингвистики коммуникативных действий и интеракций; 4) учетом не только вербальных, но и невербальных аспектов коммуникации; 5) исследованием языка в социальном, культурном и когнитивном контексте; 6) обращением к ряду понятий, которые ранее игнорировались учеными, таким как: когеренция, макроструктуры, речевые акты,

мена коммуникативных ролей и т. д. [van Dijk, 1981].

Дискурсы не только представляют мир в том виде, в котором он существует или видится нам, – они также проективны и изображают возможные миры, отличные от реального [Fairclough, 2003: 124]. Таким образом, к обозначенным выше признакам дискурса добавляется его способность конструировать социальный мир коммуникантов.

В качестве объекта дискурс-анализа могут выступать естественные дискурсивные / речевые события (диалоги, монологи, полилоги); документы, электронная почта, тексты массовой коммуникации, художественной литературы и т. д. В настоящее время наблюдается расширение понимания текста: от письменного документа – к устному, и далее – к широкому кругу предметов и явлений, способных выполнять коммуникативные функции, таких как фотография, тематические парки, ландшафтный дизайн, технологии, лифты, автостоянки, бани, соревнования по борьбе, автомобили и т. д. – всему тому, что может быть «прочитано».

**Инструментарий анализа.** Одним из важных инструментов дискурс-анализа является способ фиксации устного дискурса на бумаге, называемый транскрипцией. Существует несколько разновидностей нотационных систем: 1) стандартная орфография; 2) «литературная» буквенная транскрипция; 3) псевдофонетическая транскрипция; 4) фонетическая транскрипция с применением IPA (International Phonetic Alphabet – международного фонетического алфавита) [Макаров, 2003, с. 112].

Для характеристики микро- и макротекста интеракции используется *этнографический протокол*, в котором фиксируются: культурный контекст; время; место; состав участников; цель интеракции; форма; тональность общения; стиль дискурса [см., например, Макаров, 2003, с. 224; Леонтович, 2011]. В зависимости от целей исследования в протокол могут быть введены и другие параметры анализа.

**Единицы** дискурс-анализа включают: речевую ситуацию; речевое событие; речевой акт; интеракционный или коммуникативный акт; коммуникативный ход; репликовый шаг и т. д. Минимальная единица коммуникативного взаимодействия (интеракции) может обозначаться различными терминами: обмен, интерактивный блок, простая интеракция, элементарный цикл.

К **параметрам** дискурс-анализа относятся:

– *Участники общения*, анализируемые по следующим критериям: физиологическая, психологическая, социальная идентичность; статус; отправитель или получатель информации; характер самоидентификации; уровень коммуникативной, лингвистической и культурной компетенции; взаимоотношения между коммуникантами (история взаимоотношений, степень знакомства, психологический настрой, ролевые отношения, соотношение комплексов ценностей, степень асимметрии).

– *Контекст общения*: внутренний / внешний; речевой; экзистенциальный; ситуационный; акциональный; психологический.

– *Форма коммуникации*: прямая / косвенная; опосредованная / неопосредованная.

– *Виды коммуникативной деятельности*: говорение, слушание, чтение, письмо.

– *Содержательная составляющая*: тема говорящего / тема дискурса; экспликатура / имплицатура; референция / инференция; пресуппозиция; интертекстуальность.

– *Сценарная составляющая*: скрипт (сценарий).

– *Социально-интерактивная составляющая*: взаимосвязи высказываний в дискурсе; мена коммуникативных ролей; типы коммуникативного обмена; коммуникативная инициатива; коммуникативная стратегия и т. д.

– *Эмоциональная составляющая*; релевантные проявления в дискурсе эмоций: свидетельства нервозности, запинки и поправки, колебание, резкие смены темы, тактика избегания, симптоматическое невербальное поведение, повторы и т. д.

**Области применения.** С помощью дискурс-анализа могут исследоваться диалогические и монологические тексты, естественная речь, художественная литература. Метод применяется при изучении практически всех видов коммуникации: политической, идеологической, экономической, медицинской, педагогической, межкультурной, массовой и т. д.

*Литература:*

1. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста. М.: Всесоюзный центр переводов. 1982.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
3. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. М.: РАН. Институт языкознания, 2003.
4. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35–73.
7. Austin J.L. How to do Things with Words. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
8. Barthes R. «Eléments de sémiologie». Communication, 1964, 4: 91–135.
9. Bauman R. & Sherzer J. Explorations in the Ethnography of Speaking. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
10. van Dijk T.A. Discourse Studies and Education. Applied Linguistics, 2, 1981, 1–26.
11. van Dijk T.A. Some Aspects of Text Grammars. The Hague: Mouton, 1972.
12. Duranti A. Ethnography of Speaking: Toward a Linguistics of Praxis. In: Intercultural Discourse and Communication. The Essential Readings / eds. S. F Kiesling & C.B. Paulston. Blackwell Publishing Ltd., 2005. P. 17–32.
13. Eco U.A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976.
14. Fairclough N. Analysing Discourse. New York: Routledge, 2003.
15. Grimes J.C. The Thread of Discourse. The Hague: Mouton, 1975.
16. Harris Z.S. Discourse Analysis. Language, 1952a, 28:1.1–30.
17. Harris Z.S. 1952b. Discourse Analysis: A Sample Text. Language 28:4. P. 474–494.
18. Hymes D. Models of Interaction of Language and Social Life. In: Directions in Sociolinguistics / eds. J.J. Gumperz & D. Hymes. The Ethnography of Communication. New York, 1972.

19. Kress G. & van Leeuwen T. Reading Images. Victoria: Deacon University Press, 1990.
20. Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
21. Gumperz J.J. Linguistic and Social Interaction in Two Communities // Language, Culture and Society: a book of readings. Cambridge, Massachusetts: Winthrop Publishers, 1974. P. 250–266.
22. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
23. Wodak R. & Meyer M. (Eds.). Methods of Critical Discourse Analysis London: Sage, 2001.
24. Wunderlich D. Methodological Remarks on Speech Act Theory // Speech Act Theory and Pragmatics. Dordrecht; Boston, 1976. P. 291–312.



Марианна Альфредовна Фадеичева  
1958–2015

Недавно случилось, казалось, невозможное: ушла из жизни наша коллега, друг, талантливый ученый, соратник по многим исследовательским проектам, ученый секретарь Международной академии дискурс-исследований (МАДИ), доктор политических наук Фадеичева Марианна Альфредовна.

Марианна Альфредовна была прекрасна во всех своих ипостасях. Студенты и преподаватели многих вузов восхищались ее педагогическим и риторическим мастерством, живостью изложения сложного материала, богатством юмора и убедительностью аргументов. Коллеги, изучая программы разнообразных конференций и круглых столов, знали, что там, где в докладчиках заявлена М.А. Фадеичева, непременно завяжется интересный разговор, будет дискуссия, появится стремление к новым научным встречам.

Сотрудники Института философии и права УрО РАН, где Марианна Альфредовна проработала много лет в качестве главного

научного сотрудника, ученого секретаря диссертационного совета, члена Ученого совета, помнят ее яркие и ценные выступления, советы, творческие находки, ее удивительную доброжелательность в научных и межличностных коммуникациях.

Особенно важно сегодня сохранить во множестве деталей печатные и публичные, медийные и виртуальные, формальные и неформальные выступления и образы нашей коллеги. Давайте вместе вспомним некоторые моменты научной биографии Марианны Альфредовны.

В 1980 г. М.А. Фадеичева окончила философский факультет Уральского государ-

ственного университета им. А.М. Горького, где на отлично защитила диплом на тему «Критика антропологической методологии социального познания в «философии жизни» Анри-Луи Бергсона». В 1987 г. поступила в аспирантуру в Уральский государственный университет, где в 1990 г. под руководством доктора философских наук, профессора К.Н. Любутина защитила кандидатскую диссертацию по философии «Диалектика ценности жизни и ценности культуры».

С 1994 г. занималась организационной и преподавательской деятельностью в Уральском гуманитарном институте, с которым не прекращала сотрудничать вплоть до последнего времени.

В 2000 г. поступила в докторантуру при Институте философии и права Уральского отделения РАН, а в 2004 г. защитила докторскую диссертацию по политическим наукам на тему «Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов (теоретико-методологический анализ)». С данного момента работала в Институте, вела масштабную научно-исследовательскую, экспертную и консультационную работу.

Марианна Альфредовна опубликовала более 220 научных трудов, из них 5 монографий (4 – в составе авторских коллективов). Последняя, вышедшая совсем недавно, называется «Soft power: теория, ресурсы дискурс» (Екатеринбург, Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015). В ней глава 3 «Soft power в межэтнических коммуникациях» написана М.А. Фадеичевой.

Марианна Альфредовна была членом редколлегий и автором многих авторитетных российских журналов (Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН, Научный журнал «Дискурс-Пи», Политический вектор-PRO и др. Читатели журнала ПОЛИС запомнили ее по таким ярким и новаторским статьям, как «О пользе и вреде истории для жизни» (2004. № 3), «Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России» (2006. № 4), «Университетская этнополитоло-

гия ad marginem» (2007. № 6). В журнале ПОЛИТЭКС она опубликовала несколько статей, одна из последних называлась «Политическая символика государств Юго-Восточной Азии как инструмент мягкой власти» (2012. Том. 8. № 4)).

Но более всего статей (17 наименований) М. А. Фадеичева опубликовала в нашем журнале. Последняя ее статья называется «Экзистенциальные основания языка вражды» («Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18)).

Марианна Альфредовна – один из инициаторов создания МАДИ. Она принимала самое заинтересованное участие во всех творческих и научных проектах МАДИ, в особенности в организации, научном и фото-видео-медийном оформлении проектов под названием «Дискурс травелога». Все, кто был участником «травелогов», проходивших на о. Хайнань, во Вьетнаме, на Гоа, в Таиланде, на о. Цейлон, не забудут, с какой энергией и энтузиазмом она включалась в практическую реализацию дискурса туризма, гурман-дискурса, аква-дискурса, шоу-дискурса, дискурса интеллектуального пира.

Марианна Альфредовна хорошо известна научному миру как один из активных организаторов и участников форумов Российской ассоциации политической науки (на протяжении нескольких лет она возглавляла Свердловское региональное отделение РАПН), Российского философского общества (на Конгрессе в Уфе в октябре 2015 г. она должна была руководить работой круглого стола «Философия, культура и дискурс мобильности»).

Уход из жизни М. А. Фадеичевой потряс многих. Крайне несправедливо, что она ушла так рано, в том возрасте, когда, казалось бы, можно сделать еще очень и очень много.

Редколлегия Научного журнала «Дискурс-Пи», друзья, соратники и коллеги Марианны Альфредовны глубоко переживают невосполнимую и страшную потерю.

Дорогая Марианна Альфредовна, прощай. Ты всегда будешь в нашей памяти и в наших сердцах.





# Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

1) Автор направляет рукопись по электронной почте.  
2) Текст статьи представляется на русском языке объемом до 19 100 знаков (без учета пробелов, включая сноски). Формат файла – Microsoft Word 97–2010. Шрифт – Times New Roman Сут, 14 кегль (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поля со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, не добавляя переносов слов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную (не пробелами или табуляцией).

3) В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов и должны иметь последовательную нумерацию. Электронный вариант каждой иллюстрации предоставляется в отдельном файле.

5) Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6) Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются инициалы и фамилия автора.

7) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).

8) Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28], [8; 9; 15]); в конце статьи размещается библиографический список в алфавитном порядке.

9) Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

10) Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

11) Вместе с текстом статьи автором представляются в электронном виде на русском и английском языках:

- краткая (до 300 печатных знаков) аннотация;
- ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);
- сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.